

НАУКА И РЕЛИГИЯ

12
1990

ISSN 0130-7045

ЧИТАЙТЕ
В ПЕРВЫХ
НОМЕРАХ
БУДУЩЕГО
ГОДА:

Отец
Александр
МЕНЬ
Встреча

Пред-
определение
в Коране

Был ли
Рюрик?

Магия на
все времена

Китайская
классическая
«Книга
перемен»

КРЫСА	1900	1912	1924	1936	1948	1960	1972	1984	1996
БЫК	1901	1913	1925	1937	1949	1961	1973	1985	1997
ТИГР	1902	1914	1926	1938	1950	1962	1974	1986	1998
КОТ	1903	1915	1927	1939	1951	1963	1975	1987	1999
ДРАКОН	1904	1916	1928	1940	1952	1964	1976	1988	2000
ЗМЕЯ	1905	1917	1929	1941	1953	1965	1977	1989	
ЛОШАДЬ	1906	1918	1930	1942	1954	1966	1978	1990	
КОЗА	1907	1919	1931	1943	1955	1967	1979	1991	
ОБЕЗЬЯНА	1908	1920	1932	1944	1956	1968	1980	1992	
ПЕТУХ	1909	1921	1933	1945	1957	1969	1981	1993	
СОБАКА	1910	1922	1934	1946	1958	1970	1982	1994	
КАБАН	1911	1923	1935	1947	1959	1971	1983	1995	

Читайте в этом номере (с. 52) рассказ Григория Кваши о тайнах восточного гороскопа.

В номере 12

НАУКА И РЕЛИГИЯ

**Декабрь
'90**

На первой
странице обложки
рисунок Ольги БРЕЛЬ.

На второй
странице обложки
рисунок И. СМЕРНОВОЙ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»**

Издается с сентября 1959 года

**Главный редактор
В. Ф. ПРАВОТОРОВ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. Алискеров,
О. Т. Брушлинская
(ответственный секретарь),
В. И. Гараджа,
Н. А. Ковальский,
Э. И. Лисавцев,
Б. М. Марьянов,
В. П. Маслин,
М. П. Новиков,
В. П. Пазилова (зав. отделом),
И. К. Пантин,
В. Е. Рожнов

РЕДАКЦИЯ

В. П. Ахрамович,
Э. В. Геворкян,
Г. В. Дремова,
Г. В. Иванова,
Ю. М. Кузьмина,
Е. С. Лазарев,
Е. Н. Латышева,
В. К. Лобачев,
Л. А. Немира,
И. В. Потемина,
С. Н. Родина,
А. А. Романов,
О. Ю. Тверитина

Художественный редактор
С. И. Мартеньянова.
Зав. редакцией
А. П. Ромашкина

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗНАНИЕ»**

© Журнал
«Наука и религия»,
1990.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-40-91

Сдано в набор
20.09.90.
Подписано
к печати 12.11.90.
Формат 60×90/8.
Бумага
офсетная № 2.
Офсетная
печать.
Усл. печ. л. 8.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,98.
Тираж 700 000 экз
Заказ 064.
Цена 40 к.

Журнальный
комплекс
издательства
«Радянська
Україна».
252146, Киев-146,
ул. Героев Космоса,
6.

- 2 АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ
Д. Кугультинов
- 3 Человек — это тот, кто верит
- 3 «Русский пророк в изгнании»
- 4 Т. Елизарова
- «Сеять рознь и насилие — великий грех»

- 7 ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
Е. Ополовникова
- Вне суеты земной

- 10 КОНТАКТ
К. Кокин
- «Ведомое рисование» и «терапия тела» — как это делается
в Рютте

- 13 ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ
Рафаэль
- Медицинская астрология, или
- 41 Действие знаков и планет на тело человека
Л. Волкова
- Вин чун

- 19 ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ
А. Никитин
- По следам апостола Андрея

- 21 ТОЧКА ЗРЕНИЯ
В. Федоров
- Святой старец Александр Благословенный

- 23 ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
А. Мацейна
- 25 Великий инквизитор
А. Гулыга
- Великий инквизитор вчера и сегодня

- 26 МИФОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
Тибетская «Книга Великого Освобождения»
- 30 И. Вейнберг
- «Освое» время человечества
- 31 Е. Лазарев
- Грозные буквы
- 33 Египетская «Книга мертвых»

- 34 ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ
В. Казначеев
- Реабилитация древних знаний
- 34 Б. Пружинин
- 52 Звезды не лгут. Люди ошибаются
Г. Кваша
- Тайны восточного гороскопа

- 36 НАШИ ЭКСПЕДИЦИИ
Е. Лазарев
- Весна в стране Уйкоаль

- 46 ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ: НАХОДКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ
К. Кастанеда
- Путешествие в Икстлан

- 48 СТРАНИЦЫ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
М. Гаспаров
- Занимательная Греция

- 50 НЕФОРМАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
Е. Латышева
- Экумена — чаша мира

- 16 ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО
Б. Марьянов
- 57 Сорокалетняя новость
А. Чумаков
- Дорога краем пропасти
- 62 Напечатано в 1990 году

Наш корреспондент А. Романов беседует с народным депутатом СССР, писателем Давидом КУГУЛЬТИНОВЫМ.

Все мы остро переживаем кризис нашего общества. И главное — такот надежды на возможность его относительно быстрого преодоления. Еще недавно уверенно провозглашалось: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! А сегодня многие столь же уверенно готовы утверждать, что оно будет жить в условиях нарастающего кризиса. Неуверенность в будущем рождает страх, увеличивающийся поток эмиграции. В чем, на ваш взгляд, причина того, что с нами происходит?

— Причин много и многое о них уже сказано: это раскрестьянивание и физическое уничтожение наиболее трудолюбивых и одаренных землепашцев, утрата крестьянами чувства хозяина земли, это насильственная «интернационализация», за которую сегодня расплачиваемся обострением межнациональных конфликтов, это грубейшие нарушения элементарных демократических норм во имя так называемого «высшего», государственного интереса. Нужно сказать и о серьезных просчетах, ошибках, допущенных в ходе перестройки нашей экономики, политической системы. Но главное — глубокий духовный кризис, отказ от таких нравственных ценностей, как «не убивай», «не кради», «не прелюбодействуй», которые веками скрепляли человеческое общество. Вместо них критерием прогресса провозглашались то классовый интерес, то достижения научно-технической революции, а нравственное начало постоянно ютилось где-то на задворках общества. Маяковский, надивившийся чудесам американской техники, прозорливо заметил, что если на развитие современной науки и техники не накинута этический намордник, — перекусает всех. И перекусало. Да еще как. До сих пор тысячами человеческих жизней платим за самонадеянность творцов Чернобыльской АЭС. Говорят, были недостатки в технических расчетах, а по мне — прежде всего был там недостаток совести, нрав-

ВЫБОР

Совость всегда свободна, даже за колючей проволокой ГУЛАГа. Два человека поразительно схожей и в то же время такой разной судьбы. Война, подвиг во имя народа, во имя высоких нравственных целей и награда — тюрьма, лагерь, ссылка. Как тут не заколебаться, как устоять? Сколько раз там, на каторге, ломали человека и зачастую умерщвляли его душу, когда тело еще продолжало как-то существовать.

А эти — выстояли, не сломались. И — каждый по-своему — стали духовной опорой своему народу, его совостью. Что помогло им? В чем черпали свои силы? Виктор Астафьев, размышляя о судьбе А. И. Солженицына, сказал: «Религия на него оказала огромное влияние, быть может, она ему жизнь спасла». Может быть... Об этом, верно, лучше послушать самого Александра Исаевича.

Иной была духовная опора Давида Кугультинова, вынесшего не менее суровые испытания. Кто прав из этих двоих? А быть может, правы оба? Читатель, привыкший к спасительной определенности, наверное, вновь посетует на отсутствие у журнала собственной позиции. Но мы все-таки будем придерживаться своего принципа: выбор духовной опоры — дело совести каждого, ибо совесть — свободна.

ственного начала. В политике, экономике, технике на первом плане должна быть нравственность.

— Значит, науку надо дополнить, более того, контролировать моралью? А какую роль может здесь сыграть религия?

— Пора отказаться от примитивных логических схем: будто наука существует лишь для того, чтобы стереть религию или, напротив, религия — чтобы уничтожить науку. Вот ведь в вашем журнале вполне спокойно излагается и методология науки, и принципиально отличный от нее способ освоения мира — религия. Существует множество путей, способов поиска истины, защиты справедливости и добра, вобравших в себя вековой опыт народов. Отбрасывать любой из них только на том основании, что он не похож на другой, являет собой иной стиль, манеру мышления, инакомыслие, — по меньшей мере, самонадеянно. Особо важна в современном научном поиске, в реализации научных открытий, нравственная функция религии, способная оградить человечество от чрезмерной гордыни рационального познания.

— Вы не доверяете знанию?

— Напротив. Мы слишком часто полагались на веру — веру в идеалы, в призывы, красиво построенные пятилетние планы, в магическую силу наших вождей и т. д. Мы часто искренне осуждали, отрицали научные истины, факты жизни и реалии культуры, даже не вникая, а то и вовсе не зная их, лишь на том основании, что верили тому или иному авторитету, который давал им отрицательную оценку. Можно было, оказывается, не знать факт, вполне довольствуясь его официальной оценкой. Слава богу, гласность, свобода совести, плюрализм положили ныне конец этому позору.

— Да, плюрализм мнений, позиций, многопартийность, отражающая интересы и взгляды различных групп, — все это освобождает человека от слепой веры, формирует осознанное отношение к жизни.

— Я бы не спешил с таким оптимистическим выводом. Напомню запись из дневника Л. Н. Толстого. К нему пришли два социал-демократа. Он долго с ними разгова-

ривал и после того, как они ушли, убедился в необходимости партий, потому что люди должны во что-то верить и для этого иметь свое мировоззрение, но если нет этого мировоззрения, они должны непременно откуда-то его черпать. Толстой писал, что люди, которые не могут думать, вступают в разные партии для того, чтобы за них думали другие, а они говорили то, что за них кем-то сказано... Сколько горечи в этих наблюдениях великого писателя и сколь верны они, к сожалению, и сегодня.

— Но у каждого народа есть еще свой исторический опыт, свои традиции, религия, культура, свои обычаи и нравы. Народы нашей страны долгое время говорили на разных языках и при этом хорошо понимали друг друга. А вот теперь это понимание как-то исчезает. Все мы вроде за перестройку, демократию, за переход к рынку, а разногласия, конфликты, доходящие до прямого разрыва с союзным государством, постоянно растут. Точно как на строительстве Вавилонской башни — будто лишил нас кто-то общего для всех нас языка, а с ним и взаимопонимания.

— Не думаю, что возвращение к национальному языку, возрождение национальной культуры наших народов ослабляет Союз Советских республик. Тут, как я уже говорил, действуют иные процессы — единство, построенное на унификации наций, искусственном и зачастую насильственном их объединении, должно уступить действительному содружеству равноправных народов, независимо от численности последних. Не силой числа, а силой, величиим национального духа каждый народ равен другому. Каждый несет свой неповторимый исторический опыт, взаимообогащая Союз или Федерацию народов — это уж как они решат для себя лучше. И язык тут, разумеется, не помеха, наоборот.

В языке аккумулированы тысячелетний опыт, мудрость народа, его мучительный поиск истины. Представьте себе, сколько стоило каждому народу сказать слово «огонь» на своем языке, сколько раз нужно было обжигаться, отскакивать от пламени, которое возникало от удара молнии в дерево. И наконец, назвал «огонь», воплотил в это слово все качества огня, температуру, цвет.

— Вначале было слово или все-таки дело. Жизнь?

— Вы ждете, вероятно, лаконичный, однозначный ответ. А я хочу привести вот такой пример. Есть в Москве Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, которым руководит академик П. В. Симонов. В одной из реанимационных палат он наблюдал возвращение к жизни после клинической смерти. Когда засветились экраны и по ним побежали контуры энцефалограмм, импульсы шли со стороны сектора той части мозга, где сосредоточена речь. Возникло слово — и возвратилась жизнь.

Так что же здесь было вначале: слово или жизнь? Главное — слово, воплотившее истину. Это и есть жизнь. Благодаря слову мое знание становится вашим знанием, ваше — моим, и каждый из нас при этом становится духовно богаче. Говорят, у человека есть даже специальный ген речи, чего нет у самых смысленных животных — дельфинов и, признаюсь, мне почему-то приятно — у обезьян. Может быть, и нормы общечеловеческой морали тоже каким-то образом закодированы в наших генах. И когда нормы эти пытаются разрушить, разрушают фактически человеческое в человеке.

— Вы как гражданин, человек, поэт, политик прошли сложный и тяжкий путь, вынесли столько, что с лихвой хватило бы на десятерых. При этом не ожесточились, не утратили веры в принятые вами по убеждению идеалы, остались коммунистом. И сегодня, кажется, не собираетесь выходить из партии?

— Вы не первый задаете такой вопрос. Не так давно во время пребывания в США меня спросили: «Господин Кугультинов, ваш народ подвергался насильственной высылке. Вы прошли войну, защищая Родину, и оказались потом в тюрьме, 10 лучших лет у вас отнято... Какая вам выгода от того, что остаетесь в партии, которая с вами так

Окончание на с. 26.

«Русский пророк в изгнании» —

так называлось интервью
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
журналу «Тайм» (США)
от 24 июля 1989 г.

Приводим его с некоторыми
сокращениями.

Вопрос: В молодости вы были убежденным коммунистом, комсомольцем. Как случилось, что ваши идеи изменились и вы стали верующим, христианином?

Ответ: Позвольте мне внести одну поправку. Мои родители воспитывали меня в духе христианства, и почти все мои школьные годы, то есть до 17 или 18 лет, я был против советского воспитания. Мне приходилось скрывать это от других. Но это силовое поле марксизма в том виде, в каком оно существует в Советском Союзе, имеет такое воздействие, что проникает в мозг молодого человека и постепенно овладевает им. С 17 или 18 лет я внутренне изменился, и с этого времени я стал марксистом, ленинцем и ве-

рил во все это. Таким я был, когда я учился в университете, затем во время войны и вплоть до тюрьмы. Но в тюрьме я встретился с самыми разными людьми. Я увидел, что мои убеждения не имеют прочной основы, что их можно оспорить, и мне пришлось отказаться от них. Тогда встал вопрос о том, чтобы вернуться к тому, что я постиг в детстве. На это потребовалось более года. Другие верующие повлияли на меня, но, в сущности, это было возвращение к тому, во что я верил прежде. Тот факт, что я чуть не умер, был для меня глубоким потрясением. Когда мне было 34 года, мне сказали, что я обречен, потом я вернулся к жизни. Такие вещи всегда оказывают воздействие на убеждения человека.

Вопрос: Ваши идеи относительно христианской веры в форме русской православной церкви и русского национализма побудили некоторых критиков обвинить вас в шовинизме и ксенофобии. Являетесь ли вы русским националистом и что это для вас значит?

Ответ: Просто поразительно, сколько лжи было сказано обо мне. Я назову вам некоторые обвинения, которые мне предъявляют, что я сторонник теократии, что я хочу, чтобы государством управляли священники. Но я никогда ничего подобного не писал. Еще, что у меня ностальгия по царям, что я хочу, чтобы наша современная коммунистическая Россия вернулась к царизму. Не говоря уже о том, что только безумец может считать, что можно вернуться в прошлое, я нигде не писал ничего подобного. Я нигде не писал о том, что монархия — идеальная система. Все это из-за того, что в Советском Союзе Николая II всегда описывали как недочеловека, как какую-то „мартышку“, страшного негодяя. Я же его описал как человека. Иными словами, я отошел от принятой нормы.

Одни искажают вещи сознательно, другие просто не дают себе труда проверить свою информацию. Это просто поразительно, и мне стыдно за журналистов. И никто никогда не приводит

никаких цитат. То же самое можно сказать и об обвинении меня в том, что я националист. Я — патриот. Я люблю свою родину. Я хочу, чтобы моя страна, которая больна, которую 70 лет уничтожали и которая находится на грани смерти, я хочу, чтобы она возродилась к жизни. Но это вовсе не значит, что я националист. Я вовсе не хочу ограничивать кого-то другого. Каждая страна имеет своих патриотов, которые обеспокоены ее судьбой...

Вопрос: Вы сказали, что моральная жизнь Запада пришла в упадок за последние 300 лет. Что вы хотели этим сказать?

Ответ: Происходит технический прогресс, но это не эквивалентно прогрессу человечества как таковому. В каждой цивилизации это очень сложный процесс. В западной цивилизации — которую обычно называют западнохристианской, но которую сейчас правильнее называть западноязычной — наряду с развитием интеллектуальной жизни и науки были утрачены серьезные моральные основы общества. За эти 300 лет западной цивилизации стало гораздо меньше обязанностей и гораздо больше прав. Но у нас два легких. Нельзя дышать только одним и не дышать другим. Мы должны взять на себя в равной степени права и обязанности. Но если это не установлено законом, если закон не обязывает нас к этому, то мы должны сами себя контролировать. Когда создавалось западное общество, оно было основано на той идее, что каждый человек сам ограничивает свое поведение. Каждый человек понимал, что ему можно делать и что нельзя. Закон сам по себе не сдерживал людей. С тех пор единственное, что мы развиваем, это права, права, права — в ущерб долгу.

Мечеть Ходжи Якуб — один из немногих исторических памятников, сохранившихся в Душанбе, построена чуть больше ста лет назад. Со всем недавно ее хотели снести и на ее месте построить Республиканскую комсомольскую школу. Времена, однако, ныне другие, и воля даже самого высокого республиканского начальства отступает, если сталкивается она с волей и упорством народа. Мечеть отстояли, и мусульмане, как и прежде, приходят сюда на молитву. Здесь всегда многолюдно еще и поэтому, что на территории мечети находится казиат — резиденция главы мусульман Таджикистана кази Ходжи Акбара Тураджонзода. На этой должности он всего два года. Она — выборная, выбирают члены Совета улемов Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана — собрания самых образованных и авторитетных мусульман. Во время ученого диспута претенденты должны проявить образованность, красноречие, умение владеть аудиторией и, конечно, глубокое знание вероучения.

Во всем этом Ходжа Акбар Тураджонзода превзошел остальных. Возможно, сказала семейная традиция — его отец, один из признанных ученых мусульманских авторитетов в Средней Азии, дал сыну хорошее религиозное образование, воспитывал в строгих мусульманских правилах. Ходжа Акбар окончил Бухарское медресе, Ташкентский Исламский институт, потом — Иорданский университет. Так возродилась долгие годы не действовавшая важнейшая исламская традиция — свободные выборы духовного наставника.

Наша беседа с кази Акбаром Тураджонзодой состоялась вскоре после его возвращения из Ирана, куда он в составе представительной делегации СССР ездил по приглашению иранского правительства на торжества, посвященные годовщине смерти имама Хомейни. Об этом визите и был мой первый вопрос.

— Остаются ли идеи имама Хомейни по-прежнему непререкаемым авторитетом в устройстве государственно-политической, экономической и духовной жизни страны? Заметны ли в стране тенденции к переменам?

Возможно, в городах Ирана и существует организованная оппозиция, или отдельные люди, не согласные с идеями имама Хомейни, но мы не увидели никаких признаков распада созданной им системы. Если судить по той силе скорби, которую мы наблюдали, имам Хомейни остается любимым духовным наставником иранских мусульман. Мавзолей имама построен в 10 километрах от Тегерана. Весь этот

Кази Акбар Тураджонзода: «Сеять рознь и насилие — великий грех»

путь в годовщину его смерти был запружен огромными массами людей, не ошибусь, если скажу — это были миллионы. Иностранцев гостей к мавзолею, где состоялась мемориальная церемония, доставляли только вертолетами...

В магазинах и лавочках, на рынках — богатейший ассортимент товаров — от редких манускриптов до самой современной импортной техники. Глядя на это изобилие, кажется, что экономика страны на подъеме. Люди на улицах красиво одеты, оживлены. У нас много писали о закутаных с ног до головы в паранджу женщинах Ирана, но я видел их в обычной одежде; волосы, шея, немного — лицо прикрывали шарфом — чадрой. Меня, весьма обеспокоенного ожесточением наших нравов, поразила какая-то всеобщая, естественная доброжелательность, высокая культура общения людей. Персия славилась во все времена своей традиционной культурой. Но при шахе ей грозил полный распад, шло забвение норм вековой морали, которую стремились заменить чуждыми народу стандартами западной цивилизации.

Наша делегация посетила дом Хомейни. Мой отец от имени мусульман СССР выразил соболезнование сыну имама ходжат уль-ислам Саид Ахмеду. Это могли видеть по телевидению все жители Ирана. Вообще нам уделялось немалое внимание, о нас писали газеты, сообщало радио и телевидение. Побывали мы и в шахском дворце.

Роскошество дворца, вероятно, призвано было демонстрировать силу и величие шахской власти, крепко державшейся 2000 лет. Однако власть эта рухнула в одночасье. Видимо, каждая культура имеет свои пределы стабильности и способности к усвоению нового, чужого. В Иране эти пределы были превышены — и произошел взрыв. К власти пришло духовенство — как гарант возрождения и сохранения традиций. Думаю, феномен Хомейни еще долго будет изучаться, у него много аспектов, меня же более всего сейчас интересует влияние его на мусульман Таджикистана.

— Кази-домулло, существует мнение, что ислам в Средней Азии, находясь многие годы на второстепенных ролях, потерял собственное лицо и ориентацию и потому сделался сильно зависим от зарубежного ислама. Высказывается, хотя и в косвенной форме, предположение, что мусульманское духовенство склонно повторить опыт Хомейни, захватить политическую власть и организовать исламское теократическое государство, дабы возродить разрушенные традиции, утраченную нравственность и культуру.

— Сначала о «захвате власти». Суннитское духовенство (в Средней Азии сунниты составляют большинство мусульман), в отличие от шиитских духовных лидеров, никогда в своей истории не было в конфликте с властями, оно не преследовалось ими и не претендовало на политическую власть. Такова историческая традиция, а она на Востоке — не пустой звук. Именно традиция делает немислимым в Средней Азии то, что возможно, например, в Иране. Хотя положение среднеазиатского ислама, действительно, последние годы было незавидным. Сегодня с печалью об утраченном можно вспомнить, что вплоть до начала XX века мусульманские ученые Средней Азии главенствовали в духовной жизни исламского мира и были высокопочитаемы во всех его пределах. Однако в конце 20-х — в 30-е годы в Средней Азии были разгромлены исламские религиозные центры — в Самарканде, Бухаре, других городах. О глубокой разработке теологии у нас не могло быть и речи. В медресе, которое почти все это время действовало в Бухаре, программа обучения была строго регламентирована властями, прием учащихся ограничен. Многие богословские науки просто не изучались, духовные дисциплины относились к области обрядов и ритуалов. Да и эти предметы изучались по источникам, написанным 500–600 лет назад, что само по себе, возможно, и неплохо, но, конечно, недостаточно. Выпускники наших мусульманских учебных заведений были плохо знакомы с достижениями современной исламской мысли, напряженно искавшей ответы на жизненные проблемы. Лишь в 70-х годах, по мере установления экономических связей СССР с не-

которыми исламскими странами, к нам начали проникать труды выдающихся теологов — Саида Кутба и его брата Мохаммада, имама Маудиди, теоретиков союза «братьев-мусульман»... Однако молодежь, которая знакомилась с их книгами, преследовалась властями.

— Отгороженность от общего потока мусульманской мысли, разумеется, факт печальный. Но вот вы упомянули труды теоретиков братьев-мусульман, не секрет ведь, что в этих работах содержится, помимо прочего, и обоснование допустимости насилия во имя высоких религиозных целей — именно эти идеи положены в основу организации террористических отрядов братьев-мусульман. Известно также, что привнесенная идея «экспорта исламской революции» не оставила равнодушными некоторых молодых мусульман в Средней Азии. Конечно, запретами распространения идей не остановишь, однако грезвый ум мудрых, авторитетных наставников может помочь молодежи сознательно осваивать идеи мировой исламской культуры, современную богословскую мысль, оберегая еще не окрепшие умы от опрометчивых действий. Вот, скажем, как следует понимать идею имама Хомейни об экспорте исламской революции с целью объединения мусульманского мира и создания единого исламского государства, включая и республики Средней Азии?

— В тех трудах имама, с которыми я знаком, я не нашел такого призыва. На мой взгляд, термин «экспорт исламской революции» подавался советской прессой гипертрофированно. Бывшее руководство СССР было заинтересовано в длительном течении ирано-иракской войны, которая отвлекала внимание от внедрения в Афганистан. Наша пропаганда создавала во многом искаженный образ Ирана. Хотя кто же будет оспаривать: «стражи исламской революции» порой делали и делают то, на что никакого права не имеют. Я, например, категорически осуждаю их агитацию среди паломников во время большого хаджа против правительства Саудовской Аравии, которая поддерживала в ирано-иракском конфликте Ирак. Считаю недопустимым выдвигаемое ими требование о выделении святынь из состава Саудовской Аравии и придания им независимого статуса, подобно Ватикану. Лично я вообще против какой бы то ни было дестабили-

зации, против передела, изменения границ, сложившихся за долгие исторические периоды. Время передела мира окончилось. Надо устраивать нормальную жизнь в устоявшихся границах.

— В ряде публикаций центральной прессы о трагических февральских событиях в Душанбе утверждалось, что это была вдохновляемая международным исламом попытка захвата власти и что во всем активно участвовало местное мусульманское духовенство.

— Да, были публикации, которые старались убедить читателя, будто во всем, происходящем в Средней Азии, в погромах, поджогах, пролитии крови виноваты подъем исламских настроений, действия исламских фундаменталистов, сговор местного мусульманского духовенства с зарубежными силами. Такая трактовка событий выгодна тем, кто хочет снять с себя ответственность за гибель людей, за дестабилизацию обстановки в городе и ближайших к нему районах. Подумайте сами: как можно в одном сообщении (в центральной газете) утверждать, будто комсомольцы приграничных районов обнаружили на той стороне реки бандоформирование, готовое оказать помощь в свержении Советской власти в Таджикистане, а на следующий день по телевидению — тоже центральному — устами заместителя командующего Среднеазиатским пограничным округом официально заявлять, что никаких скопленных бандосоединений на границе не обнаружено.

— Значит, «исламский фактор» не играл никакой роли в этих событиях?

— Не знаю, что можно называть исламским фактором. В те дни в прессе появился снова термин «исламская революция». Это было, по-моему, сделано для устрашения русского населения, кого-то устраивало, чтобы русские были напуганы — и здесь, и в центре. Были и провокационные лозунги, и выкрики, и призывы «защитить ислам». Но к официальному мусульманскому духовенству, которое, могу уверенно сказать, пользуется у народа авторитетом, это отношения не имеет. Мы, напротив, остерегали мусульман от соблазна поддаться таким призывам и стать участниками насилия. Имам-хатыбам мечетей города Душанбе и мне удалось утихомирить разбушевавшуюся на площади перед зданием ЦК партии молодежь, увести ее в тот момент, когда вся эта толпа была уже готова к погрому. После каждого намаза в мечети, в домах мусульман духовенство объясняло и объясняет правоверным грех насилия, призывает к мирному поведению при решении конфликтных ситуаций. Но вот об этих наших действиях централь-

ная пресса почему-то не находит нужным писать.

Немало было разговоров об исламских эмиссарах из Азербайджана. В один из тех тревожных дней мне сообщили, что в мечети какой-то приезжий из Азербайджана мутит народ. Я тут же позвонил в мечеть: ничего подобного не было — ни азербайджанца, никого другого, кто бы мутит народ. Думаю, и здесь было преднамеренное распространение слухов.

— Кто же составлял основную массу бушевавшей на улицах Душанбе стихии?

— В основном это были учащиеся ПТУ, техникумов, студенты, а не специально дривезенные, как об этом писала центральная пресса, сельские парни. Но эти ребята, действительно, — вчерашние кишлачные жители, приехавшие учиться в город. Образ их жизни можно назвать нищенским, какая скученность в общежитиях, какой скудный рацион, убожество быта и, главное — никакой надежды на то, что когда-то будет лучше. Ни работы, ни жилья.. Так было долго, слишком долго, но период терпения кончился. Читая прессу, наша молодежь видела, где-то рядом идет перестройка, жизнь меняется к лучшему, а наши власти словно бы твердо решили все оставить по-прежнему.

— Так чем же были февральские выступления? Поворотом вспять или стремлением к обновлению?

— Во всяком случае, это был социальный взрыв, бунт. А где бунт, там, к сожалению, кровь и насилие. Но все можно было предвидеть, предотвратить...

— Разрешите еще раз обратиться к событиям, но уже с другой стороны. Что бы ни писала пресса, все, кто умеет видеть, увидели, что мусульманское духовенство может влиять на настроения и действия масс, что оно — реальная политическая сила. В этой связи вновь возникает вопрос: а не возможен ли все-таки приход к власти мусульманского духовенства, как это произошло в Иране? И, вообще, не повлечет ли за собой усиление позиций ислама новых гонений — теперь уже против тех, кто исповедует иные духовные ценности? Скажем, такие страхи владеют сегодня русским населением в Таджикистане. Обоснованы ли они?

— И от имени мусульман, под лозунгами ислама можно творить всякое беззаконие и безобразия. Что касается перехода власти в руки духовенства, то, конечно, в истории бывали и бывают ситуации, вынуждающие священнослужителей совмещать функции духовного руководства и государственной власти в обществе. Но я не вижу и не предвижу пока такой ситуации ни в Таджикистане, ни вообще в Средней Азии. Даже если

возникла бы необходимость, сегодняшнее духовенство не готово к исполнению такой роли. Обществом управлять в современном профессионализированном мире должны компетентные политики. И если сегодня есть у духовенства влияние, возможность влиять на происходящие события, то оно будет использовать это прежде всего не для разжигания национальной вражды, а для мира и согласия между людьми. Религиозные лидеры будут настаивать на том, чтобы у власти находились честные, нравственные и компетентные люди, уважающие религию и традиции народа.

У религии есть своя, специфическая сфера приложения — воспитание чувств, морального поведения личности, воображения, самообуздания ею своих эгоистических импульсов и потребностей. Это — основа солидарности, без этих качеств люди не будут способны ни к какой коллективной жизни. Это — главная задача нашего духовенства, что не означает, разумеется, его уклонения от участия в решении наиболее острых проблем общества. Именно эта функция религии побуждает духовенство активно участвовать в процессе очищения общества, перестройки общественной жизни на основах морали, завещанной нам предками, нашим историческим прошлым.

Я категорически против включения духовенства в политическую партийную борьбу под флагом ислама, против участия его в партиях, названия которых включает слово «исламский». Завоеванные у народа уважение и авторитет мусульманское духовенство должно реализовать в своей сфере — духовного водительства общины. Разумеется, как граждане мусульмане вправе участвовать в любых партиях и движениях, но, если они истинные мусульмане, они должны всегда помнить, что люди, которым Аллах дал жизнь на этой Земле, — братья, у них единый долг перед единым Богом. И сеять рознь, порождать насилие, страх — это великий грех.

Окна кабинета кази, где шла наша беседа, выходят во двор мечети. Он заполнялся людьми, которые собирались на молитву. Их было много, несмотря на страшную жару. Думаю, сюда приходят прежде всего за душевным успокоением, которое дает исполнение религиозного долга, за разумным словом, за советом. Они так необходимы сегодня. Так много зависит от того, на что именно будет использован авторитет мусульманского духовенства, популярность идей ислама. Разговор с кази Акбаром Тураджонзода, хотя я и не во всем могла с ним согласиться, вселял надежду. В этом человеке ощущается душевная зрелость, какая-то внутренняя значительность, сознание своей большой ответственности.

Рсть на земле какие-то особые места, где, словно осененная высочайшим откровением, проясняется человеческая мысль и сердце, освобождаясь от тревог, наполняется мудростью и добротой. Такое место — Заполярье, где природа предстает как бы в своем изначальном виде.

Но с другой стороны, Заполярье — сущий ад на земле. Зимой здесь тьма тьмущая, вьюги и морозы, а летом — полчища комаров... Однако тянутся сюда людские души. «Север завораживает», — объяснял эту тягу девятнадцатый Папанин.

Северный Ледовитый океан поморы в старину называли Святым морем. Уже в XVI веке путь к заполярным берегам Сибири был известен поморам. В 1601 году в низовьях реки Пур возник «второй Багдад», «златокипящая вотчина государева», — город Мангазея, ставший торговым и административным центром этого с необозримыми просторами края. Поистине гигантами духа предстают перед нами люди, построившие сей легендарный град. И что удивительно, он изначально представлял собой целостный градостроительный ансамбль, — не в пример нынешним, словно на скорую руку выстроенным селениям. Представьте: пять монументальных крепостных башен, соединенных высокой стеной, в сочетании со стройными шатрами церкви и колокольни, стоящими внутри городских укреплений.

ний. Внушительная, даже как бы торжественная архитектурная композиция. А вокруг — безмолвие таинственной, еще не познанной сибирской земли.

Город стоял на высоком берегу довольно большой реки Таз. С двух других сторон его защищали речки Ратиловка и Осетровка. А дальше — болота и леса. Казалось, сама природа охраняла город-крепость, построенный по наказу: «...чтоб розыскать места лутчево, которое бы место было угодно, накрепко, и водяно, и лесно, и впрямь бы в том месте острогу и городу стоять было мочно, и пустозерцы бы и всякие торговые люди... с товары мимо того острогу не обходили никоторыми дорогами и никоторыми делы»¹.

Но срок бытности Мангазеи был невелик. После указа Московского правительства о закрытии Мангазейского морского хода в Сибирь (1619) она стала быстро утрачивать бывшее значение. Да и соболиный про-

Спасо-Преображенская церковь в Зашиверске на Индигирке. Фото 1969 г.

мысел в районе Таза начал оскудевать. В довершение бед в 1643 году случился пожар, уничтоживший почти все постройки. Не отстроившись заново, город обезлюдел. Только спустя почти 30 лет была заложена Новая Мангазея (позднее — Туруханск), но уже в другом месте, на Енисее, там, где стояло Туруханское зимовье.

Никакие постройки ни старой, ни Новой Мангазеи не сохранились до наших дней. Однако архитектурный образ первого города нетрудно воссоздать, в частности, по сохранившимся различным «рописным спискам», в которых давалось подробное описание строений. Что же касается второго, то некоторое представление о нем можно получить благодаря рисунку С. Ремезова в «Чертежной книге Сибири». Общее в архитектуре обоих городов — это шатровые завершения крепостных башен и церквей. К слову ска-

зать, еще в начале нашего столетия в Туруханске стояла массивная шатровая колокольня, рубленая по древнерусскому обычаю в форме восьмерикового сруба, поставленного прямо на землю. Такая же колокольня и поныне стоит в селе Цывозеро на Северной Двине — единственный дошедший до нас памятник подобного рода. А когда-то было их на Руси великое множество...

Сравнительно недавно, всего два десятка лет назад, в заполярной Якутии был обнаружен замечательный памятник древнерусского деревянного зодчества — церковь 1700 года, самое значительное сооружение города Зашиверска. Этот город, как и большинство старинных сибирских городов, возник на месте небольшого зимовья (1638). Постройки росли быстро, и уже к началу XVIII века здесь появилось довольно

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 401.

ВНЕ СУЕТЫ ЗЕМНОЙ

Е. ОПОЛОВНИКОВА **Об архитектурных памятниках сибирского Заполярья**

значительное поселение-крепость. Располагаясь по берегу излучины Индигирки, Зашиверск являл собой весьма живописный архитектурный пейзаж, похожий на иные онежские, северодвинские или мезенские селения. Лишь плоские крыши редких якутских юрт да конусообразные чумы или урасы, поставленные неподалеку от города, напоминали о другой далекой от России жизни.

В целом об особенностях и достоинствах архитектуры Зашиверской крепости, присущих вообще древнерусскому деревянному зодчеству, можно судить по дошедшему до нас памятнику — Спасо-Преображенской церкви. Чудом уцелела она здесь. А самого города уже давным-давно не стало. В середине 20-х годов прошлого столетия эпидемия черной оспы погубила все его население. Постройки постепенно ветшали и рушились. Былое величие города, бывшего с 1783 по 1805 год центром обширного Колымо-Индигирского края, уходило в небытие... Но деревянный храм сохранился, причем без всяких переделок в духе «благолепного обновления» и «мещанской красоты», распространенных в конце XIX века.

В «живых» городах этого же отдаленного края — Верхоянске, Оймяконе, Средне- и Нижне-Колымске — старинные деревянные церкви были или совсем разрушены, или — и это не меньшее зло — переделаны до неузнаваемости, так что утратился сам дух той своеобразной и изумительной архитектуры. Что же касается зашиверской церкви, то она была разобрана и перевезена в историко-архитектурный музей народов Сибири близ Новосибирского академгородка. В 1983 году начались работы по ее воссозданию. Теперь они подходят к концу. Вдали от родного места памятник, конечно, теряет часть свое-

го обаяния, своей неизреченной красоты. Но оставлять его в безлюдном запустевшем Зашиверске, куда и по сей день ни пройти, ни проехать, было делом рискованным. Малейшая случайность — и лишились бы мы уникальной церкви. И так, при перевозке и последующем длительном хранении многие ее детали пришли в негодность. Так что стоящая ныне в музее церковь большей частью обновлена.

Есть на берегах Индигирки и еще один замечательный памятник, построенный почти на столетие позже Спасо-Преображенской церкви. Это самая северная в нашей стране (а может быть, и во всем мире) часовня.

По мере распространения в якутской земле христианства росло и число церквей, в основном деревянных. Каменные храмы появились лишь в XIX столетии в некоторых, наиболее значительных городах этого края. Архитектура якутских деревянных церквей (к началу XX столетия насчитывалось около 100 церквей, включая и каменные) не отличалась тем богатством и разнообразием форм, которые столь характерны для подобных построек русского Севера. Но при некоторой упрощенности они все же были оригинальны.

Река Индигирка, бурная в верхнем своем течении, ближе к устью становится степенной. Словно не желая расстаться с дорогой ее сердцу землей; широко обнимает она ее, распадаясь на множество протоков, рек и речушек. Чем ближе к морю, тем причудливее становятся их очертания. А сама земля как будто убывает, и вот уже куда ни кинешь взор, расстилается безбрежное царство воды, в котором едва-едва различимы островки земной жизни...

И здесь, в одном из «низовских» селений с ласково-уменьшительным названи-

Древнее якутское захоронение — арангас.

ем Станчик, далеко за Полярным кругом стоит малопримечательное на первый взгляд сооружение — деревянная церковь. Самая древняя часть памятника — собственно часовня — построена в традициях древнерусского зодчества. Позже к ней с востока пристроили алтарный прируб, который и превратил часовню в церковь. А еще позже с запада появились новые бревенчатые сени, заменившие старые, каркасно-тесовые, от которых остались на теперешних стенах лишь малые следы. Кровля над сенями — плоская, из бревенчатого наката с земляной засыпкой поверху. Такие кровли характерны для якутских построек и в глубокой древности, в дохристианский период, были

распространены и на Руси. А вот окна по обеим сторонам часовни — сугубо русские, косячатые, какие видим мы и на зашиверской церкви.

Но откуда же здесь, на краю света, где никогда не росло и не растет ни одного деревца толще изящного дамского пальца, такое строение? Известно, что для строительства в этих краях обычно использовали плавник, а плотницкому мастерству фактически не было возможности развиваться, потому деревянные сооружения и их детали не обрабатывались столь тщательно, как в центральных или северных районах России. Над часовней в Станчике невысокий шатер и предельно простой крест. Однако, вглядываясь в доски

шатрика, мы замечаем совершенно необычную для северорусских построек деталь: круглые, примерно по полтора сантиметра в диаметре, деревянные тычки, аккуратно вставленные в специальные пазы. Что это? Хитрая вещь! И совсем даже не гвоздики, нужные для укрепления досок в кровле часовни. Нет, ими когда-то крепились корабельные доски небольших морских судов — шитиков. Когда же суда пришли в негодность, доски, из которых состояли их корпуса, использовали в строительстве. В городе Якутске до сих пор еще сохранились глухие заборы-заплоты, собранные из таких досок. Однажды мы их видели на одном из надмогильных памятников в центральной Якутии. В прошлом этот своеобразный строительный материал широко использовался на всем северо-востоке Сибири.

Ближайший от Станчика поселок — Русское Устье. Так же названа и одна из приток Индигирки, западная. Первые русские поселения появились на ней в XVII веке. Причем в этот дале-

кий, холодный край приезжали русские люди добровольно, по зову сердца. Селения в низовьях Индигирки были небольшими, состояли обычно из 2—3 домов (с амбарами), которые здесь называли «дымами». В конце 30-х годов нашего столетия число «дымов» по протокам Индигирки значительно уменьшилось. По местному выражению, их «запоселковали», то есть

сосредоточили в одном месте. Новый поселок называли Полярным, звучит вроде и неплохо, но как-то стандартно, безлично. И вот совсем недавно, 5 февраля 1988 года, Постановлением Верховного Совета РСФСР село Полярное переименовали в Русское Устье. Старинные названия воскрешают память...

Русское Устье — это совершенно уникальный уго-

приимство хозяина, которое называют якутским словом — сэргэ. В «священных рощах», некогда почитаемых карелами, или лапландцами, можно встретить старинные деревянные часовни, построенные русскими. А на заполярных якутских кладбищах рядом с христианским захоронением нередко стоят сэргэ или установленные на специальных шестах черепа животных (медведей, оленей, лошадей), свидетельствующие о живучести тотемических верований. И как бы завершающим аккордом этого звукового ряда из различных, но обогащающих друг друга мотивов, предстает захоронение «русской шаманки», — поразительно само словосочетание.

По виду в этом захоронении нет ничего, что не было бы характерно для старинных надгробий русского Севера, которые еще до недавнего времени во множестве сохранялись на его погостах: та же домовина, чуть возвышающаяся над землей, тот же крест под небольшой двускатной кровлей, те же «усеченные пики» на краях кровельных тесин. Да и покоилась в могиле, как сказали нам местные жители, дочь алазейского купца Бережного, Фекла. Почему же помнят ее как шаманку?

Ответ прост. Впитав в себя русскую и якутскую кровь (первопроходцы, обосновавшись на далеких землях, обзаводились здесь же и семьями), новые жители якутского Заполярья постепенно формировали свою особую культуру. Христианство переплеталось здесь с образами и представлениями шаманизма, как переплетались и в быту обычаи двух народов. А это значит, что сердцем и разумом приобщался человек к древним корням дотоле незнакомой ему жизни и чувствовал тогда глубинное родство с ней.

Может, это и есть земное единение людей...

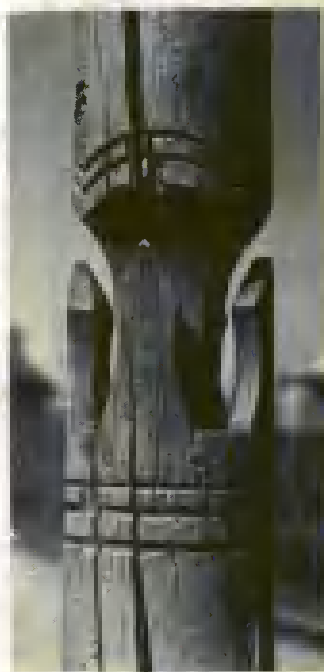

Фото А. В. Ополовникова и А. Д. Сивцева.

Вверху:
Фрагмент
якутского
сэргэ
(коновязи).

Фрагмент
якутского
христианского
надгробия
в центральной
Якутии,
нач. XIX в.

Фото 1972 г.

Захоронение
«русской
шаманки»
на Алазее.

лок России, где до последнего времени сохранились и архаичный язык, и древнейшие памятники фольклора. Однако, поскольку жизнь в здешних условиях весьма сурова, ни архитектура, ни иконопись, ни какие-либо виды прикладного искусства практически не развивались. Что же до многих старинных памятников, которые мы встречаем в Заполярье, то нередко можно встретить доброе соседство двух культур, якутской и русской, а порой они и взаимопроницаемы. Взяв хотя бы часовню из Станчика. Или другой пример: на месте древнего Зашиверска рядом с Преображенской церковью — столб-коновязь, традиционно якутское сооружение, символизирующее госте-

Уважаемая редакция!

Пишет вам ваш бывший соотечественник и бывший читатель вашего журнала. Моя судьба сложилась так, что пять лет назад я переселился в Австрию. Мои интересы с юности лежали в области нетрадиционной психологии, восточных боевых искусств (я тренер по кунфу). Направленность моих интересов не изменилась и в дальнейшем, и я продолжал свои поиски. Недавно чисто случайно мне попался номер вашего журнала, и я обрадовался ему, как встрече со старым знакомым. Меня порадовало ваше серьезное отношение к духовным проблемам, и мне показалось, что вашему читателю будет интересно узнать об одном интересном Центре, изучающем духовную жизнь оригинальными методами.

Весной 1988 года мне посчастливилось познакомиться в Вене с Урсулой Круг. Ее очень интересовали течения духовной мысли в Советском Союзе. Она знала, какой популярностью пользуются в нашей стране такие дисциплины, как йога, дзэн-буддизм, восточная философия, а также другие пути духовного развития. Поэтому я со своим опытом смог хотя бы отчасти удовлетворить ее интерес. По ее приглашению я приехал в Рютте.

Кирилл КОКИН

Вена

КОНТАКТ

На юго-западе Федеративной Республики Германии, вблизи от города Фрайбурга, расположен один из самых живописных уголков страны — Шварцвальд. Свежий воздух, природа девственной чистоты, небольшие деревни и городки привлекают множество туристов не только из Германии, но и из Бельгии, Франции, Швейцарии.

Но не одна только прелесть ландшафта привлекает посетителей. Многие стремятся попасть в Рютте — в Центр инициативной терапии. Он был основан графом и графиней Дюркхайм.

Карлфрид граф Дюркхайм родился 24 ноября 1896 года в Мюнхене. Во время первой мировой войны был офицером, сражался на фронте, однако его не привлекала военная карьера. После войны он изучал в Мюнхенском университете философию и психологию. Работал в институте психологии Лейпцигского университета, в 1932 году стал профессором. В 1937 году он посетил Японию, и это событие определило его дальнейшую жизнь.

В Стране восходящего солнца он встретился с буддийским монахом Умэдзи, мастером стрельбы из лука (кун-до), наставником школы дзэн. Другим учителем дзэн стал для него почтенный Ададзи, мастер икебаны. Несколько лет под их руководством профессор Дюркхайм осваивал медитацию, стрельбу из лука, каллиграфию, искусство составления

«Ведомое рисование» и «терапия тела» — как это делается в Рютте

Граф и графиня Дюркхайм.

букетов. Обучаясь, он изучал психологическое действие дзэн на личность, углублялся в японские системы образования, исследовал влияние японских искусств и религии на европейскую культуру.

Летом 1948 года профессор, возвратившись в Германию, встретил свою будущую супругу и преданную сотрудницу Марию Гиппиус, выпускницу Лейпцигского университета, которая тоже специализировалась на психологии, защитила

диссертацию на тему «Выражение чувств в графике». В 1932 году она вышла замуж за философа и психолога, магистра Рудольфа Гиппиуса. Рудольф Гиппиус (род. в 1905 г.) происходил из петербургских немцев, в начале века живших в Эстонии. Кстати, был в родстве с известной русской поэтессой Зинаидой Гиппиус. В 1934 году он закончил Дерптский университет¹, остался в нем препода-

вать, стал профессором. В 1942 году получил кафедру в Пражском университете. В 1945-м его призвали в армию. И только в 1957 году из Советского Союза пришло сообщение, что он умер в Москве в октябре 1945 года. Несмотря на удары судьбы, Мария Гиппиус, мать двоих детей, сохранила любовь

¹ Ныне — Тартуский

к жизни, к людям, открытый характер, интерес к новым научным концепциям.

Встреча Марии Гиппиус, психолога, ориентированного на западный идеал открытой личности, с профессором Дюркхаймом — знатоком буддийской школы и практики медитации имела не только личные последствия. Этим на первый взгляд столь по-разному ориентированным людям объединила общая идея — развитие и углубление умственной и духовной жизни современного человека. Мария и Карлфрид стали разрабатывать метод, в котором бы совместились восточные психофизические техники и западные психологические учения К. Г. Юнга и Эриха Ноймана. Тогда родилась мысль создать центр для исследований духовного развития.

Осуществление плана началось в октябре 1951 года. В

Рютте был куплен маленький крестьянский дом. Граф Дюркхайм уже тогда был популярным автором, и его личность, как и его учение, привлекли многих, и вскоре гости и ученики стали селиться поблизости.

Центр инициативной терапии имеет строго научную ориентацию. Это отнюдь не мистическая секта. Своеобразие Рютте создается компетентными педагогами, обладающими большим практическим опытом.

Методика, применяемая в Рютте, не является обычной прагматической, фиксированной психотерапией. Сюда редко приезжают за исцелением, хотя многие заболевания в Рютте расценивают как следствие неправильной психической регуляции. Психологи в Рютте помогают обычным людям развить свои внутренние силы и ощутить то «духовное ядро», которое заложено в каждом и готово к развитию. Методика заимствована как из во-

Вид на Рютте.

Зен-до, зал для медитаций.

сточных, так и из европейских источников. Главным методом для развертывания сознательного становления человека являются «ведомое рисование» (рисование под руководством ведущего) и «терапия тела».

Метод «ведомого рисования» разработала доктор Мария Гиппиус. Ученика, или ищущего духовный путь, учат, как с помощью простых линейных форм выразить таящиеся в нем противоположности. Суть «ведомого рисования» в восприятии первоначальных форм бытия, например, открытости, противоположностью которой является проникновение. Готовность к восприятию характеризует женскую природу, проникновение, воздействие — мужскую. Первому свойственна мягкость, второму — жесткость. В человеке имеется биполярное, то есть двухполюсное напряжение. Это хорошо известно как знатокам дзэн-буддизма, так и западным психологам. Упражнения по «ведомому рисованию», или дзэн-ской системе, одинаково положительно воздействуют на тело и душу.

В процессе работы ученик часто испытывает волнение от спонтанных изображений. Он учится понимать, что они значат. Эти занятия дают ошелом-

ляющие результаты. Перед человеком возникает картина собственного становления, как бы взгляд на себя и на процесс своего развития со стороны. В современном мире, полном стрессов и психологических напряжений, такое проникновение в себя представляется очень важным.

Физическую терапию, разработанную графом Дюркхаймом, продемонстрировал мне Питер Лооманс, сотрудник Центра, психолог из Голландии, давно переселившийся со своей семьей в Рютте. Теоретической основой терапии является концепция скрытых в теле внутренних энергий (по-японски: Ки) и их использование. Как только нарушается энергетический баланс, — возникают блокады и застойные явления и в результате — болезни. «Терапия тела» способствует равномерному распределению энергии и устранению блокад. Как это выглядит? Питер садится рядом со мной на землю, кладет руки на мой живот и на ногу. Он чувствует, как энергия протекает между его руками, и ощущает, что где-то заблокировано, есть «пробка», которая препятствует свободному прохождению энергии. Медленно, постепенно снимается блокада, и тогда восстанавливается равновесие. Пациент лежит с закрытыми глазами в состоянии полной концентрации.

Урсула Круг во время занятий.

Он видит проходящие перед ним картины, о которых он рассказывает Питеру. Какие картины? Например, я увидел мост над широкой рекой.

Этот символ, как объяснил мне Питер, указывает, что блокада снята, что энергия беспрятственно протекает по телу подобно мерно текущей реке. После начальной центровки тела, с учетом чакр, целенаправленными усилиями приводится в действие осознание. Сны учитываются и при диагнозе, и при прогнозах.

Разумеется, не просто убедить в эффективности этих методов. Нас слишком долго приучали верить, что существует лишь то, что можно измерить посредством стрелки на шкале прибора.

Заметим для скептиков, что Центр работает рука об руку с официальной медициной. Строится новая клиника, в которой планируется использовать методы инициативной терапии, гомеопатии и традиционной медицины. В Рютте и его филиалах (Иоганнесхоф в Герршиде, Экзист в Мюнхене и других) работают более 70 специалистов. Здесь преподают не только «ведомое рисование» и терапию тела, но и тайцзи, айкидо, йогу, буддийский театр, медитативную музыку.

Сюда приезжают представители разных слоев общества. Маломужские включают в оплачиваемую работу. Некоторые берут ссуды, чтобы оплатить расходы. Молодежь иередко обучается в Рютте, помогая по хозяйству, в саду или на строительной площадке. Рютте отнюдь не «материалистичен», нет, многие просто соглашаются на любую работу, чтобы быть в Центре.

В 1988 году граф Дюркхайм скончался. Центром руководит теперь доктор Мария Гиппиус, графиня Дюркхайм, и ее испытанные за долгие годы сотрудники. Она работает по многу часов в день, принимает гостей, преподает, устанавливает рабочий порядок.

Недавно специалисты из Рютте посетили Советский Союз — Москву, Таллинн, Тарту и Ленинград. Может быть, их стремление к культурным связям с недавно возникшими в вашей стране оздоровительными центрами² найдет понимание и поддержку.

² Я имею в виду центры неортодоксальной медицины и специфических методов психотерапии, в основном кооперативные и полukoоперативные.

Что написано —

то прочитано

А УЖАНКОВ

Христианство, как известно, религия письменная, требующая неукоснительного соблюдения церковного канона, зафиксированного богослужебными книгами. Можно предположить, что необходимую каноническую литературу на понятном славянском языке (вспомните слова «Повести временных лет»: «А словенский языкъ и руский одно естъ») Древняя Русь получала из Болгарии. Однако не исключено, что литургия на Руси в X веке велась на греческом. Для окончательного разрешения вопроса недоставало прямого доказательства — кирилловской надписи, сделанной на Руси в X веке. Находка археолога Д. А. Авдусина в 1949 году произвела сенсацию. Во время раскопок древнего могильника в селе Гнездово близ Смоленска, на одном из черепков корчаги было обнаружено то самое «недостающее слово» — «гороухща». Время его написания историки относят по культурному слою к первой четверти X века. Возникло немало версий прочтения надписи и толкования слова. «Даже «гороух пса» — «Горух писал!» Но, увы, загадочная «гороухща» оставалась единственным ориентиром в тысячелетней дали нашей письменной истории.

Ну а если бы отыскалось не одно слово, а целая надпись? Или даже несколько надписей конца X века? Об этом, казалось, только мечтать можно!

Но нет, не только мечтать, а уже и сегодня прочесть можно четыре такие надписи.

Для этого нужно просто обратиться к древнерусским монетам, дошедшим с Владимировой поры, и уже почти двести лет благополучно лежащим в музеях нашей страны и даже за рубежом. И давно бы эти надписи могли стать предметом изучения лингвистов и палеографов, попадись им на глаза. Но их читали нумизматы и историки, не придавая значения **возрасту самой надписи**.

Первую такую монету с надписью нашли в Киеве в ноябре 1796 года, когда ученый аптекарь Г. Ф. Бунге приобрел у загулявшего козака-новобранца золотую монету, подаренную ему матерью.

Внешне монета напоминала византийскую номисму Василия II и Константина VIII (976—1025). Слицевой стороны был изображен князь, сидящий на троне со скипетром в руке, а с обратной стороны — Иисус Христос. Так же, как и на номисме, на златнике (так на основании летописных данных впоследствии назвали древнерусскую монету) вокруг изображения князя помещалась «легенда» — атрибутивная надпись, удостоверяющая личность выпустившего монету. Причем надпись на златнике была сделана не на

греческом языке, а на славянском кириллицей: «Владимиръ а се его злато». С обратной стороны — «Иисусъ Христосъ».

В начале XIX века в Борисполе, под Киевом, на крестьянском огороде была найдена похожая на златник серебряная монета. Однако вместо Христа на ней был изображен родовой знак Рюриковичей — трезубец. Отличались и надписи. На лицевой стороне: «Владимиръ на столе», с обратной — «а се его сребро»!

Тогда монеты «приписали» Владимиру Мономаху (1113—1125), и лишь в середине XIX века Я. Я. Волошинский высказал предположение: не принадлежит ли сребреник Владимиру Святославичу (980—1015)?

Значительный вклад в разрешение вопроса внес И. И. Толстой (1858—1916), который собрал крупнейшую коллекцию сребреников, описал и систематизировал их. Исследования И. И. Толстого позволили датировать все типы монет и проследить историю их чеканки.

Первыми русскими монетами были златники и сребреники Владимира с изображением на обратной стороне Иисуса Вседержителя. После их выпуска был некоторый перерыв, а затем появились серебряные монеты с родовым знаком Рюриковичей.

Что именно такая последовательность прослеживалась в появлении описанных типов монет, подтвердили и последующие изыскания. Заключительное слово опять принадлежало археологам. Во время раскопок Б. А. Рыбаковым городища на реке Стугне — хорошо известной по «Слову о полку Игореве» — были найдены два сребреника Владимира, по культурному слою четко датируемые концом X — началом XI века.

Теперь монеты окончательно нашли свое место в истории.

Монеты с Иисусом Христом, скорее всего, ознаменовали принятие Русью христианства. Возможно, они и были приурочены к этому событию, но служили не столько деньгами в буквальном смысле (их было выпущено не так уж и много, и функцию денег по-прежнему выполняли арабские монеты), сколько — визитной карточкой суверенного древнерусского государства и его великого князя Владимира Святославича.

Но если делались надписи на монетах, значит, были уверены их прочтут. Стало быть, можно говорить о том, что славянская письменность практиковалась на Руси еще до официального крещения в 988 году, что в церковной обиход проникла еще при Игоре и Ольге, когда на Руси лояльно относились к распространению христианства, а к концу столетия уже основательно входила в жизнь восточных славян.

Медицинская астрология, или Действие планет и знаков на тело человека

РАФАЭЛЬ

Марс, поражающий Луну при условии, что одна из планет является угловой или Марс поднимается над Луной, предрасполагает к насильственным или лихорадочным заболеваниям, несчастным случаям и опасности внезапной смерти.

Луна в шестом доме при плохой аспектиции предрасполагает к частым болезненным состояниям, длительным и изнурительным болезням и в целом слабой конституции.

Ниже приведены общие указания для положения Луны в качестве хилега в двадцати знаках.

Луна в ОВНЕ не дает очень сильной витальности, вызывает болезни головы, глаз, расстройства мозговых функций, головные боли, бессоницу, вялость, страдания, возникающие от утомления и нервозности.

Луна в ТЕЛЬЦЕ дает хорошую жизненную силу, физическую выносливость, но вызывает заболевания глотки, болезни голосовых связок, ангины, крупы, мокроту и слюнь в гортани, тонзиллиты, заболевания шеи, такие, как зоб и т. д.

Луна в БЛИЗНЕЦАХ дает большое количество жизненной силы, но вызывает болезни крови, нервной системы, легких и груди, способствуя развитию бронхиальных и легочных заболеваний, астмы, чихотки и болезней дыхательных органов.

Луна в РАКЕ — это хорошее положение

для Луны, при этом лунная активность значительно усилена. Сильно пораженная Луна предрасполагает к отечности и нарушениям в жидкостных системах организма, брожению в желудке и функциональным расстройствам в пищеварительной системе.

Луна во ЛЬВЕ дает достаточно большое количество жизненных сил, но, как правило, лунная сила не используется. Это вызывает сердечные заболевания, золотуху, конвульсии, болезни кожи и заболевания, связанные с плохой циркуляцией и заражением крови.

Луна в ДЕВЕ дает много восстановительных сил, но приводит к расстройствам тонкого и толстого кишечника, возможны запоры, колики, дизентерия, закупорки, экземы и кожные заболевания.

Луна в ВЕСАХ указывает на хорошие жизненные и восстановительные силы, но вызывает болезни почек, заражения крови, болезни мочевыводящей системы, люмбаго и слабость спины. Она может также действовать на голову и желудок.

Луна в СКОРПИОНЕ дает значительное количество жизненности, но высокую восприимчивость, однако жизненные силы легко слабеют в результате болезней и излишеств. Это приводит к болезням отечной и опухолевой природы, заболеваниям мочевого пузыря и воспроизводительной системы. Характерна склонность к расстройствам мочевых органов в менструальной функции.

Луна в СРЕЛЬЦЕ означает хорошую жизнечность и не дает предрасположенности ко многим заболеваниям. В основном затрагиваются легкие, кровь и нервная система, и наиболее частыми болезнями являются туберкулез легких, ишиас, слабость бедер и ягодиц. Сильное поражение Луны дает склонность к несчастным случаям и переломам костей.

Луна в КОЗЕРОГЕ указывает на слабые жизненные и восстановительные силы, вследствие чего здоровье редко бывает хорошим, болезни обычно затяжные и изнурительные. Подагра, ревматизм, запоры, болезни спины, уртикария и подобные недомогания возникают от этого положения Луны.

Луна в ВОДОЛЕЕ означает прекрасную способность к восстановлению, но приводит к скудности крови, анемиям, истериям, обморокам и общей слабости системы. Кровь, глаза и нервная система являются наиболее слабыми частями.

Луна в РЫБАХ дает большое количество жизненных и восстановительных сил, но вследствие восприимчивой природы знака приводит к инфекционным и заразным болезням. Наблюдается также склонность к отечности и заражению крови. Ступни страдают от мозолей и потливости.

ЗАМЕЧАНИЕ. Эти заметки должны рассматриваться только в общем смысле, так как хорошие или плохие аспекты к Луне, которые могут усиливать или ослаблять различные болезни, соответственно усиливают или ослабляют жизненную силу.

Рисунок К. Седова.

ГЛАВА VII

Продолжительность жизни

Вопрос, имеющий наибольшее значение при изучении гороскопа новорожденного, — это продолжительность жизни, так как бесполезно рассматривать общий характер жизни и судьбы без предварительного определения того, будет ли ребенок жить до зрелости или умрет в ранние годы.

Это один из наиболее трудных вопросов, и в каждом случае необходимо принимать во внимание каждый фактор, связанный с предметом, так как существует много противоречий и известных случаев, когда дети выживали при серьезных поражениях в гороскопе, в то время, как другие умирали при менее значительных указаниях. Этот предмет требует очень деликатного подхода.

Для определения того, будет ли ребенок жить или умрет, следует тщательно рассмотреть следующие два момента:

1. Асцендент, его управитель и управитель восьмого дома.
2. Хилег, Солнце для мужчин и Луна для женщин — положение и аспекты.

1. Если сильный восходящий знак, и его управитель хорошо расположен и свободен от поражения, ребенок будет способен противостоять болезням, если в то же самое время хилег свободен от поражения злыми планетами, ребенок будет жить до зрелости.

2. Если обнаружены противоположные влияния, ребенок будет страдать, но ранняя смерть не является неизбежной, если только хилег не имеет сильных поражений.

3. Восходящая планета, и особенно враждебная и пораженная хозяином восьмого дома — ребенок умрет.

4. Управитель асцендента в шестом доме и поражен управите-

лем восьмого дома при отсутствии аспектов от благоприятных планет — указатель ранней смерти.

5. Если одно из светил будет угловым и в соединении с враждебной планетой или последняя будет на равном расстоянии по долготе от каждого светила и никакая благоприятная планета не аспектирует их — ребенок не доживет до зрелости.

6. Если Луна или Солнце в углу и в соединении или негативном аспекте к враждебной планете без хороших аспектов от благоприятных планет, то можно с уверенностью говорить о ранней смерти.

Другие указатели на раннюю смерть следующие: враждебные планеты поражают Солнце или Луну; одна враждебная планета плохо аспектирована с обоими светилами.

7. Светила и асцендент поражены, враждебные планеты угловые и нет хороших аспектов к хилегу от Юпитера или Венеры.

8. Две враждебные планеты в оппозиции одна к другой и в квадрате к светилам, которые негативно аспектированы друг с другом.

9. Хилег в соединении с враждебной планетой в 1, 6, 8 или 12 доме и отсутствуют аспекты с благоприятными планетами.

С другой стороны, жизнь может быть продолжительной и с указанными выше положениями, если либо Юпитер или Венера будут на асценденте, сильными и без поражений, либо если они образуют позитивные аспекты к хилегу, а также если управитель асцендента будет хорошо расположен и свободен от негативных аспектов.

Необходимо также заметить, что восходящий знак у детей, родившихся под Раком, Козерогом и Рыбами, дает меньшую жизнеспособность, чем для тех, кто родился под другими знаками, и плохие положения или дирекции указывают на смерть с большей вероятностью.

Восходящий Телец дает опасность припадков при прорезывании зубов, и если организм будет слабым, смерть может наступить по этой причине.

Огненные восходящие знаки, а также Весы, Близнецы, Дева, Скорпион и Водолей дают наибольший запас жизненных сил, и личность, рожденная с этими знаками на асценденте, будет хорошо развиваться и выживать при болезнях, которые могли дать смертельный исход в случае рожденных под другими знаками. Различные качества знаков вызывают кажущиеся противоречия в науке, так как одни дети будут жить и будут здоровыми с очень тяжелым гороскопом, в то время, как другие умрут при половинном количестве пагубных влияний, и это зависит от восходящего знака.

Что же касается времени смерти ребенка, которому не суждено дожить до зрелости, то вполне определенные правила здесь не могут быть даны. Необходимо учитывать дирекции Луны, а также транзиты неблагоприятных планет через пораженные участки карты рождения. Долгота ближайшего новолуния и аспекты к радикальным планетам также должны быть приняты во внимание.

ГЛАВА VIII

Примеры ранней смерти

Следующие примеры смерти в детстве взяты наугад из коллекции гороскопов и могут служить иллюстрацией правил, данных в предыдущей главе.

Случай 1

Мальчик родился в 11 часов утра, 3 сентября 1849 года, умер 14 октября 1849 года.

Солнце (хилег) находится в углу, в десятом доме, в квадратуре к Марсу в восьмом доме. Луна в оппозиции к Солнцу и квадратуре к Марсу. См. правила 5 и 6 главы VII. Соединение Юпитера с Солнцем не обладает силой в этом случае, так как планета ослаблена в Деве. Солнце имеет также точный сесквиквадрат с Ураном в шестом доме. В день смерти, 14 октября, Луна была в оппозиции к Сатурну и в квадрате с Марсом, а Солнце было почти в оппозиции и параллели к Урану.

Случай 2

Мальчик родился в 8 часов утра, 2 декабря 1848 года. Умер 2 августа 1849 года. Солнце (хилег) восходило в этом случае, но оно было в квадратуре с Сатурном. В то же время мы находим, что Луна, управитель шестого дома, сильно поражена Марсом, Меркурием и Юпитером. Ни Юпитер, ни Венера не имеют никаких

позитивных аспектов к Солнцу, так что ранняя смерть вполне предсказуема. В день смерти Марс находился в 24°, в оппозиции к радикальному Марсу и квадратуре к радикальной Луне.

Случай 3

Мальчик родился в 2 часа ночи 29 августа 1847 года. Рождение его совпало с началом восходящего Льва, при этом Солнце, являясь хилегом, близко к куспиде третьего дома в 4° Девы и находится в оппозиции и параллели с Сатурном в 9° Рыб, последний является управителем восьмого дома. Солнце только что отходит от сесквиквадрата с Ураном. Луна в соединении с Ураном в десятом доме и в оппозиции с Венерой в четвертом доме, а также в квадратуре с Юпитером. Ни одна благоприятная планета не образует аспект к Солнцу, за исключением Венеры, которая в параллели, но плохо аспектирована, и это нивелирует ее влияние. В день смерти Уран соединился с радикальной Луной, а Луна — с радикальным Марсом.

Случай 4

Мальчик родился в 8 часов вечера 1847 года. Умер 22 августа 1847 года. В это время восходил начальный Козерог. Солнце (хилег) в углу седьмого дома, в 8°20' Рака, образует квадратуру с Марсом в 9°8' Овна на куспиде третьего дома. Солнце имеет также полуквадрат с Венерой на куспиде восьмого дома. В день смерти Марс находился в квадратуре с радикальной Луной, а Луна пересекла асцендент.

Случай 5

Мальчик родился в 9 часов утра 3 июня 1847 года. Жил 23 дня. Восходящий Лев. Солнце находится на куспиде одиннадцатого дома и образует в пределах до 25' квадратуру с Сатурном в восьмом доме и приближается к квадратуре с Марсом в том же доме. Отсутствуют благоприятные аспекты к Юпитеру и Венере. Луна находится в шестом доме, в полуквадрате к Марсу. В день смерти Луна была в оппозиции к радикальному Солнцу и Меркурию и в квадратуре к радикальному Сатурну.

Случай 6

Мальчик родился в 1 час дня 8 сентября 1849 года. Умер 25 апреля 1850 года.

Восходящий Скорпион. Солнце находится в девятом доме в 15°43' Девы, в квадратуре к Марсу, расположенному в 16°35' Близнецов. Отсутствие благоприятных аспектов с Юпитером и Венерой — ясное указание на раннюю смерть.

Случай 7

Девочка родилась в 6 часов утра, 19 апреля 1849 года. Умерла 16 января 1850 года.

Венера восходила в Тельце. Луна (хилег) в соединении с Марсом и Нептуном, в параллели и полуквадрате с Ураном и приближается к полуквадрату с Солнцем. Нет помощи ни от Юпитера, ни от Венеры. Новолуние имело место за 3 дня до смерти, полуквадрат с радикальными Марсом и Луной, квадратура с радикальным Солнцем, Ураном, в день смерти Луна приблизилась к соединению с радикальной Луной, Марсом и Нептуном.

Случай 8

Девочка родилась в 9 часов утра 27 февраля 1848 года. Умерла 8 мая 1848 года.

Восходящий Телец. Луна (хилег) на куспиде восьмого дома, удаляющаяся от противостояния с Марсом и квадратуре с Солнцем и входящая в квадратуру с Сатурном. Нет поддержки хилегу от Юпитера и только слабый секстиль с Венерой.

Случай 9

Девочка родилась в 8 часов дня 25 февраля 1847 года. Умерла 18 июня 1847 года. Восходящая Дева. Луна (хилег) на куспиде одиннадцатого дома, сесквиквадрат к Солнцу и Сатурну, которые находятся в соединении близко к куспиде седьмого дома, квадратура Нептуна в восьмом доме, удаляющегося от противостояния с Марсом, управителя восьмого дома. В день смерти Луна была в точном сесквиквадрате к Солнцу по направлению и имела почти точное соединение со своим радикальным местом.

Случай 10

Девочка родилась в 6 часов 30 минут пополудни, 29 августа 1848 года. Умерла 25 апреля 1849 года.

Восходил конец Водолея. Луна (хилег) в седьмом доме, в 17°56' Девы и образует соединение с Марсом в 22°6' того же знака и оппозицию к Сатурну в 23°5' Рыб. Луна соединена с Венерой, но эта планета ослаблена в Деве и не может оказывать какой-либо

помощи. Здесь мы имеем хилег, пораженный двумя неблагоприятными планетами и без помощи.

В день смерти Марс был в $12^{\circ}44'$ Рыб, в приблизительном противостоянии с радикальной Луной, а Луна находилась в Близнецах, в квадратуре с Марсом.

Случай 11

Девочка родилась 6 августа 1847 года. Умерла 4 января 1848 года.

Восходил конец Близнецов. Луна (хилег) в $13^{\circ}35'$ Близнецов образует квадратуру с Сатурном, управителем восьмого дома и полуквадрат с Марсом, частичным управителем шестого дома. В день смерти Луна находилась в противостоянии с радикальной Луной и в квадратуре с радикальным Сатурном.

Случай 12

Девочка родилась в 9 часов утра, 13 января 1848 года. Умерла 31 июля 1848 года.

Восходившая Рыба с Сатурном на асценденте. Луна (хилег) расположена в $12^{\circ}41'$ Стрельца, в квадратуре с Сатурном в Рыбах $11^{\circ}23'$, есть секстиль светил, но Солнце находится в квадратуре с Марсом и полуквадратуре с Венерой. Заслуживающие внимания транзиты в день смерти не были отмечены.

Для изучения необходимо составить гороскопы в тех случаях, где не приведены карты, и внимательно проанализировать их.

ГЛАВА IX

Шестой дом

Теперь рассмотрим причину и природу болезней и недугов, возникающих от положения и аспектов планет. Как было отмечено выше, планеты и знаки управляют определенными частями тела, и, согласно положению их, и особенно их аспектам, мы имеем возможность судить о том, к каким расстройствам склонны различные части тела.

Прежде всего следует рассмотреть шестой дом и планеты в нем. Если в нем нет планет, тогда знак на куспиде этого дома и будет показывать части тела, склонные к расстройствам. Если внутри есть планеты, тогда заболевания будут возникать в соответствии с их природой и знаком, в котором они расположены. Если планеты хорошо аспектированы или благоприятны, тогда недомогания будут легкими и скоро проходящими. Но если неблагоприятные планеты заняли этот дом, и особенно если они негативно аспектированы, тогда предстоит тяжелые и длительные болезни.

Ниже приведены общие указания на заболевания, обусловленные знаком на куспиде шестого дома.

ОВЕН — недомогания будут возникать в зависимости от состояния мозга, дает головные боли, невралгию, бессоницу и мозговые расстройства. Также встречаются заболевания глаз и лица.

ТЕЛЕЦ — приносит заболевания, связанные с состоянием глотки: ангины, тонзиллиты и т. п. Сердце, мочевой пузырь и выделительная система также затрагиваются этим знаком.

БЛИЗНЕЦЫ — обычно болезни легких, бронхов и, в общем, дыхательной и нервной системы. Легкие — наиболее слабая часть, тогда как кровь находится в хорошем состоянии.

РАК — болезни зависят от состояния желудка и пищеварительной системы, характерны газообразование, брожение, кишечные заболевания.

ЛЕВ — болезни из-за неупорядоченного образа жизни, излишеств и, в общем случае, расстройства сердца и крови, состояние которых действует на глотку и выделительную систему.

ДЕВА — состояние кишечника является основной причиной болезни, возможны такие заболевания, как колики, запоры, дизентерия и несварение.

ВЕСЫ — заболевания почек и такие болезни, как диабет, болезнь Брайта, задержка мочи.

СКОРПИОН — основными причинами болезней является состояние выделительной системы, воспроизводительных органов и мочевого пузыря. Геморрой, расстройства секрета, задержка мочи, воспалительные процессы свойственны этому знаку.

СТРЕЛЕЦ — состояние крови и нервной системы будет причиной заболеваний, возможны заболевания крови и печени.

КОЗЕРОГ — холод и простуды, несовершенная циркуляция, тенденция к меланхолии — причины болезней, из которых наиболее

часто встречаются ревматизм, подагра, запоры и кожные раздражения.

ВОДОЛЕЙ — кровь и состояние ума будут основным источником возникающего расстройства. Плохая циркуляция, заболевания глаз и все спазматические и нервные болезни свойственны этому знаку.

РЫБЫ — болезни в основном от пренебрежения к личной гигиене, заражения крови и плохого магнетизма. Склонны к болезням опухолевой природы, запорам, заболеваниям флюидной системы.

ПРИМЕЧАНИЕ. Необходима осторожность в выводах, так как сильное тело и имеющий хорошую поддержку хилег дают очень малую склонность к перечисленным выше заболеваниям. Основное влияние шестого дома состоит в том, что знак на его куспиде управляет той частью тела, для которой наиболее вероятно возникновение заболевания.

ГЛАВА X

Болезни Меркурия

Меркурий играет важную роль в отношении болезней, так как управляет нервной системой и мозгом вообще, он способствует возникновению заболеваний, поражающих эти системы.

Основное его влияние связано с нервами, и такие болезни, как головные боли, невралгии, бессонница, обусловлены пораженным Меркурием. Кроме того, наблюдаются вялость, дефекты памяти, головокружение, конвульсии и все нервные боли, затрагивающие части тела в соответствии со знаком, занимаемым планетой.

Меркурий следует рассматривать с учетом его аспектов с другими планетами, но если он находится в шестом доме, это верный признак нервных болезней, возникающих от тревог и переутомлений.

Ниже перечислены болезни, связанные с Меркурием, расположенным в различных знаках.

ОВЕН — головные боли, лицевые невралгии, бессонница и нервные заболевания головы.

ТЕЛЕЦ — хрипота, трудности с горлом из-за нервов, голосовые расстройства, конвульсии во время прорезывания зубов.

БЛИЗНЕЦЫ — нервные боли в плечах, руках, кистях, бронхиты, дефекты дыхательных органов.

РАК — колики, спазмы, страдания из-за газов, болезни пищеварительной системы из-за волнений или страхов

ЛЕВ — сердцебиения и спазмы сердца, обмороки, боли в нервных отделах спины.

ДЕВА — закупорка и камни в кишечнике, диарея, глисты, кишечные раздражения.

ВЕСЫ — закупорки мочеточников и невралгия почек.

СКОРПИОН — невралгия и болезни воспроизводительных органов, задержка менструаций у женщин, расстройства нервов в половых органах.

СТРЕЛЕЦ — ишиас, нервозность, слабость бедер.

КОЗЕРОГ — ревматизм, подагра, запоры и болезни кишечника из-за беспокойства и меланхолических состояний.

ВОДОЛЕЙ — истерия и общая слабость нервной системы

РЫБЫ — запоры, простуды ног, колики, мозоли.

Продолжение следует.

Берегите детей от свинца

Свинец в организме сулит большие неприятности — об этом не раз предупреждали в научной и популярной литературе. Недавно выяснились дополнительные обстоятельства, пополняющие список «злодейств» коварного металла.

Даже небольшие количества свинца, попадающие в детский организм, вызывают

необратимые последствия.

Американские ученые обнаружили, что такие дети учатся в семь раз хуже своих сверстников, они часто пропускают уроки, реакция замедленная, а результаты тестов по гуманитарным предметам низки. Впрочем, нарушений памяти и психики, а также способности манипулировать с цифрами не обнаружено. Это утешает, но ненамного.

СОРОКАЛЕТНЯЯ
НОВОСТЬ

Б. МАРЬЯНОВ

В конце прошлого века «Мир Божий» — политический, литературный и научно-популярный журнал для юношества и самообразования», как обозначено на его титуле, считался в России одним из самых читаемых периодических изданий. Его редактор, известный литератор и педагог Виктор Петрович Острогорский, к столетию со дня рождения Пушкина начал готовиться загодя. До юбилейных торжеств оставался еще целый год, а он уже отправился в поездку по пушкин-

ским местам Псковского края. И не один: взял с собой талантливого художника, академика живописи, члена Товарищества передвижников В. М. Максимова. Правда, в «Мире Божьем» иллюстрации не печатались, но Острогорский задумал издать еще иллюстрированный альбом «Пушкинский уголок», который и вышел к самому юбилею. До сих пор зарисовки Максимова, помещенные в нем, остаются ценнейшим свидетельством пушкинских мест.

Путешествовали неспешно. Побывали не только в Михайловском, но и в Тригорском, и еще в нескольких окрестных помещичьих усадьбах. И вот в одной из них — в имении баронов Вревских, Голубове, Острогорского ждала находка, о какой он не мог и мечтать, — неизвестное стихотворение Пушкина!

Вревские были связаны семейными узами с обитателями Тригорского; дочь его владелицы Прасковьи Александровны Вульф-Осиновой Евпраксия в 1831 году вышла замуж за барона Бориса Александровича и переехала в Голубово, где Пушкин бывал не раз, говорят даже помогал сажать в усадьбе деревья и копать котлован для пруда. В семействе Вревских оказалась и семейная реликвия Вульфов-Осиновых — альбом со стихотворениями и даже автографами Пушкина, принадлежавший Анне Вульф, с которой поэта связывала многолетняя близкая дружба.

Конечно, журналисту, приехавшему из столицы в канун пушкинского юбилея, показали этот альбом. Все пушкинские стихотворения, заполнившие его страницы, были хорошо из-

вестны, давно опубликованы. Но в альбом был вложен листок с такими строками:

ОТЧЕ НАШ

*Я слышал — в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился так передо мной:
«Отец людей! Отец небесный!
Да Имя Вечное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придет царствие Твое,
Твоя да будет Воля с нами,
Как в небесах, так на земли!
Насущный хлеб нам ниспошли
Твоею щедротою рукою; —
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Твоих детей!
Не ввергни нас во искушенье
И от лукавого прельщения
Избави нас!» — Перед крестом
Так он молился. Свет лампы
Чуть-чуть мерцал издали;
И сердце чаяло отрады
От той молитвы старика.*

Нетрудно узнать здесь одну из основных христианских молитв, читаемых в православной церкви по-церковнославянски: «Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Написано это переложение неизвестным почерком, на листке ни подписи, ни даты. Гем не менее Острогорский, хотя и с оговорками, преподнес его читателям своего журнала как «неизвестное стихотворение Пушкина», сообщив в подтверждение, что он читал его еще здравствовавшей тогда дочери П. А. Осиновой Екатерине Ивановне Фок «и многим другим, и все говорят единогласно, что оно может принадлежать ему». Здесь же повторялась версия тогдашнего официального пушкинovedения — о том, что в последние годы жизни у Пушкина начало проявляться «настроение религиозное... Это же настроение легко могло вызвать и «Отче наш».

Публикация, воспроизведенная затем в альбоме «Пушкинский уголок», стала сенсацией, вызвала оживленное обсуждение в печати, «Астраханский листок», «Одесские новости», «Вера и церковь», «Русский паломник» и другие газеты и журналы перепечатали стихотворение. О находке Острогорского сказали свое слово не только специалисты-литературоведы, но и многие, так сказать, рядовые представители тогдашней читающей публики. И обнаружилось немало интересного.

В «Новом времени» (на страницах этой газеты развернулись главные споры) появились письма, сообщавшие, что «интересная новинка», как назвал свою находку Острогорский, была известна и раньше. Так, в 1881 году в первом номере журнала П. И. Бартечева «Русский архив» (на его страницах за полвека появилось неисчислимое количество документальных материалов по русской истории и литературе) была напечатана присланная из Харькова рецензия Г. С. Чирикова на новое издание сочинений Пушкина и в ней отмечено,

¹ Острогорский Виктор. Пушкинский уголок земли Мир Божий, 1898, № 9 С. 201—231.

что автору известно несколько стихотворений, не входящих в собрание сочинений Пушкина, но «по всей вероятности ему принадлежащих». Среди них была не только названа, но и полностью воспроизведена «Молитва» (переложение «Отче наш»).

На это тогда же последовало возражение от известного литературоведа, многократно издававшего сочинения Пушкина, П. А. Ефремова. В вышедшем в том же 1881 году очередном (пятом) томе шеститомного собрания пушкинских сочинений Ефремов упомянул о сообщении Чирикова и определенно подчеркнул, что ни «Молитва», ни другие названные стихотворения «вовсе не имеют за себя *никаких* данных и засорять издания ими едва ли кто решится».

Однако «Молитва» печаталась после этого еще не раз, она даже вошла без каких бы то ни было оговорок — уже как бесспорно пушкинский текст — в выпущенное в Москве в 1887 году «общедоступное издание» стихотворений Пушкина.

В 1894 году авторитетный литературовед, профессор Харьковского университета Н. Ф. Сумцов сначала в «Русском филологическом вестнике» (№ 4), а затем в своих «Этюдах о Пушкине» (вып. II, Варшава) решительно высказался в пользу авторства Пушкина. По его мнению, стихотворное переложение молитвы «Отче наш» — это «последний полный аккорд той религиозной симфонии, которая зародилась в душе Пушкина в детстве, звучала затем и в древнерусской, и во французской, и в магометанской форме, пока не получила окончательного своего завершения в связи с «Молитвой Господней». Прямо возражая Ефремову, Сумцов заявил, что, по его мнению, включение этого стихотворения в собрание сочинений Пушкина было бы не только не «засорением» их, а наоборот, — «немаловажным украшением».

Как видим, почти за два десятилетия до находки Острогорского «Молитва» была достаточно широко известна, обсуждалась в печати, авторство Пушкина то утверждалось, то подвергалось сомнению.

Но и Чириков не был первым, кто указал на это стихотворение и приписал его Пушкину. Еще за двадцать с лишним лет до его рецензии — в 1859 году — вышел 8-й выпуск «Русской библиотеки», издававшейся в Германии, в Лейпциге, известным публицистом-эмигрантом И. Г. Головиным. 48-страничная брошюра карманного формата «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко»² открывалась «Молитвой» с подписью: «А. Пушкин». Вскоре последовало опровержение — тоже за границей. В 1861 году в Берлине был издан сборник «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». В предисловии,

подписанном «Русский» (под этим псевдонимом скрывался составитель сборника известный литератор Н. В. Гербель), был приведен обширный список «стихотворений, приписываемых Пушкину, но вовсе ему не принадлежащих, что доказано в последнее время критикою». Среди них была названа и «Молитва». Как видим, авторство Пушкина оспаривалось уже тогда.

Но оказалось, что и конец 50-х — начало 60-х годов — еще не первоначальный рубеж, с которого начинается история этого стихотворения. «Новое время» напечатало письмо некоего А. Б., который сообщил, что в детстве, в 50-х годах, он заучивал наизусть стихотворное переложение молитвы «Отче наш» и считал его тогда пушкинским, но сейчас, придиричиво проанализировав текст, приходит к выводу, что оно не могло быть написано Пушкиным.

В другом напечатанном в «Новом времени» письме, подписанном инициалами А. Ф. П., сообщалось: «В одном из имеющихся в моей семье сборников песен для детей... помещены ноты для двухголосного исполнения трех молитв: «Царю небесный», «Отче наш» и «Владыко дней моих». Все три молитвы в стихотворном переложении, причем в заголовке каждой молитвы напечатано имя автора переложения, именно для молитвы «Владыко дней моих» «слова А. Пушкина, для двух же первых молитв «слова архиепископа Анатолия». Пушкинское стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны», включающее в себя переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина, общеизвестно, а в письме А. Ф. П., как видим, автором переложения «Отче наш» назван архиепископ могилевский и мстиславский Анатолий.

К сожалению, А. Ф. П. не смог сообщить, как назывался, когда был издан этот сборник песен: обложка утеряна. Но добросовестные читатели восполнили и этот пробел. Некто П. Н. К. привел такие сведения: составленный Мареничем сборник «Песни для школы, детские и народные, на один и на два голоса» вышел в Петербурге двумя изданиями — в 1878 и 1881 годах.

Выяснилось и то, откуда Маренич позаимствовал эти молитвы с нотами С. П.-в (С. И. Пономарев) прислал в «Новое время» письмо, в котором решительно отверг авторство Пушкина: «Никто из прежних редакторов (Плетнев, Анненков, Ефремов, Геннадий, Гербель, Морозов и другие), никто из людей, понимающих поэзию, не приписывал Пушкину этого переложения... Это — монашеское издanie». И далее привел такой источник: книга «Вера, Надежда и Любовь», подписанная инициалами А. А. М., которые расшифровывались так: архиепископ Анатолий, моти-

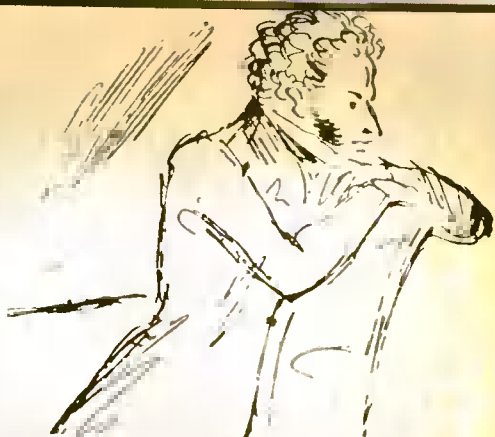

Рисунок Н. Кузьмина.

левский и мстиславский. Книга была снабжена приложением «Духовные стихотворения», изданным в 1853 году, а цензурное дозволение получившим еще в 1850-м. «Молитва» напечатана здесь без начальных и заключительных строк, рассказывающих о молящемся старике, то есть только само стихотворное переложение «Отче наш» (видимо, отсюда и заучивал в детстве А. Б. эти строки). Правда, под ними не стоит ни инициал архиепископа Анатолия «А», ни его псевдоним «Авдий Востоков», как под семью стихотворениями из 146, включенных в сборник. Среди них стихи Ломоносова, Державина, Языкова, Ф. Глинки, Мерзлякова, пушкинское переложение молитвы Ефрема Сирина и т. д.; 44, в том числе и «Отче наш», напечатаны анонимно. Это важный момент: значит, версия об авторстве Пушкина пошла не из этого сборника, а Маренич, заимствуя отсюда некоторые молитвы, приписал их архиепископу Анатолию без достаточных оснований; впрочем, версия о его авторстве могла возникнуть и как-то иначе.

А полемика продолжалась. Уже упоминавшийся издатель пушкинских сочинений П. А. Ефремов напечатал в «Русских ведомостях» язвительную заметку «Сорокалетняя новость» — высмеял газеты и журналы, которые в погоне за сенсацией преподносят читателям в качестве новинки произведения известных писателей, «во все им не принадлежащие, не говоря уже о подделках». В их числе — и эта «Молитва», за и против которой уже «возникла целая литература» (Позже, в 1903 году, Ефремов напечатает в «Новом времени» обширное исследование «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях»; в том же году оно выйдет и отдельным изданием.)

Ефремову ответил профессор Сумцов, по-прежнему отстаивая авторство Пушкина; Ефремов снова ему возражал. К аргументам Сумцова присоединились священник И. Троицкий (статья «Религиозный элемент в произведениях А. С. Пушкина» в «Сборнике Пушкину», Киев, 1899; вышла и отдельным изданием) и С. В. Рождественский (статья «Пушкин. Черты внутреннего облика» в журнале «Вера

² Фамилия украинского поэта была искажена и на обложке и всюду в тексте Шавченко

и церковь», 1899, № 5; тоже вышла отдельным изданием) Дискуссию на страницах газеты «Новое время» завершил ее редактор А. С. Суворин — назвал «Молитву» «плохим стихотворением», в котором все «ученически плохо и водянисто», «напоминает только самые слабые лицейские стихи Пушкина, а хорошие из них гораздо лучше этого переложения». Спор продолжался...

Итог ему подвел авторитетный литературовед того времени В. В. Каллаш обстоятельной статьей «О приписываемом Пушкину стихотворном переложении молитвы «Отче наш», опубликованной в «Известиях отделения русского языка и словесности Императорской академии наук» (1901, т. VI, кн. 3) и вошедшей затем в его сборник «Puschkiniana. Материалы и исследования об А. С. Пушкине» (вып. II, Киев, 1903).

Какие доводы выдвигали сторонники авторства Пушкина? Это переложение сходно с пушкинской поэзией «по стиху и манере», «по духу и по форме». «Оно сильно напоминает по манере известное пушкинское переложение молитвы Ефрема Сирина» В нем присутствует «образ подвижника, старца», который «свойствен Пушкину». В нем повторяются известные по другим стихотворениям Пушкина «полюбившиеся выражения и слова», такие, как «келья», «лампада», «прощенье», «царствие небес» и т. д. Размер стиха — обычный для Пушкина четырехстопный ямб. Вот, собственно, и весь набор аргументов. Разобрав их, Каллаш заключает: «Таковыми чисто внешними сопоставлениями можно доказать все, что угодно, например, что «Ветка Палестины» или «Три пальмы» написаны Пушкиным».

Убедительнее звучат, по его мнению, доводы против авторства Пушкина. Прежде всего это чисто внешние изъяны стихосложения, непредставимые у Пушкина: рифма «Твое — Твое», неверное окончание ради рифмы: «на земли», гавтологию «молитвою... молился» и т. д. Были отмечены также несообразности в композиции и содержании. В начале сказано, что старик молился «передо мной» — то есть перед автором, который, видимо, находился здесь же, в келье; в конце же свет лампы у креста автору уже «чуть-чуть мерцал издалека» — то есть он наблюдал эту сцену с большого расстояния и вряд ли разобрал бы слова молитвы. Такого несоответствия Пушкин себе не позволил бы и в юности, не говоря о зрелых годах. Было отмечено, что и само переложение молитвы «не выражает подлинника, а только искажает его»: «прощаем мы людей» (вместо прощаем долги должникам), «Отец людей», «да имя вечное Твое святится нашими сердцами», «Твоя да будет воля с нами» (почему «с нами»?) и т. д.

Каллаш не ограничился приведением подобных, как он их назвал, «простых и естественных соображений» против авторства Пушкина, но и выдвинул на этот счет собственную гипотезу. Он сообщил, что у биографа Афанасия Фета Н. Н. Черногоубова среди других бумаг умершего в 1892 году поэта оказался пожелтевший от времени, видимо относящийся к 50-м, а то и 40-м годам листок с той же «Молитвой» и с подписью: «А. Фет». По мнению Каллаша, Фету «не было никаких оснований присваивать чужое стихотворение, в общем слабое». В подтверждение того, что этот листок «вполне решает вопрос», Каллаш указал на сделанное Фетом уже в 80-х годах другое переложение той же молитвы («Чем доле я живу...») — видимо, этот сюжет интересовал его давно, еще в юности он предпринял первую попытку стихотворного переложения, которая его не удовлетворила, а на склоне лет вернулся к этому замыслу и сделал новое переложение, с тех пор оно и публикуется в его сочинениях. (Правда, оставалось неясным, каким образом не устроившее молодого Фета переложение попало в сборники духовных песен и вообще получило столь широкое распространение, а также — каким образом возникла версия об авторстве Пушкина. Но на эти вопросы Каллаш ответа не дал.)

Итак, возможно, Фет, может быть, архиепископ Анатолий (среди предполагаемых авторов называли еще поэта пушкинской поры Федора Глинку), — но уж никак не Пушкин.

Это стихотворение не включается в собрания сочинений Пушкина, даже в раздел «Dubia» (лат.: сомнительное), где печатаются произведения, авторство которых не вполне доказано. Более того, «Молитва» не вошла даже в «Список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях» в указателях к большому академическому изданию его сочинений; а ведь в этот список включено около ста стихотворений...

Уже в наше время к этой загадке обратился известный литературовед Б. Я. Бухштаб³. Ему удалось обнаружить самую раннюю из известных сейчас публикаций «Молитвы» — в журнале «Москвитинин», номер 9 за 1842 год, где она была подписана криптонимом «П Шрк.....» Бухштаб с достаточной степенью убедительности доказал такую его расшифровку: Платон Александрович Ширинский-Шихматов, чиновник министерства народного просвещения, как раз в 1842 году ставший товарищем (заместителем) министра, а позже и министром. Он был известен и как стихотворец, занимавшийся почти исключительно переложением молитв и псалмов.

...Десять десятилетий тому назад

В. В. Каллаш закончил свое исследование таким примечательным рассуждением-пророчеством:

«Мы остановились так подробно на истории этого стихотворения не без задней цели. По нашему мнению, она чрезвычайно характерна для наших ученых нравов. Характерно все — и периодическое воскресание ни на чем не основанной легенды, ее исключительная живучесть, — и самая возможность неоднократных открытий «сорокалетних новостей», и самовнушение исследователей, принявших ни с того, ни с сего плохое юношеское стихотворение начинающего поэта за венец зрелого творчества Пушкина, уверивших себя в этом и пытавшихся верить в этом других...

Память у нас коротка... Пройдет несколько лет, досужий журналист найдет, быть может, пожелтевший и запыленный листок все с тем же переложением и указанием на Пушкина, с радостью объявит о своей находке *urbi et orbi*⁴, ее напечатают и перепечатают, начнутся комментарии, возникнет целая литература одним словом, начнется опять все та же старая история.

Так было уже три раза, но на этом, вероятно, дело не остановится...

Как в воду глядя проникательный Владимир Владимирович! Правда, прошло не несколько, а целых девяносто лет, но старый, давно опровергнутый вымысел вынырнул-таки из небытия — на этот раз на страницах «Журнала Московской патриархии». В его 11-м номере за 1988 год в недавно открытой рубрике «Из духовной поэзии» опубликовано все то же стихотворное переложение молитвы «Отче наш» (с некоторыми отличиями текста), снабженное таким примечанием: «Это стихотворение, как предполагает В. П. Острогорский, принадлежит А. С. Пушкину; найдено оно в альбоме А. Н. Вульф и получено Острогорским в семье барона Вревского летом 1898 года в селе Михайловском (см.: Мир божий, 1898, № 9)».

Вот так... Будто и не помались десятилетиями полемические копия на страницах отечественных газет и журналов, будто и не возникла вокруг этого злополучного стихотворения целая литература... А село Михайловское упомянуто, видимо, для вящей убедительности — оно-то ни при чем.

Чем не «сорокалетняя новость»? Не по счету прошедших лет, а в нарицательном смысле — как полное забвение того, что было. Поистине, как заметил В. В. Каллаш, «память у нас коротка...».

³ Бухштаб Б. Я. Об авторстве стихотворения приписывавшегося Пушкину и Фету. В книге: Искусство слова. Сборник статей к 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973. С. 247—253. Позже под названием «Пушкин? Фет?» статья вошла в книгу: Бухштаб Б. Я. Литературоведческие расследования. М., 1982. С. 22—31.

⁴ Городу и миру (лат.).

ПО СЛЕДАМ АПОСТОЛА АНДРЕЯ

А. НИКИТИН

Андрей или Андроник?

Совокупность собранных нами фактов, в том числе и «личное» свидетельство Наума о почитании апостола Андрея солунскими братьями и их учениками, казалось бы, раз и навсегда решающее вопрос о традиции устройства церковной жизни славян, идущей от апостола Андрея, в «Повести временных лет» неожиданно наталкивается на столь энергичное и недвусмысленное возражение, что заставляет предположить ожесточенную предшествующую полемику.

В рассказе «Повести...» о «преложении книг на словенский язык» мы находим категорическое заявление, что «словенскому языку учитель есть Андроник апостол». Пассаж этот связан с сообщением, что паннонский князь Коцел поставил Мефодия епископом «на стол святого Андроника апостола, ученика святого апостола Павла». Утверждение это в первой своей части может почитаться вполне историческим, поскольку известно, что Андроник, упоминаемый апостолом Павлом в Послании к римлянам, действительно был епископом в Сирмии Паннонской (теперь г. Срем) на р. Саве, где мирно скончался. Однако сам по себе факт этот никоим образом не объясняет ожесточенную тираду, следующую за описанием работы Мефодия с двумя писцами по переводу книг с греческого языка на словенский:

«Словенскому языку учитель есть Андроник апостол, к моравам доходил и апостол Павел, и учил тут. Тут и Иллирик, до него дошел апостол Павел, тут и были словене поначалу. Так что словенскому языку учитель есть Павел, от этого племени и мы есть, русь; так что и нам, руси, учитель есть Павел апостол, поскольку он учил словенский язык и поставил епископа и наместника после себя словенскому народу Андроника...»¹

Только что цитированный отрывок воспроизводит интонацию и накал страстей поистине очередного публичного «прения о вере» между сторонниками двух антагонистических партий. Ни та, ни другая не отрицают роли Кирилла и Мефодия, однако диаметрально расходятся в оценке предшествующей им традиции. И, что особенно интересно, в этом полемическом задоре отчетливо слышен голос «руси», утверждающей роль Павла и тем самым отказывающейся от Андрея

Факт этот, в высшей степени любопытный, и раньше привлекал внимание исследователей². Н. К. Никольский, отмечавший несостоятельность реконструкции А. А. Шахматовым «Сказания о словенской грамоте», цитированную выше декларацию о приоритете Павла в деле просвещения славян расценил только как свидетельство существования западно-славянской версии происхождения Руси, присовокупив, что оно имеет отношение «к судьбе только одного из русских племен, именно полян». В своей работе «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры», Никольский пытался показать влияние на ранний период русского летописания чешско-моравских традиций, не знавших ни «варяжской легенды», ни ярко выраженного грекофильства. Наоборот, в них, как и в глаголических памятниках, пришедших к нам с Запада, он усматривал явные признаки католического, проримского влияния, идущего еще от самих первоучителей.

Отсюда и несогласие фрагментов хроники поляно-руси, которые он выделял в «Повести...», с тенденциями последующих русских редакторов и обработчиков. «В то время, как автор вводных статей и Сказания о преложении книг усугублял христианизацию поляно-руси до первого века и роднил русскую веру с общесловенскою, — писал ученый, — редактор Повести временных лет единственными просветителями руси признавал греческую иерархию конца X в.»³

Действительно, замеченные нами в истории просвещения славянских земель отголоски двух тенденций, обращенных одна — к Андрею, а другая — к Андронику и Павлу, можно заметить не только в «Повести временных лет», но и в литературе, посвященной солунским братьям. В так называемых «моравско-паннонских» житиях и похвальных словах Кириллу и Мефодию нет никаких следов упоминания о миссионерской деятельности апостола Павла. Что же касается апостола Андроника, имя его появляется лишь в цитируемой авторами поставительной грамоте папы Адриана II, выданной им Мефодию. Никакого упоминания ни о Павле, ни об Андронике — не найдем мы ни в древних глаголических службах Кириллу и Мефодию, ни в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра, сохранявших, по видимому, великоморавскую традицию.

Наоборот, в древнейших русских минейных списках служб Кириллу и Мефодию

можно сразу же обнаружить уподобление святых просветителей апостолу Павлу. Так Кирилл-Константин уподобляется Павлу по своим действиям. Утверждается, что он «Павлу блаженному ученик был, его же деянием последовал, прошел до краев западных, рассеяв слово в народах»⁴. Точно так же и Мефодий удостоивается подобного сравнения: «Нашелся новый Павел, премудрый, мысленно крест Христов на себя возложив, святой, дошел до запада, леств идольскую всю раззоряя, все ереси, блаженный, уничтожая»⁵. Однако здесь нет упоминания об Андронике, по видимому, или не известном русским авторам, или не представлявшим такого интереса, как в данном контексте Павел.

Ситуация чрезвычайно любопытная, на первый взгляд не находящая себе аналогов и объяснений. Проще всего было бы считать предшествующее объяснение легенды о хождении апостола Андрея ошибочным, тогда как текст, зафиксированный «Повестью временных лет», — каноническим и исторически достоверным. Однако, как я показал выше, в защиту предлагаемого мной толкования выступает большое число независимых друг от друга фактов, в то время как традиция, связывающая имена солунских братьев и апостола Павла, прослеживается только в ранних русских службах и в «Повести временных лет». Больше того, категорический характер приведенного отрывка приводит к единственному возможному выводу: перед нами остатки ожесточенной полемики между учениками солунских братьев и — павликианами, почитавшими апостола Павла чуть ли не выше Иисуса.

Какие для этого имеются основания?

Мы крайне мало знаем о ересях и еретиках раннего Средневековья. Время не сохранило их собственные творения, повсеместно уничтожавшиеся противниками, так что судить об учении, взглядах, жизни, самом характере движения удается только по направленным против них сочи-

¹ Полное собрание русских летописей, т. 38 Л., 1989. С. 19.

² Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники, сб. 1973 г. М., 1974. С. 44

³ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Вып. 1 Л. 1930. С. 101

⁴ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии, т. I. Л. 1930. С. 111

⁵ Там же, с. 112

нениям, дошедшим до нас по большей части уже в виде цитат и отрывков.

Движение павликиан возникло во второй половине VII века в Армении. Подобно манихеям, они придерживались дуалистических представлений о мире, борьбе добра со злом; отрицали Ветхий Завет, крестное знамение, необходимость церковной иерархии и таинств, были неприимимыми иконоборцами. Как многие сектанты, они начали со строжайшего аскетизма и воздержания, но вскоре прославились распущенностью нравов. Уже в VIII веке павликианство распространилось во Фракию. В X веке центром его в Болгарии стал Филиппополь, теперешний Пловдив с окрестностями. Во многом сходные с манихеями и месалианитами, павликиане создавали в народе почву для возникновения и широкого распространения в последующее время богомилства.

Дм. Ангелов, один из крупнейших исследователей этих ересей в Болгарии, опираясь в своих работах на традиции греческих и славянских памятников, показывает борьбу против еретиков, которую не без успеха вели ученики солунских братьев, обличая их отход от догматического православия в обрядности, в толковании символа веры и в нарушениях церковных установлений⁶.

Теперь, мне кажется, можно утверждать, что фронт борьбы был гораздо шире. По-видимому, полемика затрагивала и историю славянства, в том числе вопрос о происхождении славянской письменности, литургии, переводе книг и всего прочего. Только под таким углом зрения можно понять появление большого количества сочинений, посвященных происхождению славянской азбуки, в сравнении с историей письменности других народов, а вместе с тем защищавших и пропагандировавших роль, которую сыграли в деле просвещения славян Кирилл-Константин и Мефодий.

Действительно, лишь сопоставив известные нам сочинения, дошедшие в многочисленных, разнящихся друг от друга списках, — жития, похвальные слова, службы Кириллу и Мефодию, «Солунскую легенду», «Сказание о письменах» Черно-рица Храбра, «Сказание о переводе священного писания», «Проглас святого Евангелия», «Азбучную молитву», отрывок из «Книги Константина философа и грамматика о письменах» — с приведенным выше полемическим выпадам, мы поймем идейную направленность этих произведений и тот накал полемической борьбы, которая разворачивалась в Болгарии X века и позднее была перенесена вместе с книгами и церковной организацией на Русь.

Тема болгарского исторического и литературного наследия на Руси — совершенно особая, сложная тема, требующая соответственного рассмотрения. В этом отношении сделано уже немало, но, по-видимому, гораздо больше еще предстоит понять и открыть, потому что многие сюжеты, усвоенные древнерусскими книжниками так же, как ими была усвоена и использована легенда о хождении

апостола Андрея, еще ждут своих исследователей и истолкователей. Здесь же следует остановиться только на одной парадоксальной ситуации, связанной опять-таки с этой легендой.

Если павликианство как ересь было гонимо, порой жестоко, в самой Византии, а после падения Первого Болгарского царства — и в Болгарии, то на его новой родине — на Руси — творения павликиан в одном случае оказались выгодны ортодоксальной греческой церкви. Это касается того же чисто павликианского утверждения приоритета апостола Павла в деле просвещения славян и распространения славянской письменности. Важна была не историческая истина Умаление роли Кирилла и Мефодия, а вместе с тем и их патрона, апостола Андрея, способствовало, с одной стороны, подавлению и искоренению памяти об автокефальности болгарской Церкви и болгарского народа, а с другой — дискредитации и умалению роли Рима, с которым в середине XI века произошел полный разрыв отношений.

Ну, а то, что тем самым духовная цензура по-своему «правила» русскую историю вместе с историей ее культуры, создавая совершенно фантастическую картину прошлого, перенося события с Дуная и Моравии на Днепр и Волхов, — никого не интересовало. Отные единственным светочем духовной жизни Руси должен был считаться Константинополь, откуда приходили в Киев за «поминками», где поставляли на Русь митрополитов, откуда пытались руководить внешней и внутренней политикой молодого славянского государства...

Справедливости ради надо отметить, что в «Повести временных лет» — правда, вскользь — нашла отражение и третья, научная точка зрения, утверждавшая, что «здесь ни апостолы не учили, ни пророки предрекали», за чем следовала немедленная оговорка: «но если телом апостолы здесь не были, то учение их, как трубы, звучит по вселенной в церквах»⁷.

Теперь можно подвести итоги.

Наше путешествие по следам апостола Андрея оказалось удивительно плодотворным. Небольшой отрывок анекдотически звучащего текста содержал обширную информацию из прошлого. Он позволил уточнить историческую географию древней Руси, понять действительный смысл словосочетания «путь из варяг в греки», столь долго путавшего историков, понять мысли и чувства учеников славянских просветителей, понимавших величие собственной миссии, а вместе с тем увидеть одну из идейных схваток, за которой, как часто бывает, скрывались далеко не бескорыстные страсти константинопольского престола, императорского и церковного.

Очень вероятно, что «Сказание об обретении славянской письменности» — или «О деяниях новых апостолов», — от которого сохранились отрывки, повествующие о «пути из варяг в греки», о «хождении апостола Андрея по Дунаю», о «банах словенских», а также, вероятно, о тождестве словен с нориками, принадле-

жит перу того же Наума Охридского, который написал канон апостолу Андрею. С другой стороны, не исключено, что автором мог быть кто-либо из его учеников, создавших «Житие Наума» и службу ему, поскольку в первом произведении мы находим прямое уподобление Мефодия с учениками апостолам, как то: «начали по суху свой путь совершать, апостольски проповедуя православную веру» или «святые же, идучи, шли посреди града, как некогда апостолы в Иерусалиме»⁸ и т. п. Главное для нас — что это сочинение, возникшее на болгарской почве, впоследствии оказалось на Русской земле, в Киеве на Днепре, где, переделанное в соответствии с новой географической обстановкой, частью своей вошло в обширное историко-этнографическое вступление к «Повести временных лет» древнейшей редакции.

Впрочем, не исключена и другая возможность, а именно, что эта часть «Повести...» в уже готовом виде была заимствована древнерусским историографом из какого-то болгарского исторического сочинения X века, послужившего исходным материалом для создания начальных глав «Повести...» — вывод, к которому склонялись уже многие исследователи, обращавшие внимание на обилие сведений по истории Болгарии до 1018 года.

Последующая работа редакторов и составителей сокращала и выбрасывала эти записи, оставляя лишь то, что, по их мысли, могло восприниматься читателем как события русской истории или действительно имело к ней отношение. Так случайно здесь сохранился и эпизод с банями вместе с разъясняющей глоссой «то творят себе не мучение, но мовение», подтверждающая догадку Л. Мюллера, потому что ни удивляться, ни «смеяться над новгородцами» по такому поводу киевлянам, мывшимся подобным же образом, и в голову прийти не могло...

⁶ Ангелов Дм. Богомилството в България София, 1980

⁷ Полное собрание русских летописей, т. I стб 83

⁸ Лавров П. А. Указ. соч. С. 186

Канадские ученые исследовали почти две тысячи студентов и установили, что студент-левша попадает в аварию чуть ли не в два раза чаще, чем его «правые» коллеги. Кроме того, обнаружилось, что у них повышена степень бытового травматизма и несчастных случаев. Ну, а после 85 лет у левши вероятность смерти выше на 2%, чем у правши того же возраста.

Пока еще не ясны причины такой диспропорции — то ли реакция левши в критических ситуациях иная, то ли ему просто не очень удобно в мире, приспособленном для правшей.

Одна из самых романтических легенд, связанных с династией Романовых, повествует, что император Александр I не умер в 1825 году, а, приняв облик смиренного старца Федора Кузьмича, удалился от государственных дел и провел остаток жизни в бедности и покаянии. Эту легенду и развенчивали, и просто пытались предать забвению, однако интерес к ней никогда полностью не исчезал. Наверное, поставить точку в «деле Федора Кузьмича» затруднительно: много уткло времени, живых свидетелей нет... Однако томский краевед Виктор Федоров убежден, что ему удалось подтвердить легенду с документальной точностью. В. Федоров обращает внимание и на косвенные данные, которые свидетельствуют в пользу загадочного превращения: впечатлительность и доброта юного Александра, предельно острое переживание им убийства Павла I, хотя Александр и не был виновен в гибели отца. Да и тот факт, что Александр верил Аракчееву почти все внутренние дела империи, по мнению В. Федорова, заставляет всерьез задуматься над возможностью полного отречения императора от престола. Конечно, возможное не всегда реализуется. Но В. Федоров как будто располагает и юридически точными доказательствами своей точки зрения. Кстати, ее разделяли люди, которых вряд ли можно упрекнуть в незнании русской истории, например, Лев Толстой, который в молодости встречался с загадочным старцем, а впоследствии сказал, что все догадки и сомнения перестают быть сомнениями и становятся достоверностью, вследствие найденных записок Кузьмича. На этих записках и основывает свои доказательства В. Федоров.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

вятой старец Александр Благословенный

В. ФЕДОРОВ

Легенды

...1825 год. Александр понимает, что не принес России того процветания, о котором мечтал в юности. Он решает искупить свою вину оставшейся жизнью. Он едет в Таганрог, чтобы уплыть из России морем. Аракчеев узнает об этом. Он инсценирует побег и поимку бывшего унтер-офицера Струменского и дает указание прогнать его сквозь строй. Подстраивается и убийство «от несчастного случая» фельдгегеря Маскова. Оба были похожи на императора. Быть может, в могилу, предназначенную для него, лег кто-то из них?

Но если Александр не умер — куда же он отправился? На этот счет высказываются подчас самые невероятные предположения — что экс-император долгое время жил в легендарном Беловодье, познавая тайные науки Востока (и получая при этом денежные переводы от брата Николая).

Считается, что в 1836 году он появился в Сибири под именем Федора Кузьмича — провидца и целителя. В Томской губернии к нему относились как к святому.

Прямых свидетельств перевосложения императора в старца не существует. (Возможно, это не устраивало семью Романовых?) Сохранились лишь копии записей старца. Косвенных же свидетельств более ста. Конечно, по отдельности они неубедительны, но в совокупности... Вот лишь некоторые из них.

Старец поддерживал в своей келье такой же безупречный порядок, как император — в своем кабинете. Оба были необыкновенно чистоплотны, ежедневно меняли белье. Оба умели сохранять спокойствие, когда их пытались вывести из себя. И император, и старец часто повторяли фразу: «Так Богу угодно...», часто произносили

Император Александр I.

Посмертная маска Александра I и картина, изображающая старца Федора Кузьмича.

слово «любезный». И тот, и другой уважительно относились к труду, книгам и знанию. Они имели привычку стоять спиной к окну или прохаживаться взад и вперед. Людей император и старец оценивали по их делам, а не по должности, с готовностью помогали нуждающимся, к себе же относились требовательно, самокритично. Александр I очень хорошо разбирался в географии и истории, знал иностранные языки. Для императора это естественно — но и старец отличался тем же самым! Император навел образцовый порядок в своих бумагах перед «смертью» — и старец перед смертью сжег свой архив.

По голосу и внешности императора в старце опознали бывшие царские истопники и казак Березин, служивший в царской охране, ссыльный Оленьев, живший ранее

в Петербурге, чиновница Бердяева из Красноярска, хорошо знавшая царя, бывший военный священник Иоанн Александровский, служивший ранее в Петербурге и переведенный из Петербурга в Сибирь...

Слово криминалиста

В 1988 году в Центральной Сибирской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы, в ее Томском филиале были исследованы ксерокопии с фотографий записей старца Федора Кузьмича и рукописей Александра I. Конечно, копии — не оригиналы, и экспертизу нельзя назвать юридически безупречной. И все же приведем полный текст заключения специалиста.

Справка специалиста

№ 225

20 декабря 1988 г

4 апреля 1988 г. в Томский филиал ЦС НИЛСЭ для проведения почерковедческого исследования поступили:

1. Рукописные записи старца Федора Кузьмича (ксерокопии на 2-х листах — «Факсимиле съ тайны Федора Кузьмича» и «Тайна Ф. Кузьмича»); (Из книги Г. Василича «Император Александр I и старец Федор Кузьмич»).

2. Рукописные записи императора Александра I (ксерокопии на 2-х листах — «РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПОРУЧИКУ» и «РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I АДМИРАЛУ МАРКИЗУ ДЕ-ТРАВЕРСЕ»). (Из книги Г. Василича «Император Александр I и старец Федор Кузьмич» и Шильдера Н. К. «Император Александр I, его жизнь и царствование»).

3. Рукописные записи на конверте, в который были вложены факсимиле и тайна Ф. Кузьмича.

НА РАЗРЕШЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПОСТАВЛЕНЫ ВОПРОСЫ:

— одним ли лицом выполнены указанные рукописные записи?

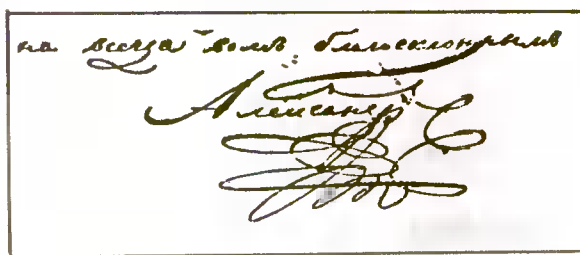
(Вопрос сформулирован в редакции эксперта.)

В результате проведенного исследования установлено, что представленные рукописные записи, кроме записи на конверте, в который были вложены факсимиле и тайна Ф. Кузьмича, выполнены вероятнее всего одним лицом; записи на конверте выполнены не Ф. Кузьмичем и не императором Александром I.

Специалист-криминалист

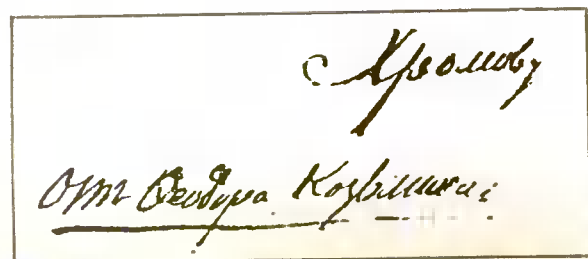
Юдников И. И.

Так что же — может быть, рано объявлять фантазией повесть о царе, который стал святым старцем?

на бумаге жел. Голландской
Александр I

Образцы почерков Александра I и Федора Кузьмича.

с Кривош
От Федора Кузьмича

Энциклопедия «Науки и религии»

БЕЛОВОДЬЕ

В научно-популярной литературе говорится, что буддийская Шамбала, индуистская Калапа, китайская Долина бессмертных и русское Беловодье — это одно и то же. Упоминается, что легенда о Беловодье исследована в книге «Бухтарминские старообрядцы» (Л., 1930). Расскажите, пожалуйста, о Беловодье на страницах журнала.

Ю. РАКИТИН,

Приморский край

Предания о Беловодье (Беловодии, Беловодском царстве) — далекой, почти недостижимой стране справедливости — появились на Руси очень давно. Ссылаясь на несохранившиеся летописные источники, некоторые авторы повествуют о путешествии в Беловодье русского монаха Сергия еще в X веке. Из всего отряда, посланного в Беловодье киевским князем Владимиром, цели достиг лишь Сергий. На Русь он вернулся через полвека глубоким старцем, уже в XI столетии.

Окончательное оформление предания о Беловодье получили в среде старообрядцев, преимущественно на Алтае (в частности, в Бухтарминской волости). Там бытовало даже описание пути в Беловодье — на восток, через тайгу, пустыни и горы. Сотни странников отправлялись на поиски царства правды. Возвращались далеко не все. Многие гибли в незнакомых краях, сбивались с пути. Но некоторые — их было очень мало — рассказывали о благодатной, изобильной стране, которая не подчинялась земным царям, а одному только Богу. Упоминали глубокое озеро, реку с белой водой (вспомним «молочные реки» русских сказок), утверждали, что в Беловодье сохраняется христианская вера в первоначальной чистоте.

Предания о Беловодье обнаруживают сходство с распространенными в средневековой Европе апокрифами, повествующими о Пресвитере Иоанне — легендарном правителе христианского царства где-то в Центральной Азии. На Руси этот апокриф, получивший название «Сказание об Индийском царстве», был известен уже в XIII веке. «Сказание» утверждает, что во владениях Иоанна европейские цари могли бы быть только слугами. Есть там «зерцало праведное», в котором каждый видит свои прегрешения. А река, текущая по Индийскому царству «из рая», напоминает белую реку алтайских легенд: белый цвет символизирует небесную чистоту. (Кстати, на Алтае есть реки с белой — из-за минеральных примесей — водой.)

Представления о стране счастья, стране всеобщего благоденствия есть у всех народов. Но специфические черты этих представлений, их сходство и различие позволяют лучше понять пути формирования культур, их взаимодействие. Беловодские легенды близки к центрально-азиатским сказаниям о Шамбале. Проникнуть в тайны Беловодья может помочь изучение русской фольклорной традиции.

Е. ЛАЗАРЕВ

Великий инквизитор

А. МАЦЕЙНА

2. Противоположности в мировой истории

Дух пустыни — это вековой враг, который с самого начала нашей действительности вредит подвигам Бога и мешает Его замыслам. Он всегда прикрывается человеческими образами. В истории много было пророков, которые говорили именем Бога. Однако до сих пор еще никто не говорил именем дьявола. Дьявол, как и Бог, говорит через человека. Но если Бог говорит через человека прямо, даже побуждая его имя Его произнести, то дьявол всегда убеждает человека говорить именем себя самого. Человек всегда служит дьяволу какой-то ширмой. В этом отношении необыкновенно значительны слова, которые черт сказал Ивану Карамазову во время его галлюцинации. Этот джентльмен средних лет, который является Ивану на кушетке, замечает, что он хочет «воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит». Иначе говоря, дьявол хочет принять облик человека и действовать человеческим способом. «Я людей люблю искренне, — говорит этот джентльмен. — К тому же на земле я становлюсь суверен... мне именно это-то и нравится, что я становлюсь суверен. Я здесь все ваши привычки принимаю...» Он отказывается от чисто сатанинской экзистенции: «Я беден... Ей-Богу, не могу представить, каким образом я мог быть когда-то ангелом. Если и был когда, то так давно, что не грешно и забыть». Вне сомнения, все это — ложь. Читая спор черта с Иваном, ясно чувствуешь, что черт знает, чего он хочет и добивается. Он только не хочет выявить свои цели. Он хочет действовать руками человека, мыслить умом человека и ненавидеть сердцем человека. Человечность — очень привлекательная нива деятельности черта. Поэтому и инквизитор, идя уже не с Христом, но с **ним**, прикрывает намерения духа пустыни своей человеческой природой и служит ему орудием, однако служит сознательно и решительно. Поэтому на самом деле он учение Христа не исправил, но извратил его и испортил, так как дух пустыни всегда является началом лжи, уничтожения и смерти. Сделанные инквизитором «исправления» были не приспособ-

лением учения Христа к конкретным условиям, но полным его вытеснением из жизни. И все это было не человеческой ошибкой, происходящей из-за несовершенного знания, не человеческой погрешностью, случившейся из-за человеческих слабостей, но **с самого начала злой умысел**. Дух разрушения и смерти руководил делами инквизитора и направлял их в сторону небытия. Затаившись в горячей в сердце инквизитора любви к человечеству, он его руками осуществил те самые первичные искушения в пустыне, которые отверг Христос, которые, однако, принял инквизитор — именем самого Христа. Уничтожение было его целью, обман и ложь — его средствами.

Таким образом, представляя этот дух пустыни, исполняя его волю, цели, инквизитор становится непримиримой противоположностью Христа. Он — не «Иванушка-дурачок», которого этот «страшный и мудрый» дух соблазнил и обманул, как обманул первых людей. Нет, он сознательный его сторонник, старательно осуществляющий его план. Он сам признается, что вначале хотел присоединиться к избранникам Христа, чтобы «восполнить число». Однако в пустыне у него открылись глаза, он «очнулся и не захотел служить безумию», а захотел присоединиться к тем, кто «исправляет» дела Христа. Отказ инквизитора от Христа был его свободным и сознательным поворотом к духу пустыни. Он действовал именем Христа, ясно зная, что за его именем стоит не Христос, но тот ужасный дух. Он сознательно лгал и сознательно обманывал людей. Он сам в этом признается, говоря о том, как миллионы тех «слабосильных бунтовщиков» он делает покорными и послушными, он откровенно замечает: «Мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не примем к себе». Отказ от Христа — для инквизитора окончателен. Решение в пользу противоположности Христа сделалось бесповоротным. Вот почему инквизитор даже и после поцелуя Христа остается при своих убеждениях, хотя уголки его губ и задрожали. Как человек он задет милосердным действием Христа, однако как представитель духа пустыни он остается на прежнем пути лжи и обмана, который ведет к уничтожению и в небытие. Раскрывая свою тайну, инквизитор выявляется как истинный отрицатель Христа и как основной носитель антихристового начала.

Но как раз в этом месте возникает один важный психологический вопрос: может ли дух человека вынести такое полное и бес-

поворотное решение — стать противником Христа? Возможно ли, чтобы инквизитор, будучи человеком, так окончательно отвернулся от Христа? На этот вопрос Достоевский дает нам такой ответ, который, подобно свету молнии, раскрывает перед нами образ действия антихристовского начала в истории. Отрицанием Христа, поворотом к духу пустыни тайна инквизитора еще не исчерпывается. В ней заключены еще большие глубины, которые кладут основу решению инквизитора и делают его окончательным. Рассказывая о том, как он со своими сторонниками, освободив людей от упреков совести, снимет с них ношу страдания и тревоги, он замечает, что «... все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны». Почему? Почему эти властители слабосильных будут несчастливы? Какую тайну они скрывают от управляемых ими? Инквизитор сам разъясняет эту загадку. «Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесного и вечного».

Вот последняя и глубочайшая тайна инквизитора: **он со своими сторонниками не верит ни в Бога, ни в бессмертие души**. По ту сторону — только смерть. И тем не менее этого вывода, как и учения Христа, обыкновенные слабые люди усвоить не в состоянии. Поэтому инквизитор будет хранить эту тайну, будет говорить людям о вечной жизни, будет лгать не только словами, но и своей смертью, так как и умрет он во имя Христа, сам не веря ни во что. Это его глубочайшее убеждение. Поэтому Алеша, разбирая с Иваном смысл рассказанной легенды, в конце концов ее понимает и восклицает: «Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет! — Хотя бы и так! — отвечает Иван. — Наконец-то ты догадался. И действительно так, действительно только в этом и весь секрет...» Вне сомнения, это — как и Иван дальше подчеркивает, — глубокое страдание. Видеть других счастливых, идущих в вечную жизнь, вести их по этому пути и вместе с тем знать, что этот путь только обман, что он ведет в полное небытие, что нет никакой вечной жизни, никакого Бога, значит, никакой цели и никакого смысла — да, это — действительно, страдание. Поэтому эти сто тысяч и не могут быть счастливыми. Они — мученики своих

Окончание. Начало в № 11.

убеждении. Они прокляты своим собственным знанием. Нигилизм — это та тайна, которую они так заботливо хранят от ими ведомых людей. Инквизитор Достоевского — нигилист в самом глубоком смысле этого слова. Вот его тайна!

И как раз в этой тайне заключается **его как человека** сопротивление Христу. Он ушел из числа избранников и вернулся из пустыни не ради любви к человечеству, но потому, что убедился, что по ту сторону есть только смерть. Он начал исправлять учение Христа не потому, что Христос вознес его на недостижимую высоту, но потому, что убедился, что и сам Христос и Его Учение — иллюзия, изобретение человеческой фантазии, зря и бессмысленно требующее таких трудных вещей, как свобода совести, свобода выбора. Если ничего нет, если нет ни Бога, ни бессмертия души, то всякое высокое устремление человека не имеет никакого смысла. Зачем тогда утомлять людей свободой совести, выбором, добровольной верой, если вместо этого лучше дать им хлеба, успокоить их совесть авторитетом и разрешить им грешить. Пусть живут они спокойные и счастливые, так как по ту сторону они все равно найдут только смерть. Папа римский Леон XIII в энциклике «*Rerum novarum*» заметил, что «если нет другой жизни, тогда гибнут понятия нравственного долга и земное существование превращается в темную, никакому уму не доступную загадку». Это совершенно логический и обязательный вывод. Большинство нигилистов не решается сделать его, пробуя даже и в своем мировоззрении найти место нравственному долгу и смыслу. Однако инквизитор Достоевского последователен. Он создает людям такой образ жизни, в котором нравственные принципы исключаются; человеческая личность уничтожается, человечество превращается в гигантский «муравейник». **Инквизиторский строй** — развитие нигилизма в исторической действительности. Поэтому здесь становится понятным и его отход от Христа. Он отвернулся не от реального, исторического Христа, который страдал, умер и воскрес, но от иллюзии, так как в исторического Христа он не верит. Он вошел в союз с противоположностью Христа также не в его реальном образе духа пустыни, но также — с иллюзией, которая все-таки ближе его нигилистическим убеждениям, чем первоначальная вера в Христа. Отрицание Христа, такое окончательное и неизменное, только последовательный результат его нигилистического мировоззрения.

Нигилистическим образом инквизитора Достоевский как раз и отвечает на ранее поднятый вопрос, может ли дух человека вынести полный отказ от Бога. Да, он может его выдерживать, но только отрицая существование Бога. Только тогда, когда человек не верит, что Бог есть, когда он делает нигилистический выбор, когда в бытии он не находит никакого смысла и никакой цели — только тогда он может превратиться в противоположность Бога и вершить дела вечного врага. Сделать выбор в пользу духа пустыни, веря в исто-

рического Христа Бога и Человека, в Его смерть и жизнь, в Его воскрешение и постоянную деятельность в истории, кажется, невозможно. Но Достоевский в своей легенде этого не утверждает. Если человек верит в Бога и в бессмертие души, он не может твердо и неумолимо пойти за духом разрушения и смерти. Человек ведь по своей сути — творец, носящий в себе образ Великого Творца, и поэтому всегда к Нему стремящийся. Признать реальное существование Бога и вместе с тем окончательно выбрать Его вечного врага, кажется, для человека невозможным. Поэтому Достоевский делает инквизитора нигилистом и в этом нигилизме находит корни его очерствелости.

Однако инквизитор, как было сказано, является символом исторического человека. Он представитель того начала, которое рядом с Христом проявляется во всей мировой жизни, отдаляя ее от божеского порядка. Поэтому характер решения инквизитора раскрывает нам образ действия и того, Христу противоположного начала. Антихристово начало всегда в истории проявляется в форме нигилизма. Дух пустыни, желая разрушить труд Христа, вынужден, как было сказано, действовать через людей, так как только люди являются зримыми и непосредственными участниками истории. Другого прямого пути у него нет. Но для того, чтобы это разрушение человек смог выдержать, он должен не видеть никакого смысла и никакой цели; он должен быть нигилистом.

Отрицание Христа — первое условие человеку, чтобы он включился в деятельность антихристового начала. Человек может признавать мир и благо, прогресс и демократию, но **отрицание Христа неизбежно ведет его в лагерь врагов Бога**. В этом отношении Вл. Соловьев внес много ясности своим повествованием об антихристе. В этой легенде Соловьев представляет антихриста как необыкновенно способного, прямо-таки гениального человека, который едва достигнув 33 лет, «стал широко известен как большой мудрец, писатель и общественник». Бога он не отрицал. Напротив, он не был атеистом. Он был спиритуалист и верил в добро. Таким образом, этот человек после одного своеобразного переживания начал писать «с сверхъестественной быстротой и легкостью» произведение под названием «Открытый путь в мировое согласие и благо». В этом произведении было объединено «высокое уважение к преданиям старины и к символам с широким и смелым радикализмом; неограниченная свобода мысли с глубочайшим и мистическим пониманием всего; неограниченный индивидуализм со страстной отдачей всеобщему благу». Здесь все было так исключительно согласовано и соединено, что каждый в этой книге находил свои взгляды и убеждения, каждый был согласен с ее мыслями. Все удивлялись и восхищались этой книгой. Она была переведена на все языки мира. Каждому она казалась «выражением полной правды». Только одного-единственного в этой книге не хватало — имени ХРИСТА. Так же по-

эже, когда автор этой книги был выбран президентом мира и когда, пожелав объединить церкви, созвал общий съезд в Иерусалиме трех основных христианских конфессий (католиков, протестантов и ортодоксов), его губы не могли произнести имя Х Р И С Т А. Предполагая, что мирская помощь религиям гарантирует ему поддержку церквей, он возвратил высланных пап в Рим, учредил для протестантов мировой институт исследований Святого писания и ортодоксам учредил академию развития старинной литургии. Но как только принимавший участие в съезде патриарх Восточной Церкви Иоанн потребовал гласно признать Иисуса Христа, страдавшего, умершего и воскресшего, президент мира убил не только его, но и Папу Римского Петра II и руководителя протестантов профессора Павла, снимая, таким образом, свою маску и вступая в открытую борьбу против Агнца. **Отрицание Христа — это истинный знак антихристового начала и первое условие нигилистической установки.** Им начинается каждый шаг духа пустыни. Дух пустыни — первоначало отрицания, как Мефистофель Гете, который о себе говорит, что он — «*der Geist, der stets verneint*». Он отрицает все: Бога, Душу, смысл, цель, наконец, самого себя, так как ему лучше всего действовать тогда, когда человек, как Иван Карамазов о нем говорит: «Ты лжешь, ты болезнь моя, ты призрак... Ты моя галлюцинация». Дьявол не любит действительности. Он прячется в снах человека, он хочет быть только вроде действительности. Когда Иван убеждается, что напротив него сидящий джентльмен все-таки реальность, тогда сам черт начинает доказывать, что он есть только воображение: «...а между тем я только твой кошмар, и больше ничего». Не верить ни в Бога, ни в Христа, ни, наконец, в дьявола — вот суть нигилизма, и вот лучшая почва для деятельности антихриста. Когда против человека становится только смерть, как единственная безусловная реальность, и когда по ту сторону он не надеется что-либо найти, тогда человек превращается в противоположность Бога и начинает разрушать Его порядок в мире. Нигилистические воззрения — источник антихристового начала в жизни отдельного человека и в жизни человечества.

Таким образом, эти два начала — Христос и инквизитор — представляют два основных стержня, вокруг которых вертится вся история, в особенности история после Христа. В легенде Достоевского оба они стоят один против другого, глаза в глаза. В обычной жизни они встречаются нечасто. В повседневной жизни чаще всего властвует то один, то другой, редко сходятся они оба сразу и редко раскрывают свою несовместимость. В объективной действительности схватки обоих не часты. Однако, когда приходит ночь, «темная, горячая и «бездыханная» Севильская ночь», тогда эти первоначала становятся один против другого. Тогда в ночной темноте открываются двери одиночки и со светильником в руке входит великий инквизитор, властелин осязаемой историче-

ской действительности, схватиться со своим неосязаемым, но всегда существующим божественным врагом. Вдали от осязаемых жизненных форм, вдалеке от дневного шума, в темных глубинах человеческой души происходит встреча этих первоначал и решающая схватка. Темнота ночи и тюремная одиночка — символические средства, которые использует Достоевский, желая указать поле этой схватки. Оно (поле) — душа человека, сердце человека. Человек в себе настолько открыт, настолько неопределен и неограничен, что он делается доступен и Богу, и дьяволу, и Христу, и инквизитору. В самой своей природе он, как вскоре увидим, полон глубоких противоречий, которые становятся опорными пунктами в борьбе между божественной истиной и демоническим началом обмана. Эта борьба неумолима. Как не может быть мира между утверждением и отрицанием, между созиданием и разрушением, между правдой и ложью, так не может быть мира между Христом и инквизитором. Когда жизнь управляется одним началом, появление другого — только помеха, которая устраняется как можно скорее. Вот почему инквизитор, как только замечает Христа на площади севильского собора, тут же приказывает взять Его. А после, придя в тюрьму, все время подчеркивает: «Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать, и Сам это знаешь». Выпуская Христа из тюрьмы, инквизитор настойчиво подчеркивает, чтобы Он больше никогда, никогда, никогда не приходил бы. **Вместе эти начала в истории существовать не**

могут. Они не совмещаются по сути. Их борьба ведет не к компромиссу, не к согласию, но к окончательному вытеснению одного либо другого из исторической действительности. Противоположное начало должно быть уничтожено, невзирая на то, в каком образе оно явится. «...Ты ли это, или только подобие Его, — говорит инквизитор, — но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков... знаешь ли Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь», — прибавляет, задумавшись, инквизитор.

Эта его задумчивость имеет глубокий смысл. Она показывает, что и Христос и инквизитор знают об этой неумолимой борьбе, ведущей к совершенному уничтожению. Сейчас инквизитор готовится уничтожить Христа, так как историческая действительность в данное время находится в его руках. Но он хорошо знает, что придет время, когда он сам будет уничтожен вместе со своими сторонниками; когда зверь, как сказано в Апокалипсисе, будет пойман вместе со своим пророком, связан и обречен. Поэтому своеобразной печалью звучат последние его слова: «Да, Ты, может быть, это знаешь». И если в конце Христос целует инквизитора, прощая его, если инквизитор отмыкает двери одиночки и освобождает Христа, то здесь происходит не примирение, но только экзистенциальная встреча двух людей **как людей.** Человечность Христа пробуждает человечность инквизитора. Несмотря на это, противоположность принципов остается. Хотя поцелуй и жжет сердце инквизитора-человека, однако его

убеждения неизменны. Освобождение Христа из тюрьмы — это только другой способ, скажем — более человеческий — Его удаления из истории. Вместо того, чтобы уничтожить Его физически, инквизитор заставляет Его устраниваться морально, обязывая Его уйти и больше не показываться. Достоевский, как и христианство, исторический процесс понимает не как циклически повторяющийся, но как единоразовно идущий к окончательному разрешению. История определена двумя противоположными началами: Христом и духом пустыни. Соперничество этих начал в сердце человека, сопровождаемое постоянным сомнением, тревогой и страданием, — основная тема истории. Но это соперничество ведет к полнейшему разобщению борющихся начал и к устранению одного из них из истории. В настроении инквизитора легко угадывается, что **он** вместе с духом пустынь **будет** окончательно повержен; что его смелость, которой он похвастается, в момент последней встречи, его не спасет; что, наконец, сама фраза, брошенная Христу: «осуди, если можешь и осмелишься», уже есть признание того, что в действительности Христос придет как Судья и вместе с тем как победитель. Победенным оставит только смелость нести свое поражение.

Концепция истории Достоевского в этом отношении совершенно совпадает с христианской концепцией. Легенда о Великом инквизиторе — поэтический образ христианской исторической диалектики.

Перевела с литовского
Т. КОРНЕЕВА-МАЦЕЙНЕНЕ.

«Великий инквизитор» вчера и сегодня

Арсений ГУЛЫГА

Впервые имя Антанаса Мацейны я услышал во время войны. Наша армия вела бои на территории Литвы, немцы отступали. Хозяин богатого хутора близ Укмерге, узнав, что в прошлом я студент философского факультета, спросил меня, не знаю ли я литовского философа Мацейну. Я не знал.

Много лет спустя в Марбурге со мной заговорил литовец, эмигрант из СССР. Он назвал себя учеником Мацейны. Я сказал, что имя мне известно, но произведений Мацейны я не читал.

И вот теперь произведение. Выбрано оно со вкусом и пониманием интересов русского читателя. Достоевский — вершина отечественной культуры. «Легенда о Великом инквизито-

ре» — философский шедевр.

У Мацейны есть все основания сопоставлять Достоевского с Гегелем — в некотором отношении это антиподы. Действительно существуют два типа диалектики: один из них, гегелевский, я назвал бы его «облегченным», другой — Достоевского — «трагическим». Несмотря на все уверения немецкого диалектика, будто дух «столь силен, что может переносить противоречие», на самом деле гегелевский дух все же стремится избавиться от противоречия, разрешить его — путем примирения или борьбы — неважно, но так или иначе добиться «синтеза». В дальнейшем противоречие будет восстановлено, но только чтобы снова устранилось. Таким путем совершается разум восхождение от низшего к вы-

сшему, раскрывая себя в истории.

«...Все можно сказать о всемирной истории, — возмущает Достоевский, — все, что только самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать — что благоразумно. На первом слове поперхнетесь». Достоевский и другие диалектики (Флоренский, Булгаков и Мацейна) видят в противоречии нечто неустраняемое, трагическую разорванность бытия. Добро и зло противостоят друг другу, и никакой «синтез» здесь невозможен. Человек должен сделать выбор, с кем он — с Христом или с Сатаной. Мацейна прав, толкуя так Достоевского.

«Великий инквизитор» — это дьявол в облике священника, зло, замаскировавшееся под добро. Но есть тут еще дополнительная де-

таль: герой Достоевского — это Мефистофель XX века, нечистая сила эпохи массовых движений. Достоевский смотрел на полвека вперед. Он показал, какими опасностями оборачивается «роевое» начало, заложенное в людях: человек толпы страшится свободы и ответственности, ищет, на кого бы это все переложить, готов слепо следовать за другими и за тем, кто поведет толпу.

«Толпа — это как бы материя истории», — говорит себе самый «Великий инквизитор» нашего времени, «вождь народов» Сталин в романе А. Солженицына. Достоевский предвидел Сталина и Гитлера (не личности, а феномены). Эти могли повести миллионные массы на их собственную гибель. Фюрер, масса и миф — таковы три компонента самых страшных, са-

мых кровавых трагедий современной.

Сегодня литовцы говорят русским: вы нас завоевали в 1940 году. Слышать такое обидно: не было этого. Люди моего поколения помнят безумные восторги митингующих по поводу вступления Прибалтики в «Союз нерушимый». Я не против превращения сегодня Литвы в самостоятельное государство, но пусть сохранится историческая правда. Литовский народ был обманут, как за два десятилетия до этого были обмануты русские. Правда и в том, что немцы добровольно посадили на свою шею Гитлера, который вверг их в губительную войну. Феномен «Великого инквизитора» в том и состоит, что одурасченная толпа, ликуя, отдается силам зла на собственную погибель.

Почему Литва оказалась под пятой Сталина, а Финляндия нет, хотя захват ее тоже был предусмотрен договором Молотова — Риббентропа? Ответ на этот вопрос прояснит многое в

проблеме «Великого инквизитора». Народ не обречен фатально на то, чтобы стать его питомцем. История знает примеры массовых деяний, освященных достойной целью, освещенных светом добра. Все дело в том, как обнаружить и обличить зло, маскирующееся под добро, как отличить одно от другого. Все знают, куда ведет дорога, вымощенная добрыми намерениями. Но как не пойти по ней? Как не поддаться на «великоинквизиторские» ухищрения? Толпа, ведомая демагогами и провокаторами, что может быть страшней? В этом случае «большинство» не означает истины. Демократия превращается в охлократию. Где же решение? На что я смею надеяться? — некогда вопрошал Иммануил Кант. Ответ дан им в работе «Религия в пределах только разума». Религия, тождественная морали, — надежда на нее не обманет. В целом Достоевский был с Кантом согласен. И нам возразить на это нечего.

Человек — это тот, кто верит

Начало на 2

поступила?» И смотрели мне в глаза испытующе, ожидая ответа. И я сказал: «Вы, может быть, знаете такую оперу — «Хованщина». Она отразила определенный период истории, когда люди за веру не жалели жизни. За веру, которой они не могли поступиться. Так почему же вера коммуниста в свои идеалы должна быть слабее? Мечта о справедливом обществе, социальном равенстве и свободе для каждого человека — эти коммунистические ориентиры веками светили и согревали человечество. Они рождались в головах монаха Кампанеллы, философа Маркса. Да, попытки осуществить коммунистические идеалы пока завершились провалом. Наши суровые оценки культа личности Сталина, утопической программы Хрущева, брежневщины широко известны. И все же. Разве костры инквизиции испепелили истинность христианской морали?

Я верил и продолжаю верить в социалистическую идею. И если в лагере, в тюрьме, страдая из-за своей веры, рос в собственных глазах, значит, я человек, а не существо, способное променять свою веру на миску похлебки или лучший костюм. Вообще, убежден: человек, который имеет свою веру, способен страдать за эту веру, — и есть Человек. Без веры нет человека. Вот в чем, по-моему, самая высокая истина. Так я говорил и в американских костелах, и при встречах в университетах.

Я верю в перестройку, верю, что победит правда. Но твердо знаю и то, что на легкую борьбу, на легкую победу рассчитывать нельзя. Если кто-то ожидает много, пусть лучше отойдет в сторону.

Особенно трудно сегодня, как и всегда, первопреходцам, людям талантливым, способным яснее и раньше других постигать истину, ярче выражать ее — в науке, искусстве, политике. Талант всегда открывает новое, то, что не вписывается в рамки привычного мышления, как бы царапает наш мозг, раздражает его. Талант больше ценят посмертно, при жизни его чаще бранят.

ЧАСТЬ III

Воздадим почитание божествам:

гуру, идамам и дакини;

пусть станут они причиной освобождения в бардо

В книге «Великого Освобождения в результате

услышанного»

уже было рассказано о бардо абсолютной сути,

теперь напомним о бардо возвращения в сансару

О сын благородной семьи, внимательно слушай и постигай [1]. Адские существа, боги и тело бардо рождаются произвольно [2]. Когда в бардо абсолютной сути явились мирные и гневные божества, ты их не познал, поэтому ты ослабел от страха за пять с половиной дней [3]; но когда ты пришел в себя, твое сознание прояснилось, и возникло (новое) тело, подобное тому, что было у тебя прежде. В тантре сказано:

С прежним и будущим телом бардо возвращения в сансару,

одаренным всеми чувствами, беспрепятственно

странствующим,

обладающим чудесной силой, которая обусловлена кармой,

видимым чистыми очами богов, которые имеют ту же природу.

Здесь слово «прежнее» означает, что ты обладаешь телом, подобным прежнему телу из плоти и крови, такому, каким ты его помнишь, но кроме того, оно излучает свет и имеет признаки тела людей золотого века. Это ощущение умственного тела, поэтому его называют умственным телом ощущения бардо. В этот миг, если тебе предстоит родиться богом, ты ощутишь мир богов, если же тебе предстоит родиться ревнивым богом, человеком, животным, голодным духом или обитателем ада — ты ощутишь соответственный мир. Поэтому слово «прежнее» означает, что четыре с половиной дня ты думал, что обладаешь материальным телом, каким ты помнил его, а будущее означает, что потом ты ощутишь тот мир, где тебе предстоит впоследствии родиться; поэтому говорят: «прежнее и будущее».

Какие бы проявления в этот миг ни возникли, не следуй за ними, не увлекайся ими и не жаждай их. Если ты ими увлечешься или возжаждешь их, ты будешь блуждать в шести мирах, испытывая страдание.

Хотя до вчерашнего дня тебе являлись проявления бардо абсолютной сути, ты не познал их, поэтому вынужден блуждать здесь. Теперь, если ты сможешь сосредоточенно медитировать, спокойно погрузить свой ум в чистую, обнаженную, светоносную пустоту, о которой тебе поведал учитель, если сможешь расслабиться в состоянии невосприятия и недеяния, ты достигнешь освобождения и не войдешь в лоно (женщины).

Если ты не можешь понять, представь над своей головой своего идама или учителя и постарайся испытать благоговение. Это очень важно. Повторяю снова и снова — не отвлекайся.

О сын благородной семьи, сосредоточенно слушай. Слова «одаренный всеми чувствами» означают, что даже если при жизни ты был слепым, глухим и увечным, то теперь, в состоянии бардо твои глаза видят образы, уши слышат звуки, все твои чувства ясны и безупречны; поэтому сказано: «одаренный всеми чувствами» [4]. Это признак того, что ты умер и блуждаешь в состоянии бардо, — так познай это и помни наставление.

О сын благородной семьи, слово «беспрепятственно» означает,

Продолжение. Начало см. в № 10, 11, 1990.

ТИБЕТСКАЯ „КНИГА ВЕЛИКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ“

что, поскольку ты обладаешь умственным телом и твой ум отделен от прежней опоры, поскольку нет у тебя материального тела, ты теперь можешь проходить назад и вперед даже сквозь гору Меру — царицу гор, можешь пройти куда угодно, кроме лона твоей матери и алмазного седалища [5]. Это признак того, что ты блуждаешь в состоянии бардо возвращения в сансару, поэтому помни наставления своего учителя и молись Владыке Великого Сострадания.

О сын благородной семьи, слова «обладающий чудесной силой, которая обусловлена кармой», означают, что ты теперь наделен чудесными способностями, которые ты приобрел не медитацией и добродетелями, но которые пришли к тебе естественно: они имеют природу кармической силы [6]. Ты можешь мгновенно обойти четыре континента и гору Меру, переместиться куда угодно за время, которое нужно человеку, чтобы протянуть руку и убрать ее. Но эти способности не подобают тебе; не думай о них. Сейчас ты в состоянии реализовать их беспрепятственно, можешь совершить все, о чем подумает, и нет действия, которое ты не смог бы сделать — познай же это и молись своему учителю [7].

О сын благородной семьи, слова «видимый чистыми очами богов, которые имеют ту же природу», означают, что те, кому предстоит родиться в мире одной и той же природы, увидят друг друга в состоянии бардо, поэтому те, кому предназначено родиться богами, видят друг друга. Точно так же, если им предстоит родиться в любом из шести миров, они увидят тех, кто обладает их природой. Не стремись к ним, но медитируй на Владыку Великого Сострадания. Видение «чистыми очами богов» означает и видение чистыми божественными очами созерцателей, которые пребывают в самадхи, а не просто достигли состояния богов своими заслугами. Но они видят не всегда: сосредоточившись на видении — видят; если же нет, или если их медитация нарушена — тогда не видят.

О сын благородной семьи, обладая таким телом, ты увидишь свой дом и семью, как будто встретишь их во сне, но ты не получишь ответа, хотя будешь говорить с ними; ты увидишь, как плачут твои близкие, и подумаешь: «Я умер, что мне делать?». И ты почувствуешь сильную боль, как рыба, которая бьется на горячем песке. Но страдание теперь бесполезно. Если есть у тебя учитель, молись ему, или молись идаму, Владыке Великого Сострадания. Пусть ты привязан к своим близким, это бесполезно — так оставь привязанность. Молись Владыке Великого Сострадания, и не будет ни мучений, ни страха.

О сын благородной семьи, твой ум, утративший опору, гонимый ветром кармы, беспомощно пытается оседлать коня ветра, качаясь и вертясь, как перышко. Ты скажешь плакальщикам: «Я здесь, не плачьте», но они не услышат тебя, поэтому ты подумаешь: «Я умер», и тебе будет очень больно. Не страдай об этом. Перед тобой все время будет серая дымка, как серый свет осенней зари — ни день, ни ночь. Такое состояние бардо продлится одну, две, три, четыре, пять, шесть или семь недель — до сорока девяти дней. Говорят, что страдание в бардо возвращения в сансару обычно длится двадцать один день, но это не совсем точно, так как зависит от кармы.

О сын благородной семьи, в этот миг тебя настигнет сзади могучий ураган кармы — устрашающий, невыносимый, яростно крутящийся. Не бойся его — ведь это твое собственное бессвязное проявление. Перед тобой встанет густая тьма, страшная, невыносимая, с жуткими криками: «Бей!» «убивай!». Не бойся их. Тем, кто совершил большое зло, в результате их кармы явится множество демонов, пожирающих плоть, несущих различное оружие, выпускающих боевые кличи и выкрики: «убивай! бей!». Ты почувствуешь, что за тобой охотятся разные страшные звери, что тебя преследует огромная армия, под снегом, дождем, во тьме и в буре. Ты услышишь, как рушатся горы, разливаются озера, как растекается

пламя и возникают яростные ветра. В ужасе ты устремись куда только можно, но перед тобой разверзнутся три пропасти — белая, красная и черная, глубокие и страшные, и ты едва не свалишься в них.

О сын благородной семьи, на самом деле это не пропасти, это злоба, страсть и невежество. Познай теперь, что это бардо возвращения в сансару, и обратись к Владыке Великого Сострадания: «О Владыка Великого Сострадания, мой гуру, о Три Драгоценности, не дайте мне низвергнуться во ад». Горячо твори эту молитву; не забывай.

Тех, кто имеет заслуги, кто был добродетелен и искренне следовал Учению, увлечет все многообразие совершенного наслаждения, они испытают все виды совершенного блаженства и счастья. Те же, кто был безразличен и невежествен, не делал ни добра, ни зла, не испытают ни удовольствия, ни боли, только невежество и безразличие явятся им. Что бы ни появилось, о сын благородной семьи, какие бы наслаждения и воделенные предметы ни возникли, не увлекайся ими и не желай их. Даруй их учителю и Трем Драгоценностям. Удали из сердца привязанность и желание. И если возникает чувство безразличия, без наслаждения или боли, пусть тогда покоится твой ум в невозмутимом состоянии Великого Символа, когда отсутствует сама мысль о медитации [8]. Это очень важно.

О сын благородной семьи, в это время тебя на миг укроют мосты, святыни и монастыри, хижины и ступы, но ты не останешься там надолго. Поскольку твой ум отделился от тела, ты не можешь там поселиться, ты ощущаешь раздражение и холод, сознание становится воздушным, спешащим, колеблющимся и непостоянным. Тогда ты подумаешь: «Увы, я мертв! Что делать мне теперь?». При этой мысли твое сердце внезапно станет пустым и холодным, и ты почувствуешь сильную, беспредельную боль. Поскольку ты вынужден двигаться и не можешь нигде поселиться, не занимай себя никакими мыслями, но пусть твой ум покоится в его исходном состоянии.

Приходит время, когда у тебя нет больше пищи, кроме той, что была посвящена тебе, и о твоих друзьях нельзя сказать ничего определенного [9]. Это признаки того, что умственное тело блуждает в бардо возвращения в сансару. В этот момент наслаждение и боль определяются твоей кармой. Ты увидишь свою родину, друзей и близких, увидишь свой собственный труп и подумаешь: «Теперь я мертв, так что же мне делать?». Умственное тело будет испытывать страшную боль, и ты подумаешь: «Почему бы теперь не найти себе тело?». И ты почувствуешь, что ходишь повсюду в поисках тела. Даже если ты до девяти раз войдешь в свой собственный труп — зима заморозит его или лето подвергнет разложению, а может быть, твои родственники его сожгут или похоронят в могиле, или отдадут его птицам и диким зверям, ибо много времени прошло, пока ты был в бардо абсолютной сути, поэтому не найдется места, куда бы ты смог войти; ты придешь в глубокое отчаяние, почувствуешь себя сдавленным скалами и камнями. Это страдание и есть бардо возвращения в сансару; даже если ты ищешь тело, нет ничего, кроме страдания — так отсеки свое устремление к телу и невозмутимо покойся в состоянии недеяния.

Слушай, о сын благородной семьи. Это страдание вызвано твоей собственной кармой, и ты не можешь обвинять кого-то другого. Это твоя собственная карма, поэтому горячо молись теперь Трем Драгоценностям, они защитят тебя. Если ты не молишься, не знаешь о медитации Великого Символа и не медитируешь на своего идама, то твое доброе начало соберет все твои добрые дела и отметит их белыми камешками, а твое дурное начало соберет все твои злые дела и отметит их черными камешками [10]. В это время ты будешь сильно испуган и утрашен, ты

затрепещешь и солжешь, сказав: «Я не грешил». Тогда Владыка Смерти скажет: «Я посмотрю в зеркало кармы». И когда он взглянет в зеркало, в нем внезапно появятся ясно и четко все твои грехи и добродетели, так что не будет пользы от твоей лжи. Тогда Владыка Смерти повлечет тебя за веревку, обвязанную вокруг шеи, отрубит тебе голову, вырвет сердце, вытянет внутренности, вылижет мозги, выпьет кровь, пожрет плоть и разгрызет кости; но ты не можешь умереть, и хотя твое тело разрезано на куски, ты оживешь.

Быть разрезанным снова и снова невероятно больно, поэтому не бойся, когда отсчитывают белые камешки, не лги и не пугайся Владыки Смерти. Поскольку ты теперь обладаешь умственным телом, ты не можешь умереть, даже если убит и разрезан. Понстине, ты — естественная форма пустоты, и нет нужды бояться. И Владыка Смерти — естественная форма пустоты, твое же бессвязное проявление, и ты — пустота, умственное тело неосознанных стремлений. Пустота не может повредить пустоте, бескачественное не повредит бескачественному. Владыки Смерти, боги, злые духи, демон с бычьей головой не обладают никакой иной реальностью, кроме твоих собственных бессвязных проявлений — познай же это. В этот миг познай, что все вокруг тебя есть бардо.

Медитируй на самадхи Великого Символа. Если не знаешь, как медитировать, всмотришься в суть того, что пугает тебя, и ты увидишь пустоту, не обладающую какой-либо природой: это называют Телом Дхармы. Но эта пустота не есть ничто, суть ее пугает, ум приобретает перед ней великую чистоту и способность осознания: это состояние ума Тела Блаженства. Пустота и свет неразделимы, природа пустоты есть свет и природа света есть пустота. Теперь неделная свет-пустота, обнаженный ум пребывает в несотворенном состоянии: это Свабхавикакая [11]. Ее естественная энергия повсюду беспрепятственно проявляется: это сострадающее Призрачное Тело.

О сын благородной семьи, внимай, не отвлекаясь. Как только ты познаешь это, ты достигнешь полного просветления в четырех Телах Будды. Не отвлекайся. Это линия, которая разделяет Будд и непросветленных живых существ. Об этом миге сказано:

Мгновение — они разделены,
мгновение — полное просветление.

До вчерашнего дня твое внимание рассеивалось, и хотя ты так много увидел в состоянии бардо, ты не познал его, и тебе очень страшно. Если ты и сейчас отвлечешься, канат сострадания будет перерезан и ты уйдешь туда, где нет освобождения, поэтому будь внимателен.

О сын благородной семьи, если ты не знаешь, как нужно медитировать, помни о Будде, Дхарме и Сангхе, о Владыке Великого Сострадания, и молись им. Медитируй на все устрашающие проявления как на Владыку Великого Сострадания или на своего идама. Вспомни своего учителя и тайное имя, которое ты получил во время своего посвящения в мире людей; скажи это имя Царю Дхармы, Владыке Смерти [12]. Даже если ты упадешь в пропасть, это тебе не повредит — так отбрось страх и ужас.

О сын благородной семьи, то, что ты испытываешь сейчас, будет подобно катапульте попеременно ввергать тебя в состояния радости и печали, поэтому не вызывай в себе никаких чувств страсти и злобы.

Если тебе предстоит родиться в высшем мире, то тогда, когда ты ощутишь этот мир, твои родственники в покинутом тобою месте будут приносить в жертву животных, посвященных усопшему, поэтому в тебе зародятся нечистые мысли и ты почувствуешь яростный гнев, который заставит тебя родиться обитателем ада. Поэтому что бы ни делалось в покинутом тобою месте, не гневайся, но медитируй на доброту.

Если ты привязан к оставленному имуществу или тебя связывает с ним мысль о том, что кто-то другой владеет твоими вещами и получает от этого удовольствие, ты разгневаешься на людей, которых покинул, и это наверняка заставит тебя родиться обитателем ада или голодным духом, даже если тебе предстояло достичь более высокого состояния. В любом случае, даже если ты привязан к оставленным вещам, ты не можешь их получить; это бесполезно для тебя — так отбрось привязанность и тоску о своем имуществе, откажись от него, прими твердое решение. Кто бы ни пользовался твоими вещами, не будь собственником, но позволь им уйти. Сосредоточенно думай, что ты даруешь их своему учителю

и Трем Драгоценностям, и пребывай в состоянии отсутствия желаний.

Когда для тебя будут читать мантру «Канкани» [13], когда будут исполнять обряд «очищения от низших миров» [14], тогда тонким сверхчувственным восприятием, обусловленным твоей кармой, ты увидишь, что они делают это нечисто, сонно, невнимательно, беззаботно, не соблюдая обет самая; ты осознаешь, что им не хватает веры, что они совершают грех своим страхом и нечистым исполнением ритуалов, и ты подумаешь: «Увы, они обманывают меня, конечно, они обманывают меня!». Эта мысль принесет тебе сильнейшую скорбь и отчаяние, и, ощутив отсутствие чистого благоговения, ты утратишь веру, и это наверняка заставит тебя отправиться в низшие миры. Это бесполезно, очень вредно, поэтому как бы нечисто ни исполняли обряды покинутые тобою друзья, с чистой верой и благоговением думай: «Что же? должно быть, мои проявления нечисты; но могут ли быть нечистыми слова Будды? То, что я вижу, вызвано моими нечистыми проявлениями — так же, как отражался в зеркале недостаток моего лица. Что же касается этих людей, их тело — это Сангха, их речь — святая Дхарма, а их ум — природа Будды, поэтому я обрету в них прибежище». Тогда тебе поможет все, что совершается в покинутом тобою месте, поэтому очень важно сохранить такие чистые мысли; не забывай.

Если тебе предстоит родиться в одном из трех низших миров, и в то время, когда ты ощутишь эти миры, твои близкие в покинутом тобою месте совершают благочестивые обряды, свободные от греха, а учителя и наставники следуют святому учению в полной чистоте тела, речи и ума, ты ощутишь сильнейшую радость, увидев их, и это тотчас приведет тебя к рождению в более высоком мире, даже если тебе предстояло низойти в три низших мира — потому это так полезно. Поэтому очень важно не иметь нечистых мыслей, но испытать чистое благоговение, без предубеждения — будь же внимателен.

О сын благородной семьи, итак, теперь твой ум в состоянии бардо не имеет опоры, поэтому он легок и подвижен, и какая бы мысль в нем ни возникла, добрая или злая, она очень могущественна; не думай же о злых делах, но помни о благочестивых деяниях. Если ты к ним не привык, вызови в себе благоговение и чистые мысли. Молись своему идаму и Владыке Великого Сострадания и сосредоточенно твори эту молитву вдохновения:

Когда я бреду один, разлученный с

возлюбленными друзьями,
и возникают пустые облики моих же проявлений,
да пошлют Будды силу своего сострадания,
чтобы ужасы бардо не пришли
Когда я страдаю под властью тяжелой кармы,
пусть рассеет мой идам всякое страдание;
когда звук абсолютной сути грохочет,

будто тысяча громов,
пусть станет он звуком Шести Слов.

Когда я следую своей карме и нет прибежища,
да будет моим прибежищем Владыка Великого
Сострадания;

когда я страдаю от кармы неосознанных

стремлений,
пусть возникнет самадхи блаженства и света.

Горячо твори эту молитву; это непременно приведет тебя на путь. Будь абсолютно уверен, что тебя не обманывают, это очень важно.

О сын благородной семьи, если ты не понял того, что являлось тебе, то с этого времени тело, которым ты обладал в прошлой жизни, будет становиться все более тусклым, и все более ясным будет становиться твое будущее тело, поэтому ты почувствуешь печаль и подумаешь: «Я страдаю от этого — теперь я буду искать появления хоть какого-нибудь тела». И ты начнешь блуждать взад и вперед, устремляясь ко всему, что появляется. Воссияют шесть светов шести миров сансарического бытия, и наиболее ярко засияет свет того мира, в котором тебе предстоит родиться в соответствии с твоей кармой.

Слушай, о сын благородной семьи. Если ты спросишь, каковы эти шесть светов: воссияет мягкий белый свет мира богов, а также красный свет мира ревнивых богов, синий свет мира людей, зеленый свет мира животных, желтый свет мира голодных духов и дымный свет адского мира — таковы шесть светов. В этот миг и твое тело примет цвет того мира, где предстоит тебе родиться.

О сын благородной семьи, в это время очень важна главная мысль наставления: какой бы свет ни воссиял, медитируй на него как на Владыку Великого Сострадания. Медитируй на мысль о том, что когда появляется свет — это Владыка Великого Сострадания. Это глубочайшая суть, это чрезвычайно важно и предохраняет от рождения.

Медитируй долгое время на своего божественного идама как на видение, не обладающее собственной реальной природой, как на мираж. Это называют чистым иллюзорным телом. Затем пусть

идам исчезнет с краев вовнутрь, а ты пребудь какое-то время в непостижимом состоянии светоносной пустоты, которую невозможно воспринять как нечто конкретное. Снова медитируй на идама, затем опять на светоносность. Медитируй так попеременно, а затем пусть твой ум тоже исчезнет с краев вовнутрь. Везде, где есть пространство [15], есть сознание, и где есть сознание — там есть Тело Дхармы; покойся же в простом и самоотверженном состоянии Тела Дхармы [16].

Окончание следует.

Комментарии

1. О бардо возвращения в сансару лама рассказывает людям, которые вели грешную жизнь и не достигли освобождения на уровнях Тела Дхармы и Тела Блаженства. Чтение начинается с пятнадцатого дня (согласно счету дней, описанному в предыдущих частях книги).

2. Тиб. *rdzus-skyes* переводится как «рожденный чудесным образом», то есть формирование нового тела в бардо и вовлечение этого тела в миры сансары происходит не по человеческому произволу (а ведь именно игрой произвола обычно объясняют рождение людей современных европейцев).

3. Возможны и другие варианты, например, «три с половиной дня».

4. В древнеегипетской заупокойной службе был сходный ритуал «отверзания» органов чувств усопшего.

5. «Алмазным (точнее, «ваджровым») сиделищем» называют место в Бодхгае, где сидел Будда Гаутама, когда достиг просветления. Это место считается величайшим духовным центром, из которого (так же, как из лона матери, где предстоит родиться усопшему) исходит столь могучее сияние, что оно отпугивает обычного человека, подобно тому, как его уже отпугнул свет высших царств (см. первую часть «Книги мертвых»).

6. Тиб. *rdzu-hphrul* — «проявление сверхъестественных психических сил» (чудесные превращения, произвольное пере-

мещение в пространстве и т. п.). Умерший обладает этими способностями не благодаря своим прижизненным заслугам, но по причине пребывания в состоянии бардо (хотя считается, что развить эти качества можно и в жизни благодаря особой практике).

7. Имеется в виду, что чудесные способности может реализовать только тот, кто не использует их во зло, ибо достиг высокой степени совершенства.

8. Тиб. *bsgom-med-yengs-med* — букв. «не отвлекайся, не медитируя». Напряженная мысль о медитации нарушает состояние самадхи, в которое входит усопший.

9. Подобно феям и духам в верованиях других народов, в тибетской традиции усопший питается некими «эссенциями», которые он извлекает из приношений ему. Что касается друзей, то в бардо они могут существовать, как и на земле, но они не в силах улучшить карму, которую заслужил в жизни их друг.

10. С этого абзаца начинается описание посмертного суда над душой. Оно в той или иной степени знакомо читателю и нередко создает впечатление, что все «книжки загробного мира» (в том числе и египетские: вспомним «суд Озириса») посвящены «взвешиванию души», хотя в действительности это лишь эпизод. «Доброе начало» в тибетской традиции. *lhan-cig-skyes-pahi-lha* («божество, рожденное вместе» с человеком, подобно близнецу),

представляет собой персонификацию высших качеств человека. В Сиккиме его называют просто и кратко: *lha-dkar-chung*, «маленький белый бог». «Дурное начало», *lhan-cig-skyes-pahi-hdre* («демон, рожденный вместе» с человеком) — персонификация низших человеческих качеств. Сиккимское название — *bdud-nag-chung*, «маленький черный демон».

11 Другое название: «Адикая» — «Первое Тело» Будды.

12. Смысл произнесения «тайного имени» — соединение в человеке земного и божественного начал.

13. Считается, что эта мантра преобразует пищу, пожертвованную умершему, так что он может ею пользоваться.

14. Обряд для предотвращения рождения в низших мирах.

15. Тиб. *nam-mkha*. Перевод этого понятия словами «акаша», «эфир» (как пятый элемент буддийской космогонии) или «небо» зачастую вызывает ассоциации, связанные скорее с европейской культурой. Но и употребляя слово «пространство», следует помнить, что это не пространство рационалистической математики, а скорее небеса как «обитель богов».

16. Если в этом состоянии покойный не достигает освобождения, он устремляется к вратам материнского лона. Последующие указания имеют целью закрыть эти врата.

Перевод и комментарии
Е. ЛАЗАРЕВА

ПРИЗЫВАНИЕ БУДД И БОДХИСАТТВ

Вниманию читателей предлагается одна из тибетских «молитв вдохновения». Собственно говоря, слово *stong-lam* означает не столько «молитву» божествам, сколько «путь благопожелания» — вдохновенное очищение души желанием добра. Предлагаемая молитва также входит в состав одной из «сокровенных книг» тибетской традиции.

О Будды и бодхисаттвы, обитающие в десяти странах света, — сострадательные, всеведущие, одаренные пятью родами зрения, любящие покровителей всех живых существ — низойдите сюда, дабы принять дары: материальные и те, что принесены в душе.

О Сострадательные, вы обладаете мудростью понимания, состраданием, полным любви, силой высоких деяний и властью покровительства — за пределами мыслимого. О Сострадательные, человек отходит из этого мира к другому берегу, он покидает этот мир, он умирает, и нет у него выбора. У него нет друзей, он тяжело страдает, лишенный прибежища, у него нет защитника, нет сподвижников, свет этой жизни погас для него, он идет в мир иной, вступает в плотную тьму, падает в глубокую пропасть, входит в густой лес. Его преследует власть кармы, он вступает в великую пустыню, великий

океан смывает его, его уносит ветер кармы, он уходит туда, где нет твердой земли. Его захватывает великая битва, великий злой дух преследует его, устрашают посланники Владыки Смерти. Благодаря своей карме он вступает в жизнь после жизни, он беспомощен. Пробил час, когда он вынужден идти один, без друга.

О Сострадательные, будьте пристанищем ему, не имеющему пристанища, укройте его, защитите его, удержите его от великой темноты бардо, уведите его от великого урагана кармы, защитите его от великого страха перед Владыкой Смерти, избавьте его от долгого и опасного пути бардо. О Сострадательные, да не умалится ваше сострадание. Спасите его, не дайте ему низойти

в три низших мира, не забывайте ваши прежние обеты, но пошлите, не медля, силу своего сострадания.

О Будды и бодхисаттвы, да не умалится могущество вашего сострадания к нему. Охватите его милостью своей, не дайте живому существу попасть во власть злой кармы.

Да будут Три Драгоценности* убежищем от страдания в бардо.

* Три Драгоценности — Будда, Дхарма (учение Будды), Сангха (община буддистов).

Перевел Е. ЛАЗАРЕВ

„ОСЕВОЕ“

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

И. ВЕЙНБЕРГ,
доктор исторических наук

«Свое» и «чужое»

В VI—IV веках до н. э. духовную жизнь Передней Азии определяли прежде всего четыре новых фактора. Вхождение в состав мировой державы государств Ахеменидов. Существование самоуправляющихся гражданско-храмовых общин. Оживленная миграция населения, а стало быть, интенсивнейшие этно-культурные контакты. И, наконец, изменение состава «интеллигенции».

Особого внимания для нашей темы заслуживает последнее обстоятельство. В предшествовавшие века в создании книг Ветхого завета особенно велика была роль писцов, жрецов и пророков, непосредственно связанных, — особенно первых двух групп, — с царско-храмовой администрацией. В VI—IV веках до н. э. пророчество шло на убыль, а значительная часть жрецов и писцов вошла в состав автономных гражданско-храмовых общин. Многие же писцы даже не были связаны с общинным управлением, занимались своей профессией самостоятельно — в качестве переписчиков и учителей. А среди жречества, особенно в Палестине, росло число тех, кто был связан не с Иерусалимским храмом, а с местными домами собраний и богослужений — синагогами. Такие писцы и жрецы были более «открыты» внешнему миру, для них, находившихся вне замкнутых корпораций, острее становилось осознание индивидуальности человека и его личной ответственности.

Важно для духовной жизни того времени было и превращение арамейского языка в *lingua franca* всего Ближнего Востока. Арамейский язык был не только официальным языком мировой державы Ахеменидов, но также и разговорным, который успешно соперничал с местными языками, а иногда, как в Вавилонии, Сирии, в значительной части Палестины и других странах, постепенно вытеснял их. Этому противились, например, в Иерусалимской общине, где подчеркнута заботились о чистоте древнееврейского языка, или в Вавилонии, где в гражданско-храмовых общинах продолжали читать и переписывать клинописные произведения на аккадском языке.

Все это вело к «открытости», общедоступности и демократичности в духовном творчестве, но, наряду с этим,

«закрытость», обращение к узкой аудитории, элитарность в духовной жизни не исчезали, а временами даже усиливались. Причудливым образом переплетались стремление ко всеобщности, обращение не только к «своей» общности, к «нам», но также к «чужим», к «ним», — и тяга к общности, обращенность в основном к «нам», безразличие или даже враждебность к «ним».

Эти и другие явления духовной жизни в религии повлекли за собой сужение сферы священного или, по крайней мере, более четкое размежевание между сакральным и профанным, привели к разработке своеобразной религиозной «философии» с развитым рядом категорий. Одно из проявлений этих тенденций — «Бог небесный», упомянутый в официальных эдиктах персидских властей. Если для составителей эдиктов в царских канцеляриях Персеполиса и Суз это скорее всего иранский бог света и добра Ахурамазда, то в восприятии членов Иерусалимской гражданско-храмовой общины — несомненно, их Иахве. Поэтому в «Книге Ездры» после упоминания «Бога небесного» начинается древнееврейский текст: «Благословен Иахве, Бог отцов наших», — подчеркивающий связанность «своего» бога со «своей» общиной.

Отбор «священных» книг

Словесное творчество того времени в Палестине, равно как и в иных районах обитания иудеев — в Египте, Вавилонии и других странах, — осуществлялось на двух качественно различных, но тесно взаимосвязанных уровнях: создание новых произведений и оформление канона Ветхого завета.

Творческий потенциал жречества интенсивнее проявлялся в составлении канона. Зато писцы создали такие новые шедевры «литературы мудрости», как Книга Премудрости Акихара и Книга Иова, Книга Товита и Книга Притчей Соломоновых, Книга Екклесиаста и Книга Премудрости Соломона и многие другие (если судить только по дошедшим до нас). Главным героем этих книг, а местами — единственным героем — стал человек. Решалась задача учить человека сложному умению праведно жить. Подобные представления пронизывали книги «Ездры» и «Неемии», которые рассказывали о создании ценою нелегких усилий слепоглухой

Иерусалимской общины, а в «Книгах Паралипоменон» во многом по-новому излагалась и оценивалась история царства Давидов. Причем события прошлого целенаправленно демифологизировались, обмирщались. В этих произведениях, равно как и в исторически-дидактических рассказах — Книгах «Руфь», «Эсфирь», «Юдифь», значимость человеческих деяний, однако, не отрицала роли бога, но он воспринимался все более отвлеченным, трансцендентным, как установитель двух путей — «пути Иахве» и «пути сердца своего», выбор между которыми надлежит сделать человеку.

Ориентированность на жизнь по-суетную, несомненное превосходство интеллекта над чувствами — эти и другие особенности «литературы мудрости» отнюдь не удовлетворяли всех. В Иерусалимской гражданско-храмовой общине и за ее пределами, в Вавилонии и других краях родилась литература принципиально иного рода. Из пророческих речений вырастали произведения о конечных судьбах мира, «откровения». Это сложившиеся в III-I веках до н. э. некоторые главы Книги Пророка Даниила и Книга Еноха, Книга Юбилеев, Завещание 12 патриархов и другие, оказавшие огромное воздействие на всю человеческую мысль, на мировую литературу. Такое воздействие эсхатологической, апокалиптической литературы определялось ее неистовой верой во всемогущество и вездесущность всезнающего и всеопределяющего, карающего и спасающего бога. Нередко он наделялся выразительной телесностью. Если это был не сам бог, то сонмы его помощников — крылатых ангелов. Эти книги пронизывала уверенность в охватывающее всю вселенную и всех людей противостояние и противоборство сил добра и зла; надежда на окончательное торжество на «Судном дне» ведомых Богом сил добра и спасение слабого, ничтожного, раздираемого между добром и злом человека — конечно, только при условии полного упования его на Бога и полного послушания ему. Если к сказанному добавить яркую эмоциональность, красочную образность, обращенность к чувствам читателей многих этих произведений, то не приходится удивляться их популярности, особенно в условиях социально-политической неустойчивости и кататизмов, а в силу этого — потерянности человека, наступившей на Ближнем Востоке после VI-IV вв. до н. э., в эпоху эллинизма и, отчасти, римского владычества.

В VI-IV веках до н. э. определение книг, признаваемых «священными», и их противопоставление сочинениям, которые не признавались таковыми, было гораздо более актуальной, непреложной необходимостью, чем в

предшествующую эпоху. Тогда общность жизни на одной земле, авторитет храма и жречества, власть царей и огромное влияние пророков содействовали относительной однородности в словесном творчестве иудеев; теперь же разъединенное существование в различных странах, отсутствие авторитетных централизирующих сил, определенная автономность новой «интеллигенции» открывали широкие просторы для разнообразия в религиозном мышлении и духовной литературе. Этому противопоставлялись «ограждения» не только вокруг членов гражданско-храмовой общины, но также вокруг того, что они, как и все другие, верные Йахве, могли и должны были слушать и читать. Так стало весьма актуальным оформление канона Ветхого завета.

Решающей вехой в этом сложном процессе было объединение в VI-V веках до н. э., возможно, при непосредственном участии Эзры, древних и созданных сравнительно недавно сводов законов и различных повествовательных произведений — Книги Завета, двух вариантов Десяти заповедей, Кодекса святости, Второзакония, Жреческого кодекса, йахвистского и элохистского сочинений — в так называемый Закон (Тора), или Пятикнижие (Книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие»). Пятикнижие, содержащее основные своды религиозных и социальных законов и предписаний, обретенных повествованием о сотворении мира и человека, о рае и всемирном потопе, о патриархах и пребывании их потомков в Египте, исходе происшедших от них «колен» под предводительством Моше (Моисея) и их скитании в Синайской пустыне, было признано «священным» и нормативным сводом для всех верующих в Йахве, стало ядром Ветхого завета.

Позднее, около 200 года до н. э., завершилось составление второй части Ветхого завета — «Пророков», состоявшей из двух подразделов, «Первых пророков» и «Поздних пророков». («Первые пророки» включают уже ранее упомянутый обширный цикл исторических сочинений: Книги

Иисуса Навина, Судей Израилевых и I-IV Книги Царств.)

Наибольшие трудности и споры вызвало составление третьей части Ветхого завета — «Писаний», оформленной только в I веке до н. э. и включающей крайне разновременные и разножанровые сочинения. Это Псалтирь, состоящая из 150 культовых и царских гимнов, индивидуальных и коллективных жалобных и благодарственных песен; Книга Плач Иеремии из пяти псалмов о гибели государства и храма в 586 году до н. э.; сочинения «литературы мудрости», такие, как Книга Притчей Соломоновых, Книга Иова — величественная поэма о страданиях невинного, об испытании праведности праведного, и Книга Екклесиаста — размышления о быстротечности человеческой жизни, о благодати размеренной, радостной трудовой жизни; историко-дидактические рассказы «Руфь» и «Есфирь» и исторические сочинения Книга Ездры, Книга Неемии и «Книги Паралипоменон». Но самые «нестандартные» из вошедших в «Писание» произведений — это, восходивший, видимо, к старинным свадебным песням шедевр любовной лирики Книга Песни Песней Соломона и пронизанная, особенно в последних главах, сильною эсхатологической, апокалиптической направленностью Книга Пророка Даниила.

Создание канона влечет за собой иерархическую организацию произведений. Центром, обладающим высшей авторитетностью, является канон, а все остальные сочинения образуют как бы концентрические круги, авторитетность которых уменьшается по мере удаления от центра. Эти сочинения — апокрифы («скрытые» или «укрытые» книги) и псевдоэпиграфы («ложно надписанные») — книги Иудифи и Товита, три Книги Макавейские и Книга Юбилеев, Книга Еноха и Завещание 12 патриархов и многие другие — образовали как бы периферию древнееврейской литературы. И именно потому оказались особенно притягательными для разных оппозиционных, неортодоксальных течений. Например, для кумранитов, с неизбежно-

стью появившихся, когда йахвизм приобрел догматическую оформленность и законченность.

Тема: история

В Ветхом завете явно доминирует одна тема, и эта тема — история. В нем развернуто грандиозное полотно — от сотворения мира и человека до времен персидского господства. В центре этого полотна — история «своего» народа, но рассмотренная в общемировом обрамлении, причем историческое повествование здесь — не простое упорядочение событий, а попытка осмысления прошлого как чередования последовательных эпох или кругов, содержание которых обусловлено соответствующим «заветом» — «договором» между Йахве и общностями людей, причем действенность каждого «завета» зависит не только от воли бога, но в значительной мере и от деяний человека.

Такое внимание к истории и такое понимание роли божества и человека перекликаются с обращением к истории греческих мыслителей VII-V веков до н. э. (логографов, Геродота и других), с их пониманием исторического процесса. На всех уровнях и во всех проявлениях жизни Передней Азии в VI-IV веках до н. э. обнаруживается движение «навстречу» миру греческой античности. На экономическом уровне это проявлялось в развитии товарно-денежного хозяйства, в усилении частного сектора экономики, в интенсивной урбанизации; на уровне социальном — в заметном усложнении структуры ближневосточного общества и в возросшей в нем доли индивидуально-семейного свободного и полусвободного труда; на уровне политическом — в возросшей значимости в системе мировой державы автономных, самоуправляющихся общин; на уровне идеологическом — в крепнущем антропоцентризме и критическом освоении традиций прошлого, во все более четком различении мира сакрального и мира профанного и во многом другом.

О к о н ч а н и е с л е д у е т .

ГРОЗНЫЕ БУКВЫ

Это было 12 октября 539 года до н. э., в день перед падением Вавилона. У его стен стояли войска персидского царя Кира. Персы сумели отвести воды реки Евфрат и готовились вступить в город Вавилоняне танцевали и веселились в ту

ночь по случаю праздника. Быть может, это был праздник, посвященный смерти и воскресению бога Думузи (Таммуза). В городском дворце пировал с вельможами царевич Бэл-шаррукур (Валтасар)...

О падении Вавилона по-

ведал миру «отец истории» Геродот. Он слышал об этом событии от внуков и правнуков тех, кто видел вступление персов в священный город Месопотамии. Библейское же предание рисует происходившее на пиру Валтасара.

... За шестьдесят пять лет до того иудейский отрок Даниил был по приказу Навуходоносора II отдан в обучение «книгам и языку Халдейскому» (Дан.1:4).

Теперь он стал главой мудрецов. Не раз удивляли придворных «тайноведцев» его мудрые советы царям, тонкое истолкование их снов. И вот пришел час, когда ему суждено было произнести последнее пророчество Вавилону.

«Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из

Гравюра по рисунку Г. Доре.

них. И пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных» (Дан. 5: 2-4). Да, статуй богов во дворце было тогда больше, чем обычно: их свезли со всей страны, опасаясь персидского завоевания.

«В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели» (Дан. 5: 5-6). Валтасар

позвал придворных гадалей, обещая им царские почести за объяснение таинственных писем, но никто не мог их понять. Тогда вошла в чертог царица-мать — мудрая египтянка Нитокрис — и так сказала сыну: «Есть в царстве твоём муж, в котором дух святого Бога; во дни отца твоего найдены были в нём свет, разум и мудрость, подобная мудрости богов... пусть призовут Даниила и он объяснит значение» (Дан. 5: 11-12).

Слуги ввели Даниила, и он напомнил Валтасару о беззакониях, которые творил в ожесточении сердца его отец Навуходоносор; на-

помнил о бедах, преследовавших царя, пока он не познал, «что над царством человеческим владычествует Всевышний Бог и поставляет над ним, кого хочет И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это, но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твоё и у Которого все пути твои, ты не

прославил. За это и послана от Него кисть руки, и начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твоё и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5: 21-28).

Буквальный перевод этих арамейских слов краток, невнятен и невнятностью своей страшен, как все древние пророчества: «Исчислен, исчислен, взвешен и разделен».

По повелению царевича облекли пророка в багряницу и золотое ожерелье, провозгласили его третьим властелином в Вавилоне — после царя Набонида и его приемного сына, царевича Валтасара. Персы же ночью перешли Евфрат, без боя взяли Вавилон, и от их рук погиб Валтасар, который осквернил священные сосуды Иерусалимского храма и не захотел (или не успел) раскаяться.

«Пир Валтасара» стал одним из сквозных сюжетов европейской литературы и искусства. Приведем только один, очень известный пример — куплет из революционной песни:

А деспот пирует в
роскошном дворце,
Тревогу вином залывая,
Но грозные буквы давно
на стене
Чертит уж рука роковая...

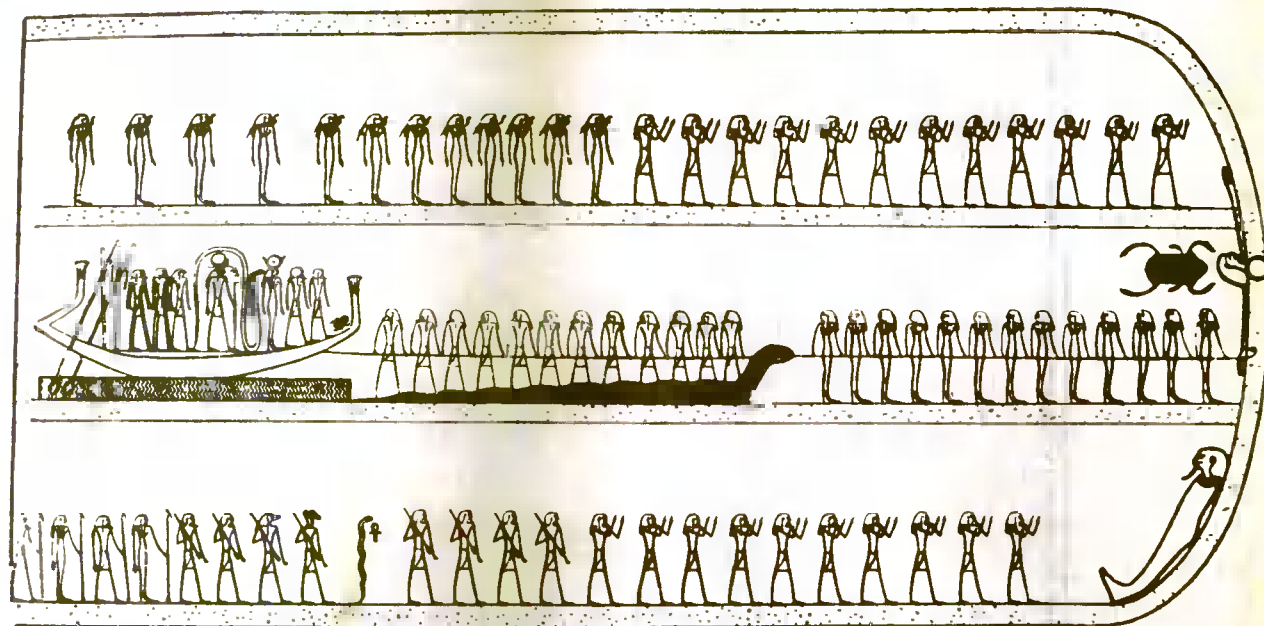
Сейчас многие забыли, какого «деспота» имели в виду те, кто пел эту песню. Можно, конечно, поставить на его место какую-нибудь современную фигуру и злорадствовать злободневности своих мыслей. Но, наверное, библейский образ правильнее будет осмыслить через традицию Библии. И тогда «грозные буквы» возвестят не победу человека над человеком, а утверждение добра и только добра, поскольку речь идет о восстановлении божественного совершенства мира, зло же абсолютно не присуще Богу. А «деспот» — быть может, он порой пирует в нас самих?

Е. ЛАЗАРЕВ.

ЕГИПЕТСКАЯ «КНИГА МЕРТВЫХ»

МИФОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Двенадцатый час ночи
и восход Солнца

«Пребывание Величия этого Великого Бога в этой пещере: «Конец-Первичной-Тьмы». В этой пещере родится этот Великий Бог в облике Хепри. Нун и Ненет, Хух и Хухет возникают в этой пещере при рождении этого Великого Бога, ибо он выходит из Дат, садится в барку дня и выходит из лона Нут. Имя врат этого царства: «Те-Что-Возносят-Богов». Имя этого царства: «С-Поднимающей-Тьмой-И-Озаряющим-Рождением». Таинственная пещера Дат, в которой родится этот Великий Бог, чтобы возникнуть из Нуна и поместиться на теле Нут. Эти сцены исполнены по тому образцу, который начертан в восточной части Сокрытого Помещения Дат. Это полезно тому, кто это знает, на земле, на небе и в земле».

Подшло к концу странствие Солнца через подземный мир Дат. Под радостные восклицания его обитателей солнечная барка вместе со всем экипажем достигла вторых, восточных Врат Первичной Тьмы, где Великий Бог, покинув связанную со смертью форму мумии Озириса, появился на небе («на теле Нут» — богини неба) в облике Хепри — молодого Солнца, символом которого является скарабей. В древнеегипетской иконографии восхода Солнца бог воздуха Шу (который в этом контексте связан с Нуном — первичным океаном) возносит своими руками солнечную барку или скарабея на фоне солнечного диска. В нашем варианте «Книги Амдуат» эта сцена несколько

упрощена. Мумия, «прислоненная» к границе мира Дат — это Озирис, одно из проявлений Великого Бога. Он будет властвовать в загробном царстве до следующей ночи, когда ему предстоит вновь соединиться с другими проявлениями Великого Бога, которые низойдут в Дат.

В среднем регистре выделяется изображение Великого Змея. Он не тянет барку за канат, как может показаться с первого взгляда. Здесь зашифрована гораздо более глубокая идея. Барка Великого Бога «входит в его (змея) хвост и выходит из его пасти, когда оно (Солнце) рождается в облике Хепри». Опять, как и в других царствах мира Дат, мы встречаемся с символом времени. Имя Великого Змея: «Душа-Того-Кто-Позволяет-Жить-Богам» (или короче — «Жизнь-Богов»). Сам канат, за который тянут солнечную барку, тоже символизирует время, бесконечный бег часов, которые выходят из пасти змея обновленными, чтобы опять войти «в его хвост». Это и вечное движение Солнца: ведь именно солнечный цикл был положен в основу отсчета времени в Древнем Египте.

В час нового восхода Солнца, у черты мира Дат Великого Бога еще раз атакует возродившийся Апопис. Обращает на себя внимание, что демон зла проявляет активность именно тогда, когда собирает силы добро. В седьмом часу ночи змей напал на обновленное Солнце, чья душа соединилась с телесной оболочкой, и благодаря этому стало возможным соединение душ усопших с их телами, то есть их воскресение из

мертвых. Теперь, в двенадцатом часу, Апопис пытается не допустить нового рождения Солнца, угрожая всем живущим людям вечной темнотой. Этому препятствуют богини, несущие на плечах змей, которые извергают пламя (в верхнем регистре). Апопис еще раз побежден, изрублен и сожжен, что не мешает ему на следующую ночь вновь атаковать Солнце. Тема борьбы с врагами Солнца в час рассвета разрабатывалась прежде всего в теологии города Гермополя. Видимо, не случайно в описании двенадцатого часа ночи по «Книге Амдуат» появляются четверо из восьми первичных божеств гермопольской традиции: Нун и Ненет, Хух и Хухет. Они помогают рождению Солнца, которое ассоциируется, согласно логике космогонического мифа, с новым сотворением мира.

А завершает «Книгу Амдуат» следующий текст:

«Начало света, конец первичной тьмы. Путь Ра на Западе, таинственные цели, которые осуществляет в пути этот Бог. Избранные наставления, таинственное послание из Дат, которое не узнает никто из людей за исключением избранных. Это изображение было исполнено так, как в Таинственном Помещении Дат — невидимом, неуловимом. Кто знает эти таинственные изображения, тот является хорошо обеспеченным светлым духом. Всегда выходит он и входит в Дат, всегда (выходит) к живым. Воистину так было подтверждено миллионы раз!».

Для «Науки и религии» изложил
Е. ЛАЗАРЕВ.

Уважаемые товарищи! В последнее время куда ни сунешься, везде советы астрологов. Раньше их обзывали обманщиками, а теперь они кто? Если астрология — это обман, то так и скажите, а если наука, то пусть наших экономистов гонят в шею и набирают в Верховный Совет астрологов. Почему ваш журнал молчит об астрологии?

А. БИТМАН,
Саратов

«Реабилитация» древних знаний

В. КАЗНАЧЕЕВ,
академик АМН СССР

Современный этап развития научного знания настоятельно требует расширения горизонтов научной мысли, ее обращения к процессам и явлениям, ранее трактовавшимся как «аномальные» и «малозначимые».

Необходимо преодолеть авторитаризм, догматизм, жреческое всезнание. Без этого, в частности, невозможен анализ таких нетрадиционных явлений, как электромагнитная, энергоинформационная основа жизнедеятельности человеческого организма, ее связь с космопланетарными и космическими процессами, эволюционно — экологические, необычные резервы организма.

В этом аспекте астрология может квалифицироваться как свод эмпирических знаний, обусловленных тысячелетним антропологическим опытом древних народов и этносов. Еще древние индоевропейцы придавали огромное значение универсальному космическому закону, обозначаемому как *р т а* (или *р и т а*). Этот закон вершит судьбы людей, в следовании ему и состоит высшая этическая доблесть человека. Это представление не было абстрактным, умо-зрительным, а опиралось на бесчисленные фактические данные. Из него и подобных ему представлений вырастает астрология как знание о влиянии космических процессов и тел на

жизнедеятельность человека, степень удачливости в делах (позднейшее «благословение божие»), на генетику и фенетику человека, его психологию и характер. Существовали также многочисленные предписания по «максимизации» жизненного благополучия, носившие детальный диагностический характер.

До недавнего времени это отвергалось с порога или, по крайней мере, признавалось с трудом. Вспомним судьбу клиники тибетской медицины, созданную П. Бадмаевым. Ликвидированная в годы сталинизма, эта клиника ныне возрождается: открывается Научный центр тибетской медицины в Москве под руководством внука замечательного медика и врача-терапевта.

Вслед за традиционной медициной начинается реабилитация многих других явлений традиционных тысячелетних культур, опиравшихся на обобщение громадного свода эмпирических данных о космопланетарных процессах, об их взаимодействии с организмом человека. Возрождаются методики традиционного прогнозирования (использующие, например, знания, почерпнутые из древнекитайского трактата «Ицзин»).

Хочу подчеркнуть, что использование этих тем требует своеобразной одаренности в плане интеллектуального прогноза, владения клинической диагностикой.

Звезды не лгут. Люди ошибаются

Б. ПРУЖИНИН

Термин «астрология» обычно употребляется в двух взаимосвязанных, но тем не менее различных смысловых контекстах — теоретическом и практическом. Оба контекста объединяет уверенность в том, что существуют достаточно определенные зависимости между «земными» событиями, то есть событиями, происходящими в нашем земном мире, и событиями «небесными» — происходящими с небесными телами в «мире звезд». Теоретическая астрология пытается конкретизировать этот тезис с помощью теорий, уточняющих наши представления о характере и интенсивности указанных зависимостей.

Эмпирическим базисом такого рода теоретической работы является практика астрологических прогнозов — попытки предсказать по движению и взаиморасположению небесных тел конкретные земные события, судьбы, исходы человеческих начинаний и пр. В ходе этой практики, подчиняясь ее нуждам, задачам, потребностям, формируется концептуальный аппарат астрологии. Но в то время как астрологические концепции претендуют на статус знания, и притом, знания научного, астрологическая практика, лежащая в основании этих концепций, — прежде всего искусство или, во всяком случае, деятельность, имеющая весьма отдаленное отношение к научному предсказанию. Это обстоятельство налагает неизгладимый отпечаток на все теоретические построения астрологов и вызывает неизменно негативную реакцию со стороны уважаемой науки.

Конечно, астрологические предсказания весьма существенно отличаются от традиционных форм гадания «по звездам»; в основании их лежит

не астралатрия — поклонение звездам, а теоретические, иногда высоко математизированные конструкции, обладающие всеми внешними признаками рационального знания. Однако тот способ, каким эти конструкции используются в практике астрологических предсказаний, и то, каким образом эта практика обосновывает астрологическую теорию, вызывают сомнения как раз в рациональности астрологии.

У представителей уважаемой науки, заботящихся более или менее сознательно о соблюдении методологических критериев, астрология может вызвать только раздражение. Правда, с точки зрения тех же строгих критериев реальность уважаемой науки также оказывалась «псевдонаучной», ибо реальная наука не достигала до рафинированных стандартов научности. Но до поры до времени констатация этого обстоятельства лишь стимулировала попытки реконструировать науку, очистить ее от всего псевдонаучного, а также, с другой стороны, заставляла методологов совершенствовать концептуальный аппарат методологии науки (то есть совершенствовать формулировки критериев научности).

В фундаментальных науках полученное знание является достоянием самого исследователя, в прикладных науках — собственностью общественных институтов. В фундаментальном исследовании, выступая от имени науки вообще, знание продолжает рассматриваться как верное отображение действительности. В прикладной науке адекватность знания выражает, прежде всего, его соответствие конкретным условиям данной практической задачи.

Писем об астрологии журнал получает огромное количество. Но упрекнуть нас в невнимании к этому предмету нельзя. Если говорить о публикациях последних лет, то мимо внимания постоянных читателей не прошли статьи Э. Берзина «Нострадамус» (1988, № 10—12), Ю. Бондаренко «Астрология — за и против» (1989, № 2, 3). Не говоря уже о первой публикации глав из книги всемирно известного астролога американки Линды Гудман (1989, № 8—12; 1990, № 1—7). Не обошли мы вниманием и отечественных астрологов. Большой интерес у многих вызвали материалы «Гороскоп Сталина» П. и Т. Глобы (1989, № 11—12, 1990 № 1) и «Март-90» А. Зараева (1990, № 3) и другие. Так что журнал не «молчит об астрологии», в чем нас упрекает читатель. Что же касается точки зрения ученых, то и они, естественно, не совпадают друг с другом. В этом, вероятно, залог развития науки.

На всем протяжении истории астрологии мы наблюдаем постоянную борьбу и постоянные попытки примирить две идейно-теоретические установки, в общем виде характерные для любого прикладного исследования, — установку на отображение реальности как она есть и установку на инструментальность. Причем в астрологии эти попытки приобретают драматический характер, ибо в рамках чисто инструменталистской установки сама рациональная форма организации астрологических представлений становится лишь средством воздействия на клиента.

В содержательном плане это противостояние познавательного и прикладного отливается в чрезвычайно острую форму противоречия между теорией инициатив и теорией генитур. Теория генитур опирается на предопределенность судьбы во всех ее пунктах и моментах, а теория инициатив странным образом допускает возможность какого-то влияния на судьбу благодаря астрологическим предсказаниям.

Астрология же в принципе всегда ориентировалась на клиента. И потому она всегда находила «щель» в жестком детерминизме теории генитур, чтобы сквозь нее пробивалась иная глупая традиция, традиция, заметим, куда более древняя, чем рационалистические установки античных греков, попытавшихся превратить гадание в науку.

Вся история астрологии от III века до нашей эры и практически до наших дней — это история балансирования на двух разнонаправленных тенденциях, одна из которых приближает астрологию к прикладному исследованию и даже к науке, другая же ведет к идеологизации, социально-психологическому тренингу. И линия борьбы этих тенденций всегда проходила по самым глубинным основаниям астрологии, фактически разры-

вая ее как единое идейное образование.

Так, балансируя на двух противоположных тенденциях, эта «прикладная наука» иногда более, иногда менее успешно просуществовала до нашего времени. Но сегодня с ней происходит нечто необычное. В век прикладного знания, стрессов и идеологических кризисов противоречивые тенденции, кажется, разорвали астрологию на два самостоятельных духовных образования.

С одной стороны, стала складываться так называемая «гуманистическая астрология», которая, по контрасту с традиционной астрологией, претендовавшей на статус науки, полагает себя «философией жизни». Эта астрология отказывается от претензий на рациональность своих обобщений, на точность и конкретность предсказаний, на эмпирический смысл своих суждений и в конце концов прямо берет на себя социально-психологическую (а по содержанию идеологическую) задачу — помочь человеку через его связь со звездами ощутить себя, свою значимость в этом безумном и недобром мире. Ведь люди зачастую ошибаются и даже обманывают друг друга, оценивая свое и чужое значение. А звезды не лгут.

С другой стороны, с выходом человека в космос, с успехами биологии и астрофизики стал складываться комплекс действительно научных дисциплин, где по-новому предстает древняя идея о влиянии звезд на земные дела. И тот факт, что эта идея использовалась прежде для целей псевдонаучных, не может помешать ее научному использованию. Ведь звезды не лгали и прежде, ошибались лишь те, кто пытался понять, о чем они говорят. Но люди способны учиться на своих ошибках. Собственно, в этом и состоит суть науки.

Неужели Нострадамус прав?

Средства массовой коммуникации, все без исключения, вспыхнули любовью к астрологии. Дня не проходит, чтобы не прочитать, услышать или увидеть очередной прогноз на день, неделю, месяц...

Как к этому относиться? Довериться астрологам, несмотря на ряд провалов их широко-вещательных прогнозов? Или воспринимать все не более как салонное развлечение?

Впрочем, как-то веселее живется, когда знаешь, что причина неудач не в тебе, мол, что поделаешь, так расположились звезды, то бишь планеты. Пусть они и отвечают за все! Впрочем, астрологи не раз предупреждали нас: звезды не предписывают, а предупреждают, и внять предупреждению — вполне в наших силах.

Скептики в чем-то правы: пророчества астрологов насчет грядущих социальных и экономических неурядиц весьма расплывчаты и напоминают передовицу политического еженедельника. Другое дело — написать по годам и столетиям, как у Нострадамуса*...

Статьи о Нострадамусе! Автор нашумевшей на Западе книги «Нострадамус и Золотой век» американский астролог Джон Хог ни на миг не сомневается, что астрология — это наука. Довод — предсказания Мишеля Нострадамуса близки к истине, а потому имеют и научную ценность. Хог заявил в одном интервью: «Откровения Нострадамуса гласят, что последний шаг на пути человечества к порогу третьей мировой войны был сделан тогда, когда началось наращивание американских и иракских войск на Ближнем Востоке».

Хог полагает, что 454 года назад Нострадамус с большой точностью предсказал начало третьей мировой войны: в 90-х

годах нашего столетия. А развязывает ее некий мусульманский деятель, которого Нострадамус закодировал под именем «Мабус» (злой).

По мнению Хога, если Ирак потерпит поражение, то через несколько лет возможно пан-арабское восстание против Запада.

Словом, по Нострадамусу в интерпретации Хога, будущее довольно-таки мрачно. Тут невольно задумаешься — не лучше ли астрологам мило предсказывать что кого ждет на службе или в любви, нежели выходить на геополитические просторы!

Впрочем, катрены (четверостишия) Нострадамуса настолько туманны, что их можно интерпретировать многояко. Через какое-то время мы сможем проверить его пророчества относительно Ирака, но даже если он прав, мы не сможем с полной уверенностью сказать, что же такое астрология — наука или забава, в худшем случае — шарлатанство? Отдельные точные «попадания» в наших глазах как бы реабилитируют многочисленные промахи, а жажда необычного заставляет слушать и слушать ежедневные прогнозы и советы. Другое дело, когда астрологическая информация идет после прогноза погоды. Тогда и отношение к ней такое же: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет.

А вообще, на фоне бытовых неурядиц, сплошных катаклизмов и перманентного дефицита все эти звездные забавы нечто вроде десерта при отсутствии первого и второго блюд. Но, право, от такого количества «сладкого» чуть-чуть мутит.

* Более подробно о Нострадамусе можно прочитать в «Науке и религии» в № 10, 11, 12, 1988

Е. ЛАЗАРЕВ

ВЕСНА В СТРАНЕ УЙКОАЛЬ

К 250-летию
Петропавловска-
Камчатского

*Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан.*

В. ВЫСОЦКИЙ

Есть в нашей стране полуостров, чье имя стало синонимом удаленности от центра. Узкий перешеек, соединяющий его с материком, почти непроходим, и полуостров подчиняется законам островной жизни. Здесь — зона активного вулканизма, где в ближайшие годы может произойти сильное землетрясение, и это не слух, а прогноз сейсмологов. Здесь в мае лежат метровые снега и несказанно тонки оттенки неба, океана и гор. Здесь сохраняется преемственность культур со времен палеолита — культур, накопивших за тысячи лет глубокие знания о мире, зачастую скрытые под маской ритуалов. Язык местного орнамента ведет к истокам цивилизаций Азии и Америки, и нужно как можно быстрее понять этот язык, ибо его хранителей почти не осталось. Здесь, в далеком краю, есть свой Город, который редко называют по имени, хотя оно красиво и звучно, а просто «Город» — и всем понятно, о чем речь. Перемены, преобразующие мир, коснулись Города, и он решительно и трудно утверждает вечные ценности, о которых пытался забыть. Очерки нашего корреспондента — о Камчатке.

**Выше
марсианских
пирамид**

**Старинный герб
Нижне-Камчатска.**

В середине апреля Камчатка с воздуха еще кажется зимней. Только начали вскрываться реки, скалы занесены снегом, и над белым покоем высются вершины сопок, как белые острова в облачном море. Лишь с тихоокеанского побережья робко продвигаются в глубь полуострова темные проталины, предвещая весну.

Однако в этом году можно ошибиться, пытаясь увидеть с самолета приметы весны в «Стране Уйкоаль» (так называли свою родину ительмены — древнейшие насельники Камчатки). Когда придет нынешняя весна, сначала на свет появится не земля и не камни, а черный снег января. Он был засыпан вулканическим пеплом во время извержения Ключевской сопки.

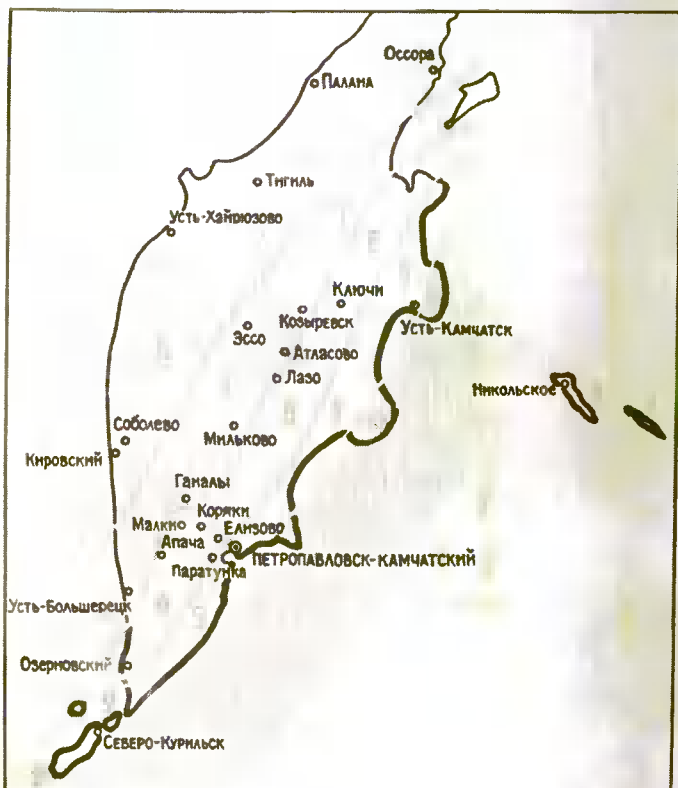
Высочайший вулкан Евразии курится и сейчас. Из самолета хорошо видна среди тонких бело-голубых облаков коричневая полоса выбросов. Она протянулась километрами на сто. Самолет приближается к вулкану, но пышный дымный убор над его вершиной по-прежнему неподвижен. Нужно смотреть долго и пристально, чтобы заметить, как отделяется от кратера и плывет над черными, бесснежными склонами вулкана очередной клуб дыма. Пытаешься представить подлинные размеры гигант-

ского шлейфа — но все равно он выглядит нестрашно и безвредно. Не впечатляют даже рассказы тех, кто видел здесь черные тучи пепла и бьющие в вершину молнии.

Иначе воспринимаются вулканы Камчатки, когда идешь к ним от берега океана. Лежит на побережье густой туман, скрывает даль, только небо над головой чуть голубеет. Дорога медленно поднимается, туман редет, открывая полуоттаявшую тундру, залитую водой. Уже видны ближ-

из чудовищных юрт. Тогда извергаются вулканы..

Так повествуют ительменские легенды. Грозная картина, не правда ли? Да, в результате извержений порою гибли тысячи людей. Но не на Камчатке! Население здесь редкое, селения — вдали от вулканов. Два века назад на Ключевском погибли два охотника-камчадала — вот и все жертвы за тот период, о котором сохранились письменные свидетельства.

Карта Камчатки с указанием сейсмоопасности (в баллах) различных регионов.

ние невысокие сопки, поросшие лесом. За ними встают горы, покрытые снегом. Они придают завершенность пейзажу. Однако в это гармоничное созвучие вторгается неожиданная нота. Над снежными вершинами в голубом небе проступает легкий снудет, почти неразличимый, ибо он тоже голубой. Глаз пытается отождествить его с облаками, но сердце подсказывает, что это нечто иное. Как памятник забытой цивилизации, возносится в небо древний символ огня — невероятно правильный треугольный контур, рожденный тяжелым подземным огнем. Это знак пирамиды — неизмеримо более высокой, чем пирамиды Египта и даже чем загадочные, неоткрытые пирамиды Марса.

Что же таится в этих живых горах, которые могут дрогнуть и извергнуть камни, ставшие текучим огнем?

...Там, под землей, в гигантских юртах, озаренных багровыми кострами, оживают гамулы — великаны ушедших эпох, успевшие предки ныне живущих людей. Гамулы готовят пищу, греясь у огня, а пищей им служат огромные киты. Играя, великаны надевают на пальцы убитых китов, и у вершин вулканов появляются плотные белые облачка, похожие на китов. Когда же гамулы предаются веселью в вечной подземной иочи, пламя их костров вырывается

Так что же — грозные гамулы не опасны? Откуда ждать беды, когда дрогнет земля под ногами? Старожилы говорят (и ученые с ними согласны), что главная опасность — цунами.

Преодоление страха

Усть-Камчатск — поселок на берегу Тихого океана, в устье реки Камчатки. Наверное, не так давно на месте поселка была бухта. Потом ее заполнили речные наносы, но не совсем: осталось обширное Нерпичье озеро. За озером, на мысе Камчатка — горный массив, очень гармоничный, притягивающий взгляд. Кажется, что он построен по законам неведомого искусства, родственного искусству аранжировки цветов — икебана.

По расчетам сейсмологов, по карте-схеме, что продается во всех киосках на Камчатке, именно в Усть-Камчатске ожидаемое землетрясение может быть наиболее сильным, до 10 баллов. А значит, и угроза цунами здесь предельно велика.

Усть-Камчатск представляет собой несколько жилых массивов. Они строились в разное время, все дальше от океана. Попытки уйти от цунами.

Поселок начала XX века, стоявший у самой реки, у выхода в океан, был

частично смыт во время землетрясения 1923 года. Люди не покинули удобный перекресток водных дорог и несколько лет спустя начали строить новые дома за рекой, в 2-3 километрах от океана, на месте богатых ягодных и охотничьих угодий у Нерпичьего озера. Уезжали из старых домишек рыболовецкого колхоза на косе, уходящей в океан. Новые двухэтажные дома из дерева — традиционного стройматериала здешних мест — были надежнее прежних хибарок. Однако время убеждало, что и этот поселок недостаточно защищен. В 1952 году мощные волны смыли город Северо-Курьинск — совсем недалеко от Камчатки. И вот в 80-е годы снова стал переселяться Усть-Камчатск. В пяти километрах от поселка 30-х годов поднялись пятиэтажки на мысу Погодном, на Нерпичьем озере. Океан отсюда почти не виден. Как будто расстояние должно смягчить удар цунами. Однако старожилы уверяют, что волна со стороны устья реки Камчатки станет роковой и для этих домов. Да если и с Командорских островов пойдет цунами (под прямым углом к берегу) — что встанет на ее пути? Только коса, намытая на берегу.

На косе мало осталось домов. Здесь кладбище. Под вечный шум океанских волн спят в черном вулканическом песке ушедшие из жизни устькамчатцы. Печальный и прекрасный образ: мертвые стоят в дозоре. Выдержит ли удар стихии их скромная песчаная крепость?

А как же чувствуют себя живые? В магазинах Камчатки продают книгу под названием: «Землетрясение будет завтра». В ходу благотворительные билеты — «В счет оказания незамедлительной помощи населению Камчатки в случае стихийных бедствий». Что делать? Бежать?

Бегства с Камчатки нет. Кто-то отправил детей на материк. Кто-то надеется, что беда минует лично его. Многие просто работают, не задумываясь о том, что может произойти.

Тревожным был 1989 год. С него началось трехлетие повышенной сейсмоопасности на Камчатке. Летом сюда приезжала с Украины Э. И. Зайченко-Несмянович. После Армении ее имя стало известно многим. Она успокаивала камчатцев надежностью их домов, обещанием «предупредить население заранее», если возникнет опасность. Осенью все-таки ожидали катастрофы, предсказатели «назначали» день — от 8 до 18 октября. День определили точно. Землетрясение произошло 15 октября, но почти неощутимое: до 3 баллов... 29 декабря возникла паника: из Москвы получили прогноз сильного землетрясения. Паника длилась недолго. 10 февраля 1990 года в Петропавловске (почти таком же сейсмоактивным, как Усть-Камчатск) прошло учение «Действия населения при угрозе сильного землетрясения». Но как раз население в нем участия не приняло. Сирену вроде бы слышали, но не обратили внимания. На призывы радио не отреагировал никто. Ни один «неорганизованный» человек не вышел из дома.

Председатель облисполкома Н. А. Синетов назвал такую реакцию «нездоровой».

Может быть, он прав. Но должна же быть какая-то причина поведения людей — психологическая, религиозная...

«Религиозной ситуации здесь нет, — сказали мне в усть-камчатской газете «Ленинский путь». — Какие тут традиции, в порту? В одной комнате украинцы, в другой — татары, дальше корейцы, армяне, грузины... Яйца на Пасху красят — вот и все».

Что ж, может быть, с религией это не связано. А вот насчет психологии... Тут сложнее. Не могу сказать, что я получил ответ на свой вопрос. Вопрос перестал существовать сам собой.

...Залив океана в потоках жаркого солнца вызывает в памяти южные моря. Но береговая тундра еще в снегу. Снег и на горном массиве у мыса Камчатка. Когда океан спокоен, горы отражаются в заливе сказочной твердней белоснежных столпов. Океан торжественно дышит, и пологие волны не разбивают бирюзовое зеркало вод. Вспоминаются слова Высоцкого: «Благословенны вечные хребты, благословен Великий океан»... Сидишь на сухой теплой гальке среди тающих льдин и пьешь опресненную льдом океанскую воду, в которой попадают частички вулканического пепла, или стоишь на торосе в полосе прибоя, и бирюзовые валы вздымают в воздух ледяное крошево, а потом медленно отступают, раскрывая в айсбергах темные гроты, оставляя в них свои дары — окатанные голубые льдинки, и из глубины идет могучий, непонятный грохот, — тогда умом еще понимаешь, что может хлынуть на берег смертельная волна, подобная горе. Но эти заключения ума уже нелепы, ибо ощущения опасности нет.

Наверное, страх уходит, когда исчезает отчужденность от мира, когда мир говорит с людьми на равных — а именно неравноправие, ущемленность человека вызывает страх. Этой ущемленности нет у народов, растворенных в чистоте Севера — иначе они не были бы так уверены, веселы и добры. Стереотип «туземца», прижатого страхом перед миром — это препятствие на пути постижения культуры тех народов, у которых связи материальной основы с духовными структурами не столь хрестоматийны, как в культурах Египта, Греции, Рима. Север — исключение из правил, которое рождает иную психологию культуры. И нет в ней страха как стимула жизни

Храм на далекой Радуге

Но все-таки проблема остается, и психология не защитит жилище. Так, может быть, и тут поможет опыт поколений? Пытались же обезопасить свои дома ительмены, коряки и те, кто позднее пришел на Камчатку — эвены, русские.

В низовьях реки Камчатки старейшее русское поселение — Нижне-Камчатск. Русские жили здесь в начале XVIII века, еще до основания Петропавловска. Отсюда уходили в странствия по Камчатке, на Алеутские острова, на Аляску. В 1783 году Нижне-Камчатск получил статус уездного города (в составе Иркутской губернии),

имел свой герб. Естественно, здесь были храмы...

Полезно ходить по земле пешком. Тогда лучше ее чувствуешь, начинаешь понимать, где люди только жили кое-как, а где могли поставить храм.

Берег океана не то чтобы невыразителен — нет! океан его одухотворяет — но он непрочен. Песчаные косы могут быть намыты и смыты вместе с постройками. Иное дело — горы.

До Нижне-Камчатска от океана пешей ходьбы целый день, особенно по апрельскому бездорожью, когда тундра залита

Изображения доброго и злого божеств ительменов (XVIII в.).

водой, а в горах снег почти не тронут, даже искрится на солнце. Идешь наугад: не у кого спросить дорогу, ведь в Нижне-Камчатске с 1960-х годов уже никто не живет. Но вынужденные отклонения от пути дают бесценные знания о местности.

В поисках долины, где стоит Нижне-Камчатск, я поднялся немного выше в горы, в отроги хребта Кумроч. И подумалось: вряд ли здесь жили. Если побережье «низко» для надежного жилья, то Кумроч слишком возвышен.

Здесь растут рощи каменной березы. Она напоминает гигантскую яблоню: серый неровный ствол, и на нем — причудливо

изогнутые ветви, белые, как яблоневый цвет. Под березами — ослепительный снег, жаркое солнце не нарушило его белизны. Трудно передать ощущение, которое охватывает человека в этих рощах. Что-то нереальное, чудесное витает среди белых ветвей под голубым небом, будто близок некто долгожданный и возвышенный... Без предварительной «целевой установки» рождается довольно конкретный образ, и с удивлением понимаешь, что древние люди, пожалуй, совсем не произвольно посвящали храмы богу или святому — именно этому, не другому. На Кумроче было ощущение Женского Лика (со строчной буквы это не напишешь), царящего среди солнечного огня, воздуха и снега, над горами и океаном. Может быть, уместно здесь вспомнить знакомый многим народам образ владычицы затонувших стран или камчатской богини Алаиды, о которой писал ительменский поэт Георгий Поротов: «И ушла в океан Алаида, лишь оставила сердце свое из тяжелого камня гранита»...

Уютная долина, где стоит Нижне-Камчатск, расположена ниже отрогов Кумроча. Там течет река по имени Радуга. Долина укрыта сопками от любых цунами, и хотя наводнения на реке Камчатке порой нанесли ущерб городу, его местоположение не сравнить с незащищенным берегом, где выстроили Усть-Камчатск. Экономическая выгода, конечно, много значит, и Нижне-Камчатск еще век назад стал приходиться в упадок. Сейчас он уже не считается даже «административной единицей», к нему нет настоящей дороги. Ветшают и разрушаются последние в низовьях реки храмы. Главный город Камчатки XVIII века предал своей историей судьбу «перспективных» национальных сел, закрытых в последние десятилетия. Пусть не застыли глаза слезы от их утраты. Со слезами трудно строить. А возрождение потерянного необходимо не только для того, чтобы понять, как лучше защититься от землетрясений, используя опыт предков. Возрождение культуры должно спасти не только конкретных людей, но целые народы.

Да, если бы лишь катастрофы угрожали человеку! Народы иногда исчезают с лица земли без стихийных бедствий и войн. Для этого необязательна физическая смерть...

В поисках древних знаний

Почти все народы Земли прошли через эпохи «великого переселения», когда в их жизни менялось многое — иногда даже язык. Поэтому особенно интересно наследие тех этнических групп, которые не меняли места обитания со времен палеолита.

Таковы ительмены (их самоназвание переводится как «истинные»). В формировании их культуры участвовали и палеоиндейцы, жившие на Камчатке около 15 тысяч лет назад, и предки эскимосов, сменившие палеоиндейцев. Не одну тысячу лет рядом с ительменами мирно жили коряки (межплеменные войны начались сравнительно недавно, с выделением родовой аристократии, и сошли на нет в по-

следние два столетия). В ительменско-корякском культурном синтезе бывает трудно выделить вклад каждого из этих народов. Да и нужно ли расчленять выверенное веками единство?

На Камчатке мало сохранилось предметов древней культуры: дерево и кожа живут недолго, керамической же посуды у ительменов не было. Нет и древних письменных свидетельств о Камчатке. Остается фольклор и язык орнаментальных форм, которые были освящены традицией и воспроизводились веками, а может быть, и тысячелетиями. Конечно, на такой основе трудно прийти к однозначным выводам. Например, у ительменов бытовала ритуальная одежда из травы. Предполагают, что это говорит об их южной, жаркой прародине. Но разве нельзя допустить, что ительменские обряды сохранили память о баснословно далеких временах, когда в районе нынешней Камчатки климат был иным?

О баснословных временах и людях поведают многие предания Камчатки. Загадочен образ темнокожего человечка по имени Пихлач. Ительмены верили, что живет он на облаках, а когда спускается на землю, ездит на маленькой нарте, запряженной куропатками. Говорят, дети плачут, когда увидят его или след его нарты.

Есть на Камчатке и сказания о великанах. Как рассказывает археолог и этнограф Владимир Николаевич Малюкович, на острове Карагинский, к востоку от Камчатки, почитается многотонная глыба, лежащая высоко в горах. Положил ее туда великан Камак. Когда глыба упадет, мир ожидают беды... Словом «камак» некоторые коряки называли жертвенные места, связанные с культом предков. Камак — это и существо, живущее в недрах вулкана, подобно ительменским гамулам.

Великаны населяли землю до потопа. А когда хлынули на берег морские волны, великаны побежали в горы. Не всем удалось спастись. Один из погибших гигантов окаменел и доныне стоит в горах на границе Карагинского и Олюторского районов. Его называют «Дед». Секретарь Камчатской Ассоциации народов Севера, коряк Николай Анисимович Шмагин рассказал о мальчике, который заблудился в пургу и случайно вышел к «Деду». Прилег там в затишье, готовясь к нелегкой ночевке, и вдруг услышал голос, указавший ему, куда идти. Он пошел и спасся. О иочной жутковатой беседе двух таинственных голосов у подобного камня говорил и эвенковед из Пенжинского района Егор Федотович Уягал. Уверяют, что последний камень обладает целительным действием, и недаром он получил название «Доктор».

Какой народ впервые начал почитать эти природные скульптуры Камчатки? Наверное, ительмены. Вот что рассказал инструктор отдела народов Севера, ительмен Николай Данилович Запороцкий: «На перевалах есть святые камни. Их называют: «камень-мать». Очень высокие, метров двадцать. По форме — как ели. Там оставляют дары — ножи, бусы, кольца. Копья, луки бывают. Луки, конечно, высохли уже. Дары лежат на уступах камня, иногда

глубоко в расщелинах. Смотришь — старые копыя, а не заржавели. Один камень красивый очень: зеленый, вроде как из малахита. В последнее время стали их грабить...

Есть поверье: брать от камня ничего нельзя — отвалится палец или рука. А положить дар обязательно надо, хоть что-нибудь. Русские тоже кладут. А один охотник пожалел патрон положить, потом смотрит — все патроны потерял. Стоят камни в стороне от дорог — километров десять, а то и двадцать по мху, по скалам, но пастухи знают, как пройти».

Известны устной традиции Камчатки и шаманы-врачеватели. К сожалению, говорят о них в прошедшем времени. Это сожаление — не дань моде. Не справилась европейская медицина с недугами народов Камчатки. Выросла заболеваемость туберкулезом. Близорукость, плохие зубы — сейчас некоторым кажется, что это врожденные качества местных жителей. Но ведь было иначе! Пятидесятилетние ительмены и коряки помнят стариков с молодыми зубами и зрением потомственных охотников (вдесятеро острее нашей средней нормы!). Одна из причин ухудшения ситуации ясна: замена традиционных северных блюд европейской кухней. Понятен тут и возможный выход из положения. Ну, а как с секретами шаманской медицины?

У жителей Камчатки шаманы (как и вожди) в быту не выделялись среди прочего населения. Чужеземцам не говорили о таких людях. Их знания и опыт не приносили им богатство и славу. Однако об этих людях не забыли и сейчас. Рассказывает Е. Ф. Уягал: «Простудился я в детстве. Помню: мать плачет... А потом я умер — говорят, совсем холодный был. Мой дядя владел... гипнозом, наверное, как сейчас говорят. Позвали его. Все вышли. Вроде бы он в бубен бил — и только, но я выздоровел. Это не колдовство — знания. Редкие люди ими обладают. Он действовал только когда была критическая ситуация, а так — обыкновенный человек. Сейчас, насколько я знаю, таких людей нет, единственный был в нашем селе человек».

Да, шаманство на Камчатке не было профессией. Истинный шаман мог родиться один на три-четыре поколения. Н. А. Шмагин, уроженец Карагинского района, уже не застал последнего в своем селе шамана, но рассказы о нем помнит хорошо. В действиях шамана сочетались искусство (в том числе актерское) и астрологическая наука: для совершения ритуала учитывалось расположение звезд, Луны и планет, выбирался определенный день и час. Присутствовавшие на камлании видели неведомо откуда взявшихся в яранге птиц, зверей (Шмагин не отрицает возможность внушения). После одного из камланий на теле выздоровевшей женщины остался шрам — а ведь хирургического вмешательства не было! Шаман как бы вытащил нечто, мешавшее жить... Инструктор отдела народов Севера, ительманка Валентина Ивановна Успенская вспоминает, что целительница из села Седанка, «бабушка Павлиха», часто лечила массажем. Видимо, существовали достаточно слож-

ные, отработанные приемы такого лечения: перед массажем головы бабушка Павлиха обмеряла голову больного тесемкой — вокруг головы через лоб и ото лба назад, через затылок. Нелишне напомнить, что в центрально-азиатской медицине положение акупунктурных точек тоже определяется обмерами. Не уходят ли в палеолит, к палеоазиатам корни той системы, которую мы называем «восточной медициной»?

Образ мира — образ храма

Фольклорное наследие Камчатки сохранилось неполно. Например, ительменские

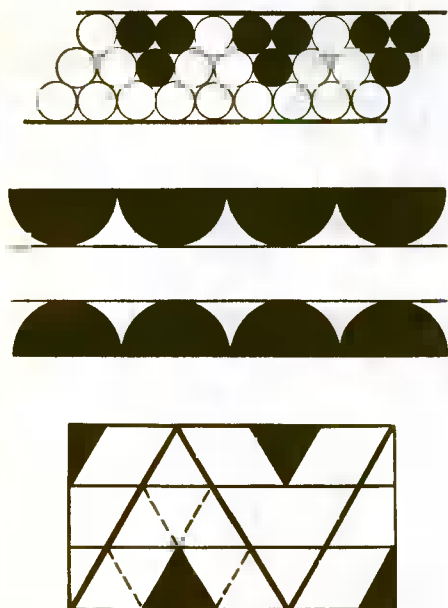
Деревянное украшение перед входом в традиционное ительменское жилище.

мифы ученым записать уже не удалось. А орнамент? Какие тайны хранит прикладное искусство народов, чьи предки жили во времена платоновской Атлантиды?

Борис Александрович Жирков (художественный руководитель ительменского ансамбля танца «Эльвель»), отдавший много сил возрождению ительменской культуры, выделил несколько образцов орнамента, которые не изменялись на протяжении по крайней мере двух последних столетий. Ительменский орнамент обычно располагается горизонтальными полосами, состоящими из трех регистров. Изображения в верхнем и нижнем регистрах чаще всего тождественны: полукруги, треугольники, квадраты... Возможно ли понять их смысл?

Президент Камчатской Ассоциации народов Севера, кандидат философских наук, ительменка Виктория Васильевна Петрашева говорит, что ряды полукругов можно «прочитать» как волны, треугольники — как юртовища. Три регистра уверенно соотносятся с тремя мирами (верхним, средним и нижним) — распространенной космологической схемой. Тогда, может быть, волны символизируют воды небесные и подземные? Этот образ знаком многим древним культурам. Вспомним Египет: Солнце свершает свой путь по небесной реке и по реке загробного мира. Сложнее с узором из треугольников. Они пронзают все три мира, вырастая высь или спускаясь с неба. Треугольники равносторонние. Нетрудно мысленно поделить каждый из них на шесть подобных малых треугольни-

ков (модуль для такого деления задан треугольничком в центре основания). А число «шесть», построенное в виде треугольника — число особое, «совершенное». И если ительменский орнамент изображает «юртовища», то не заключена ли

Образцы ительменского орнамента.

здесь идея соединения двух совершенных строений — земного и небесного? Земной храм встречается с нисходящим Небесным Иерусалимом... Слишком фантастично для Камчатки? Да, теория совершенных чисел известна нам от древних греков. Но камчатский орнамент может быть намного старше. Его часто составляют из бусин, нашитых на одежду или предметы утвари. Каменные бусинки нашли на Камчатке в захоронении на Ушковском озере, и возраст захоронения — около 15 тысяч лет. Так что не грех ставить вопрос о приоритете. Разве что был общий источник.

Об этом общем источнике, пожалуй, можно добавить кое-что еще. Налобная лента («ленат» по-ительменски) — что это, деталь костюма? Однако люди, носившие старинный ленат, уверяют, что он снимает головную боль. В чем дело? Обратимся к древнекитайской медицине. Оказывается, ленат, опоясывая голову, соединяет акупунктурные точки ян-бай, хань-янь, тоу-вай, тьянь-чун и хоу-дин. В совокупности эти точки ответственны за мигрень, невралгию тройничного нерва, головокружение, нарушение сна, нервный тик, конъюнктивит и даже эпилептические приступы и паралич лицевого нерва! Точка хоу-дин (на затылке) осуществляет соединение в организме активной энергии ян и пассивной инь. А в затылочной части ительменского лената сочетаются белые и черные треугольники. Чем не изображение инь — ян? Так, может быть, открытие на Камчатке в 1990 году кабинетов иглорефлексотерапии — возвра-

щение к собственным забытым истокам? Кстати, незстетичные, на наш взгляд, лабретки (костяные и каменные украшения лица) тоже вставлялись в акупунктурные точки — более 10 тысяч лет назад.

И еще один камчатский символ — оберег, укреплявшийся прежде над входом в жилище. Смысл его утрачен. Не поможет ли сравнение с сакральными символами других культур? Больше всего оберег похож на астрологический знак Меркурия, который, в свою очередь, сопоставляют с кадуцеем Гермеса. Символику змей, обвивших кадуцей, некоторые исследователи объясняют с позиций религиозной философии Центральной Азии (тантризма, даосской алхимии). Очень упрощенно это выглядит так: жизненная энергия восходит по «невещественным» каналам, змеящимся в теле адепта, преодолевает «сокровенные врата», очищается, и, наконец, расцветает над головой, вздымается фонтаном и, испадая, преобразует все тело. Таков же священный механизм преобразования мира в этих учениях. Если камчатский оберег — вариант кадуцея, то он, пожалуй, отличается большей глубиной обобщения. Кадуцей натуралистичен, а камчатский знак включает в себя знаменитый древнеегипетский анх (символ жизни), увенчанный треугольником, в сочетании с сердцевидным контуром. Вряд ли «сердечко» заимствовано у казаков, как принято считать. Подобный символ есть в резьбе по кости (начало н. э.), в археологических находках на северо-востоке Азии. В. Н. Малюкович видел его в начале 1960-х годов на якутских нехристианских надгробиях... Конечно, все сказанное здесь — лишь постановка вопроса. Но не исключено, что иероглиф камчатского оберега является одним из ключей к глубинным основам культуры древнейшего населения Азии, а может быть, и других континентов.

Наверное, будущее филологические языки тоже откроют немало тайн в наследии народов Камчатки. Один пример: уже упоминавшаяся гора Алайд (Аланда). Священный с ней фольклорный образ Владычицы морской у многих народов соотносится с представлениями о Мировой Душе. Одно из ее центральноазиатских имен — Алайя. Совпадение? Но египетские гностики усвоили Мировой Душе эпитет «Гром», а «Алайд» — слово, пришедшее к ительменам из языка айнов — можно перевести как «Громоподобная» (перевод Н. Д. Запороцкого, свободно владеющего всеми языками коренных народов Камчатки). Круг замыкается, и замыкающее звено слишком своеобразно, чтобы быть случайным.

Даже поверхностное прикосновение к культуре Камчатки позволяет ощутить глубину океана древних знаний под немудреным блеском видимой глазу водной глади. Эти знания — как загадочные миражи, что возникают в Тихом океане к востоку от Камчатки — миражи, о которых хранит молчание каждый ительмен или коряк, посвященный в их тайну. Не забудут ли они ее среди бед XX века?

Окончание следует.

Психологический гербарий

В. АХРАМОВИЧ

ВАСИЛЕК

Среди утренних рос Василек не помнил себя. Он был растворен в своей бабушке Природе. Он рос вне времени, вне тревог. И юный стебелек его незаметно тянулся к небу. А потом что-то случилось: изнутри, исподволь закралась тревога, словно нечто в нем пугалось возможности как-то оскорбить окружающее своей невзрачностью. Ему хотелось скорее распустить над собою ажурный веселый и прекрасный зонтик бутона, но что-то глубокое подсказывало, что торопиться не следует, что в преждевремене он может растратить сочность и переливчатость оттенков. День за днем он подкапывал силы, отгоняя почти навязчивое чувство: «А вдруг я так никогда и не наберу достаточных сил, чтобы однажды вспыхнуть всеми своими возможностями». Раз утром прилетел шмель, толстый, как гул, постучал хоботком в переполненный силой бутон и прогудел: «Пора, брат, пора». Шмель улетел, а бутон чуть приоткрылся, но распуститься не решился.

И вот однажды случилось: нежнейшей свежести, сотканная из света и солнца невеста откуда возникла бабочка. Василек как изумился, что вспыхнул навстречу лепестками, в которых смешались оттенки утренних туманов, прозрачные звездные сумерки кратких, как взмах, ночей, смущенные собою зори и отблески туч грозных.

Бабочка мгновенно опьянилась васильковым нежным мужеством и замерла неподалеку, притворившись лепестками сновидческого цветка.

ЛАНДЫШЕВОЕ НЕДОУМИЕ

Было лето, было солнце.

Ландышевое «я» проросло в затруднение. Обычно центр сознания у ландышей живет между стволом и корнем, у основания стебля, где он пробивается из-под земли, на границе надземной и подземной части ландышевого туловища. Из центра ландышевого сознания незримо сияет живительная радость, восходящая вверх к снежным рюмочкам с нектаром. Нектар звенит коктейльной славой восхищения самосознания и ликованием солнечных лучей. Поднявшись вверх, ландышевая радость затем ниспадает вниз, к корешкам с благовестием.

Однако ландыш Меж имел центр сознания смещенным, его «я» бытовало чуть выше по стеблю и в стороне, ровненько между самим растением и его тенью. Так ландыш от рождения оказался в непростом межунии. То ему мерещилось, что он тень себя. Временами же обреталась уверенность в своей безусловно растительной природе.

— Кто я? — вопрошал себя Меж и ответить не мог. Он спрашивал и других, но другие недоумевали: они не знали, что «я» у ландыша между ним и его тенью. Рекомендации были всякие: диетические, этические, карморегулирующие, духовные, но увь...

И только солнце любило всех без исключения.

Л. ВОЛКОВА

Немногие выключают телевизор, когда идет передача о восточных единоборствах. Если ошибаюсь я относительно их популярности, то уж кооператоры не ошибутся. Молниеносно раскупается портрет любимого героя видеофильмов Брюса Ли. Кстати, зачем ему понадобилось разрабатывать для кинематографа специальную систему единоборства, если он уже был признанным мастером вин чун? Может быть, причина в том, что вин чун — одно из самых эффективных единоборств, но не очень зрелищное, лишенное театральных эффектов, или, может быть, какие-то неведомые силы противились его демонстрации на экране, охраняя его тайны от непосвященных? Система вин чун связана со множеством легенд, в то же время она достаточно закрытая. И когда я узнала, что при Московском Центре по изучению эйдопамяти существует секция вин чун, мне захотелось побывать там. Руководит секцией **Александр Половинкин**.

Когда-то мне дали замечательный совет: «Чтобы понять школу, не ограничивайся разговором с мастером, посмотри на учеников». Поэтому я пригласила принять участие в нашей беседе ученицу А. Половинкина — художницу **Ирину**. (Рисунок на тему вин чун сделала она).

Корр. В последние годы возросло увлечение восточным боевым искусством. Что за этим стоит? Агрессия или желание преодолевать нерешительность, страх? А может быть, стремление к идеалу? Прошлый век создал, например, образ человека безупречных манер и репутации — комильфо, а нынешний — супермена, у которого всего «сверх» — и интеллекта и силы.

Мастер. Культ силы? Я не знаю, зачем на обучение самообороне тратить так много времени. Не проще ли носить с собой дубинку? Дело здесь не в силе и не в дубинке. Китайское боевое искусство формировалось, как правило, в буддийских и даосских монастырях, где проповедовалось «недеяние», личная незаинтересован-

ность, равнодушие к результату. Нет, сила здесь ни при чем.

Корр. Видов единоборств очень много, но вы выбрали вин чун...

Мастер. Не сразу. В школе я увлекался классической борьбой, а поступил в институт — занятия пришлось прервать. К борьбе так и не вернулся — пошел в подпольное тогда карате. Занимался пять-шесть раз в неделю, все свободное время отдавая тренировкам. Казалось, все идет хорошо: научился наносить сильные удары руками и ногами, разбивать кирпичи и доски, проводить спарринги в полный контакт. Но постепенно росло чувство неудовлетворенности, хотелось большей плавности движений и более тонкой работы с партнером. И вот однажды я встретился с мастером, владеющим техникой вин чун. Стиль понравился мне сразу: в нем использовались движения мягкие, плавные, даже изящные, которые в бою оказались намного эффективнее, чем прямолинейные приемы карате. А когда я узнал философские аспекты и методику тренировок этого стиля, понял — вот это мне и нужно.

Корр. Стиль вин чун в нашей стране мало известен, какова его история?

Мастер. Возникновение вин чун связано со знаменитым монастырем Шао-Линь. Как известно, монастыри хранили боевые традиции Китая. Воинами были не только мужчины, но и женщины. Около четырехсот лет назад в Шао-Лине обитала монахиня по имени Нг-Муи, которой были известны сотни приемов кунфу. Она собрала их в единую систему, обучала девушек. Среди лучших ее учениц была Вин Чун.

Еще в доме отца — богатого купца — она изучала кунфу и приехала к ученой монахине совершенствоваться в боевом искусстве. Девушка действительно узнала много нового, но поняла, что ей не удастся воспользоваться полученными знаниями — на это не хватит сил. И она

разработала свой стиль: отобрала наиболее эффективные для своих возможностей приемы, противопоставляя физической силе ловкость и интуицию.

По имени этой девушки и назван стиль. Он оказался жизнеспособным, его передавали из поколения в поколение, развивая и дополняя.

В настоящее время существуют Всемирная и Европейская ассоциации вин чун.

Корр. Когда говорят об особенностях стиля вин чун, часто употребляется термин «липкие руки». Что это такое?

Мастер. Основная идея вин чун заключается не в том, чтобы противопоставить силу силе (например, сильный удар отбить сильным блоком), а в том, чтобы подобрать такие движения, которые бы слились с движениями противника, как бы дополнили их. За счет этого появляется возможность точно контролировать его действия, использовать его энергию — от удара получить дополнительную энергию. Чтобы развить в себе такую способность, используется метод чи-сао — «прилипающие руки». Занимаясь чи-сао, каждый из партнеров своими руками старается точно следовать за руками другого, не прерывая его движениям, но в то же время и не теряя контакта.

Постепенно движения усложняются, становятся все более разнообразными и неожиданными. В результате тренировки достигается такая слаженность, когда каждый чувствует себя как бы продолжением другого.

Корр. Ваш рассказ напомнил мне о другом синхронном повторении движений. Помните полесскую колдунью из повести А. Куприна? Герой рассказа идет впереди Олеси и вдруг спотыкается на ровном месте. Колдовство? Не зря Олесю зовут колдуньей? Куприн пишет: «...этот своеобразный фокус состоит в том, что она, идя за мной следом шаг за шагом, нога в ногу, и неотступно глядя на меня, в то же время старается подражать каждому самому малейшему моему движению, так сказать, отождествляет себя со мною. Пройдя таким образом несколько шагов, она начинает мысленно воображать на некотором расстоянии от меня веревку, протянутую поперек дороги на аршин от земли. В ту минуту, когда я должен прикоснуться ногой к воображаемой веревке, Олеся вдруг делает падающее движение, и тогда, по ее словам, самый крепкий человек должен непременно упасть...».

Мастер. Да, через движение, дыхание можно «вчувствоваться» в другую личность. Но ничего общего вин чун с колдовством не имеет. Колдовство — это манипуляция кем-то вопреки его воле. В вин чун проникновение в личность партнера приводит к гармоническому взаимодействию. Чем ближе тебе человек по духу, тем интереснее с ним вести бой.

Корр. Но мне показалось, что бой в вин чун достаточно жесткий и за время поединка пропускается определенное количество ударов, по-видимому, довольно чувствительных, иногда ногой по лицу. Не способствует ли это разрушению столь тонкого взаимопонимания? Разве обиженному не свойственно стремиться к реваншу?

Мастер. Бой можно рассматривать, как контакт на повышенном эмоциональном уровне, когда оба партнера стараются создать друг для друга ситуацию неожиданную, необычную — ситуацию риска. Поэтому тот, кто пропускает удар, не должен сердиться, обижаться — ему указали на слабое место в защите. Никто из участников не должен быть настроен на победу любой ценой: это повредит в первую очередь ему самому — он потеряет контроль над собой. Китайцы говорят: «Луна отражается в воде только тогда, когда река течет спокойно». Луна — это образ противника. Отразить ее может только безупречная гладь.

Корр. Но разве бой не для того, чтобы выявить победителя?

Мастер. Поединок нужен, чтобы проверить, насколько ты собран, спокоен, готов ли использовать технику в критической ситуации. Бой требует гармонического сочетания техники с работой психики. Выполнение только

традиционных упражнений без практики силовой борьбы не приведет к овладению техникой.

Корр. Вы принимаете в группу всех желающих или отбираете учеников по определенным качествам?

Мастер. Пока берем всех, кто хочет заниматься, хотя я считаю, что идеальная группа должна состоять из пяти—шести человек, иначе общий темп роста замедляется. Но отсев все-таки есть — система предъявляет жесткие требования: нужна хорошая психическая подготовка, основанная на контроле и самоконтроле.

Корр. Этот стиль разработан женщиной и рассчитан на ее возможности, а есть ли женщины в вашей группе?

Мастер. Есть, но немного. В их числе — Ирина.

Корр. Ирина, чем привлекла вас школа вин чун?

Ученица. Мне нравится, что не надо соперничать с мужчиной в силе и можно оставаться собой. Нравится, что на занятиях создается определенная атмосфера: удар противника не пример для подражания, но импульс к творчеству. Мы вместе создаем ситуацию, не только приятную, но и стимулирующую творчество. Мне, например, вин чун помогает делать профессиональные открытия.

Корр. Что же общего у восточного единоборства с изобразительным искусством?

Ученица. Здесь я открыла для себя суггестивное творчество, рождаемое соавторством двух разных людей. Кроме того, в движениях зрительно и физически ощущается комплиментарность, столь характерная для бесфонового искусства. В образцах эпохи палеолита можно видеть, как в одном произведении совмещаются два разных символа, которые, проникая друг в друга, не теряют присущей каждому формы. Может быть, так древние выражали свое понимание мировой гармонии, о которой и по сей день так много споров.

Я стремлюсь почувствовать эту гармонию в себе, физически, телесно войти в гармонические отношения с миром, реализовать это ощущение в картинах.

На тренировках испытываешь состояние, близкое тому, которое переживаешь в воде: плывешь — между тобой и стихией нет ничего. Счастье переполняет тебя, оно не от борьбы за преодоление пространства, а от ощущения себя частью потока. Удивительное чувство, что ты — это природа. Таков и вин чун.

Мастер. Я бы тоже сравнил вин чун с водной стихией. Вы, наверное, знаете, древние китайцы считали, что мир состоит из пяти первоэлементов: дерева, огня, земли, металла, воды. И все многообразие вещей состоит из них. Их качества — противоположны, но взаимосвязаны, сила одного уравновешивает силу другого.

Ученица. Я поясню. Мы еще в детстве знакомимся с этим. Помните сказку о поисках сильнейшего? Два мальчика поспорили, кто из них сильнее, и подрались, но победитель поскользнулся на льду. И оказалось, что лед сильнее. Но вышло солнце и растопило лед. Значит, сильнее всех — солнце. Но тучка закрыла солнце. А тучку задержала гора. Гору разрушило дерево, а мальчик взял и срубил дерево. Кто же самый сильный? Наверное, тот, кто «понимает» все стихии.

Мастер. Внутри каждого единоборства есть варианты различного состояния — всеми должен владеть мастер. Он должен обладать высокой чувствительностью и каждому состоянию уметь противопоставить свое: если противник пылает, как огонь, надо стать водой и потушить его. В общем, единство и борьба противоположностей, как в этой сказке.

Ученица. Может быть, все-таки не борьба, а взаимодействие противоположностей? Мне не нравится слово «борьба». Хорошо бы людям забыть его. Не успел малыш встать на ноги, его тут же учат «борьбе» — то тарелку каши победить, то сверстника в песочнице. А иначе тебя сметут, затопчут. Люди ждут этого от других, но и сами способны на это. Постоянная защита — та же борьба, отстаивание себя.

Посмотрите на людей в конце дня. Замкнутые,

зжатые, крутятся, как камни в водовороте. Среда движет их, как гальку, — они с нею не в контакте. А если бы среда и люди были взаимопроницаемы, как струйки, было бы легче жить.

Были, наверное, раньше иные отношения с миром. О них можно только догадываться по сказкам о шапке-невидимке, о кольце, которое переносит за тридевять земель; о волшебном блюде, в котором можно увидеть задуманное... Тут и левитация, и трансмутация, и прочие чудеса. А превращение в зверей? Мне кажется, воинские стили, основанные на подражании животным, скажем, в ушу — воспоминания о тех отношениях.

Когда на занятиях нас знакомили со стилем змеи, я почувствовала себя как бы без костей, тело стало гибким и упругим, как шланг, а выпад молниеносный, жалистый. Стиль тигра иной: там чередуется расслабление и мгновенная концентрация, готовность к прыжку и мощному удару.

Корр. Знание приемов, наверное, дает уверенность. У ребят, которые занимаются в группе, даже в походке заметна некоторая игра избытком сил.

Ученица. Поднятая голова, расправленная грудь — это внушает чувство неустранимости, и этой своей уверенностью, конечно, оказываешь психическое воздействие. Но это только прием. Настоящая уверенность появляется от наработанного в зале чувства ситуации, от быстроты реакции на происходящее.

Раньше, попадая в рискованное положение, я

испытывала злобное напряжение, и нужен был незначительный толчок, чтобы я взорвалась. Теперь я понимаю, что эмоциональная буря на руку только противнику, она дает ему заряд силы. Умение заменить конфликт диалогом — самое ценное, что мне дали занятия.

Недавно я была на выставке, посвященной инопланетянам. Выписки из протоколов, показания очевидцев — все это художник увидел в образах и представил на живописных полотнах. На одной из картин изображен стоящий среди гор НЛО, а к нему подступают мужчины с камнями и палками в руках.

Читаю текст. Оказывается, группа ученых, отдыхая в горах, набрела на НЛО. Им захотелось поближе познакомиться с пришельцами. Для начала они попробовали закидать корабль камнями, а потом при помощи жердей спихнуть его в пропасть. Корабль взмыл вверх, так и не удовлетворив «любопытности» ученых. Это, конечно, анекдот, но разве в жизни не случается подобное? На первом занятии наш мастер сказал, что научит нас быть уступчивыми, покладистыми. Но это не так легко.

Корр. Мы начали говорить о вин чун как о боевом искусстве, а разговор перешел на уступчивость, безконфликтность. Как-то странно...

Мастер. Ничего странного. Когда человек углубляется в какое-то дело, затрачивая душевные силы, однажды наступает момент, когда начинается процесс с личного совершенствования. А он бесконечен.

КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА

Мы попросили кандидата психологических наук Е. ЕМЕЛЬЯНОВА прокомментировать беседу о системе вин чун.

«Сейчас, как никогда, возросло увлечение восточными боевыми искусствами. Что за этим стоит, агрессия или страх? Или, может быть, стремление к идеалу?» Задаваясь этим вопросом, корреспондент журнала, — возможно, сам того не ведая, — сконцентрировал в нем наиболее существенные проблемы, волнующие самых разных людей — молодежь и пенсионеров; спортсменов и тех, кто только собирается начать делать по утрам зарядку; государственных деятелей и так называемых обывателей. То есть тех нормальных людей, которых пугает перспектива встречи на темнеющей улице с головорезом-каратэкой, образ которого усердно создавала для нас печать.

Эти же проблемы весьма занимают и относительно небольшую пока группу специалистов, профессиональных психологов и социологов во Всесоюзном центре по комплексному изучению восточных единоборств. Конкретная исследовательская работа в этой области только началась, однако обсуждение темы с читателями мне представляется полезным и необходимым.

Прежде всего хотелось бы определенно сказать, что в феномене расцвета восточных боевых искусств в нашей стране есть и страх, и агрессия, и стремление к идеалу, но и еще многое другое — в сложном сплаве и переплетении. Попробуем начать с ответа на вопрос: почему произошел этот расцвет?

Известно, что первые объединения людей, увлекшихся восточными единоборствами, появились в СССР в середине 60-х, а первая волна увлечения ими и почти сразу же запрета, пришлось на середину 70-х. Вторую такую волну мы наблюдаем сейчас, когда число занимающихся этими единоборствами, по самым приблизительным подсчетам, колеблется в пределах от нескольких сотен тысяч до двух-трех миллионов человек. В основном это, разумеется, молодежь. Однако известно, что боевые искусства — один из немногих видов физической (в определенном упрощении) активности, которыми с равным успехом могут заниматься люди от 5 до 60 и более лет. И число людей зрелого и пожилого возраста, обращающихся к таким, например, системам, как тайцзицюань, багуачжан или айкидо, также постоянно растет.

Жизнь современного горожанина, естественно, отличается от жизни средневекового японского воина или бродячего китайского монаха. Тем не менее мы являемся свидетелями того, как боевые искусства, зародившиеся и развивавшиеся в чрезвычайно далеко отстоящих от нас культурных и временных рамках, распространяются в наше время и на нашей почве, и не среди небольших групп энтузиастов, — это можно было бы отнести на счет очередного увлечения экзотикой, — они становятся поистине массовым движением.

Каким глубинным психологическим потребностям человека соответствуют и что дают ему боевые искусства в столь разных культурно-исторических условиях?

По мнению советского социолога А. Игнатьева, прослеживая контекст зарождения, расцвета и упадка восточных единоборств в традиционных обществах, можно заметить, что, наряду со своим очевидным «прикладным» назначением, боевые искусства выполняли и более сложные и широкие

социальные и психологические функции. Носителем культуры боевых искусств почти всегда выступает так называемая «маргинальная личность», человек с расщепленным самосознанием, не вписывающийся целиком ни в одну из стабильных социальных ниш общества. Таковы мигранты, потомки разнорациональных родителей, люди, переходящие из одной социальной страты в другую, и им подобные, чей главный признак — невозможность однозначного самоопределения и однозначной идентификации с какой-либо из существующих в обществе ценностных систем. Обращаясь к культуре боевых искусств, они обретали некую внутреннюю точку опоры в ситуации личностной или социальной неопределенности.

Вспомним: у нас в стране первые волны интереса к боевым искусствам Востока и развитие соответствующих организационных объединений достаточно точно совпали с периодом возрастания социальной маргинализации сознания в период с 1956 до 1964 года — от начала и до конца «оттепели». Вторая волна совпадает с углублением «внутренней эмиграции» в значительных по масштабам социальных кругах; тогда же зарождалось множество других объединений, куда стекались люди с маргинальными личностными позициями: это и различные молодежные неформальные движения, от рок-культуры до «системы», и ориентированные на нетрадиционные методы сохранения здоровья кружки людей среднего и пожилого возраста: «сыроеды», сторонники бега трусцой, экстрасенсы, парапсихологи. Наблюдаемый сейчас пик интереса к восточным единоборствам очевидным образом связан с резко возросшей социальной напряженностью, неопределенностью ситуации, осознанием своей незащищенности, что, в частности, прицельно усиливает тягу именно к сфере боевых искусств.

Таким образом, можно утверждать, что тревога, страх, или, говоря психологически более корректным языком, глубинная неуверенность в себе — это главное, что приводит людей к занятиям боевыми искусствами. Агрессивность, кстати, также может наблюдаться в этих условиях — как один из вариантов компенсации неуверенности в себе, поскольку она способна создавать впечатление собственной силы, пусть даже временное и ошибочное. Наличие именно этих мотивов у новичков, приходящих в секции боевых искусств, было подтверждено психологическим исследованием, проведенным с 50 юношами и девушками в возрасте 15—20 лет (значительная их часть — учащиеся ПТУ). Отметим, кстати, что юношеский возраст — типично маргинальный, это — промежуток между миром детства и взрослым миром, здесь возникает множество проблем, связанных с самоопределением и самосознанием человека. Высокая потребность в собственной значимости, силе и признании сочетается здесь с продолжающимся формированием организма и образа «Я», с поиском себя и своего места в мире. Тревожное внимание к оценкам себя другими людьми маскируется подчеркнутой независимостью от их реакций и суждений, сочетаясь с пока еще плохим пониманием людей и мотивов их поступков. Кажется — только научи этих юношей эффективно драться — и они немедленно займутся самоутверждением на всех перекрестках. Но дальше, по мере занятий в секциях единоборств, наблюдается картина, подобная сюжету известного анекдота: «Только цыган научил лошадь не есть, а она взяла и умерла». Потому что первый эффект, отмеченный различными исследователями в самых разных регионах мира, состоит в том, что уже через несколько месяцев занятий отмечается резкое снижение тревожности и агрессивных тенденций. Правда, происходит это не во всех без исключения случаях. Важным условием здесь оказывается сохранение в процессе тренировок традиционных ценностей восточных единоборств. Об этом красноречиво свидетельствует, например, исследование, проведенное в медицинском колледже Техасского университета американским психологом Майклом Труслоном. Он изучал влияние, которое оказывает обучение боевым искусствам на подростков с отклоняющимся поведением, состоящих на учете в полиции за различные виды правонарушений. 34 таких подростка в возрасте от 13 до 17 лет были разделены на три группы и тренировались по одному часу три раза в неделю. Первая группа занималась традиционной корейской борьбой таэквондо, уделяя значительное внимание изучению ее ценностных, этических постулатов. Второй группе давался современный вариант рукопашного боя, не отягощенный какими-либо психологическими или этическими комментариями. Третья группа была контрольной и затрачивала то же количество времени на обычные физкультурные упражнения. Психологические тестовые замеры, проведенные через 6 месяцев после начала занятий, показали, что у подростков первой группы

наблюдалось выраженное снижение агрессивности, уменьшилась тревожность, отмечен рост самоуважения и приверженности социально признанным ценностям. Во второй группе, напротив, отмечалась тенденция к усилению противоправных ориентаций, агрессивность возросла, и все наметившиеся по иным шкалам изменения были противоположны тем, которые наблюдались в первой группе.

Этот пример обращает нас к иной грани проблемы боевых искусств — к вопросу о ценностях и идеалах этой борьбы и соответственно об идеале личности — носителе культуры единоборства. К сожалению, в короткой заметке невозможно описать сложный, парадоксальный для европейского мышления этос боевых искусств. Приведу поэтому только небольшую цитату и попробую прояснить ее смысл на примере из интервью с А. Половинкиным.

Один из трактатов по боевым искусствам начинается так: «Вселенная — это любовь и обучение любви и благосклонности ко всему миру. Я не знаю любви к отдельным людям, но только лишь — любовь к каждому, к малейшему листку и травинке, к последнему зернышку в поле. Любовь природы направлена в равной мере ко всем. Если вы уловите смысл всеобщего и будете практически использовать законы мира природы, то все, кто хотел бы противостоять вам, уступят вам дорогу...».

— Истинный мастер в боевых искусствах — это не тот, кто умеет побеждать, но тот, кто никогда не оказывается в ситуации, требующей от него практического применения своих способностей.

— Лучший бой — тот, который не состоялся.

— Тот, кто умеет сражаться, не дает волю ярости.

— Тот, кто умеет побеждать врага, не вступает с ним в схватку.

Таковы заповеди древней «Даодэцзин». Они учат следовать Небу и природному началу.

Эти общие идеи конкретизированы на каждом этапе подготовки мастера. Вспомним эпизод, когда пропущенный удар по лицу был воспринят не только как вполне нормальная вещь, но чуть ли не с выражением благодарности противнику. Для рядового нашего современника это выглядит по меньшей мере странно, потому что естественное для него желание в такой ситуации — немедленно отомстить, доказать свое превосходство и силу. Лишь немногие в подобной ситуации подумают, к примеру, о христианских заповедях любви к ближнему и непротивлению насилию. Но в восточных единоборствах усвоение принципа «духа любви ко всему» — это единственно реальное условие непобедимости в спарринге. Прагматический смысл этой заповеди применительно к процессу боя так, например, раскрывается в одном из высказываний Мориера Уешибы: «Айкидо не озабочено идеей победы или поражения. Посредством этой дисциплины мы можем постигать законы природы, а добиваясь этого — совершенствовать себя. Истинная победа — это победа над самим собой. Мы менее всего думаем, применяя приемы, об

использовании нашего противника в качестве точильного камня, на котором мы оттачиваем наше искусство. Мы служим нашему оппоненту сходными способностями. Развитие мастерства в айкидо осуществляется посредством взаимной помощи в росте и совершенствовании». Поэтому удар, пропущенный в тренинге, в традиции единоборства мог восприниматься именно как дружеское указание на слабость той или иной защиты, или как реплика — «Сейчас, здесь, в этот момент, у тебя отвлечлось внимание».

Используя современную терминологию, можно сказать, что партнер в единоборстве выполняет функцию объективной обратной связи, рассказывающей мне о моем состоянии, возможностях и умениях, — и тем помогает мне в моем развитии.

Что же касается подмеченного в этой ситуации раздражения, — если оно не было спровоцировано корреспондентом и действительно имело место, — то это еще один пример тех проблем, которые возникают на пересечении ценностей различных культур, пример того, насколько сложно каждому из нас отказаться от традиции, требующей для подобных ситуаций соблюдения принципа «око за око».

Психологический смысл отказа от стремления к победе и «боевого» преимущества принципа уважения и любви к противнику, возможно, более ясно виден на примерах современной психотерапевтической практики. Хорошо известен эффект так называемого «невротического порочного круга», когда интенсивное стремление человека выиграть, показаться с лучшей стороны, добиться цели во что бы то ни стало неизбежно приводит его к поражению, неуспеху. Механизм этого явления описан в работах психотерапевта Владимира Леви. Ничего не стоит пройти лежащему на земле широкому бревну, но что будет, если то же самое бревно подвешено над пропастью? И здесь мы сталкиваемся с проблемой страха и его преодоления. Очевидно: чем сильнее страх упасть с бревна, тем больше вероятность того, что это случится. То же мы наблюдаем и в процессе единоборства. Чем сильнее стремление к победе, чем более высока ее психологическая значимость, тем выше, соответственно, и цена поражения, тем сильнее страх — «А что если — он меня?». Именно этот страх ослабевает, создает те моменты, когда полностью отвлекает на себя внимание, а противник и наносит решающий удар. Вы получаете эффективную «обратную связь», доказывающую правоту вашего страха, и намерены перебороть себя и противника в следующий раз и победить непременно, и цена победы становится еще более высокой, но точно так же возрастает и цена страха — и вот вы вступаете в единоборство — и...

Разорвать этот круг может только принципиальное смещение ценностей и смыслов встречи, где цель — победа, но не над противником, а над самим собой, где действие направляет не абстрактная идея доказательства своего превосходства, а естественное ощущение движения своего и противника «здесь и теперь», в каждый

данный момент; где каждый становится лишь «зеркалом» для отражения состояний противника и сам противник — не враг, но тот, кому помогаете вы и кто так же точно помогает вам.

Данный пример — лишь один из многих парадоксов, возникающих на долгом пути освоения боевых искусств. Говорить о них можно много, поскольку практически каждый — блестящий образец психологической диалектики, сильнодействующий психотерапевтический принцип, выработанный опытом и мудростью многих поколений. Результатом освоения этих принципов в идеале оказывается действительно сильный телом и духом, независимый и уверенный в себе человек, — и не здесь ли одна из

причин того, что боевые искусства столь упорно, вплоть до уголовной ответственности, «закрывались» у нас до самого последнего времени?

Но — таковы идеалы. Наряду с ними существует и реальность наших дней, со своими проблемами. Невозможно пересадить одну культуру на другую почву так, чтобы она прижилась без трансформаций и искажений. Характерный штрих: многие школы боевых искусств превратились у нас в секции «рукопашного боя», и не только по названию, но и по тому, что они взяли от восточных традиций: элементы «дзюцу», технику боя, игнорировав остальное. Не связано ли это с характерным для нашей культуры, отмеченным уже многими публи-

цистами, стремлением к простоте и очевидности в действиях и решениях, нетерпимостью к реальной сложности жизненных ситуаций? В работе этих секций можно усмотреть и культивируемый десятилетиями «образ врага», и нетерпимость к нему. Крайне своеобразен в некоторых случаях и «культ сэнсэя», менее всего похожий на смысл отношения к Учителю в традициях боевых школ Востока.

Как видим, в проблеме развития восточных боевых искусств в нашей стране вопросов пока гораздо больше, чем ответов. Наш центр продолжает исследования, и мы с благодарностью примем помощь всех заинтересованных в этой теме специалистов.

ИЗ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ (по В. Далю)

Декабрь год кончает, зиму начина-
ет.

18 ноября (1 декабря). Платон и Роман. Каков Платон, такова и зима. Платон да Роман кажут зиму нам.

21 (4). Введение Богородицы во храм. Введение пришло, зиму привело. Введение ломает леденье (бывают оттепели). Введенские морозы зимы не ставят.

24 (7). Екатерининские гулянья: первое катание на санях. На Екатеринин день и на Андрея Первозванного **30(13)** гадают.

26 (9). День св. Егория, Юрьев день. На Руси два Егорья: один холодный (осенью), другой голодный (весной). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! (Старый срок перехода крестьян, запряженного Борисом Годуновым.)

29 (12). Парамон. На Парамона снег — быть метелям до Николы (т. е. в течение недели).

4 (17) декабря. Варвара. Сильные морозы. Трещит Варюха — береги нос и ухо!

5 (18). Савва.

6 (19). Никола-зимний. Никольские морозы. Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибывает. Хвали зиму после Николина дня. Красна никольщина пивом да пирогами.

9 (22). На зачатие св. Анны беременным бабам пост.

12 (25). Спиридона солноворота, поворота. Солнце на лето, зима на мороз. На Спиридона медведь в берлоге поворачивается на другой бок. После солноворота хоть на воробьиный скок, да прибудет дня.

16 (29). Пророка Аггея, **17 (30)** — Даниила. Коли на Аггея сильный мороз, то он простоят до Крещенья. На Аггея и Даниила иней (оттепель) — будут теплые святки.

Даты указаны по старому и (в скобках) новому стилю.

Ура! Мы расширяемся!

Американские астрофизики определили скорость движения группы галактик, расположенных на «поверхности» своеобразного пузыря, внедренного в так называемую Большую Стену — недавно обнаруженное скопление галактик длиной 500 миллионов, шириной 200 миллионов, а толщиной 15 миллионов световых лет.

Точные измерения позволили оценить массу этих образований. Выяснилось, что и этого вклада в остаток массы Вселенной после Большого взрыва недостаточно, чтобы остановить разлет материи.

По последним данным средняя плотность всей массы составляет менее трети той, которая привела бы к остановке расширения, а затем и к сжатию.

Если так оно на самом деле, то нам не угрожает огненная смерть в сжимающейся Вселенной через миллиарды лет. С другой стороны — насколько приятно медленное остывание?

Хорошо забытое старое...

Идея этой много лет. Ученые и инженеры ходят вокруг нее кругами, как лисы вокруг винограда. Но сейчас идея близка к своей материализации.

Итак, из пушки — в космическое пространство. В январе 1991 года Ливерморская национальная лаборатория (США) собирается испытать опытный образец. Длина ствола этого чудовища — почти 1 километр. 5-килограммовый снаряд предполагается забросить на высоту 200 километров. Если испытания пройдут успешно, то в окончательном варианте пушка будет выводить на орбиту полезные грузы почти в 4 тонны.

А там рукой подать и до Луны. Жаль, не увидит этого выстрела Жюль Верн!

Солнце помолодело!

Д. Гентер из Йельского университета (США) установил, что возраст Солнца составляет 4,49 миллиардов лет, а не

4,7 миллиардов, как считалось ранее. Этот срок более совместим с возрастом самых древних метеоритов, которые образовались раньше, чем Солнце начало свое горение.

Приятно помолодеть этак на 200 миллионов лет!

Во всем кометы виноваты!

Существует предположение, что во времена весьма отдаленные Марс имел атмосферу с давлением, подобным давлению земной атмосферы. Увы, сейчас осталось только жалкое подобие атмосферы.

Д. Мелош и Э. Викиери (Аризонский университет) полагают, что причиной исчезновения атмосферы являются кометы и астероиды.

Падение таких объектов сопровождается взрывом с образованием струи горячих газов, которые уносят в космическое пространство часть окружающей атмосферы.

Недаром древние считали, что кометы — не к добру!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

К. КАСТАНЕДА

23 июня 1961 г., пятница.

Стать
охотником

Присев, я сразу набросился на дона Хуана с вопросами. Он не отвечал, лишь нетерпеливо махнул рукой, приказывая замолчать.

Кажется, он был настроен серьезно.

— Ты хочешь изучать растения, но сам за это время ничуть не изменился — вот о чем я думаю, — начал он.

Он громко перечислил все изменения, которые я должен был бы произвести в своем характере. Я отвечал, что хорошенько обдумал его советы и понял: следовать им не могу, они совершенно противоположны моей натуре. На это он заметил, что его советы недостаточно просто «обдумывать», он их дает не развлечения ради.

Пусть я не стал жить так, как он считает нужным, сказал я, но мне все же очень хочется изучать растения. Воцарилось долгое напряженное молчание. Наконец, я собрался с духом:

— Дон Хуан, расскажите мне о пейоте.

Он сказал, что одного желания изучать растения мало, наука о пейоте — он впервые назвал его «Мескалитом» — дело сложное. И разговор оборвался.

Тем не менее к вечеру он придумал для меня испытание. На площадке у порога, где мы обычно беседовали, я должен был найти «благоприятное пятно» — место, на котором мне было бы покойно и радостно. Загадал загадку... Добрую часть ночи я искал это «пятно», катаясь по твердо убитой земле, и дважды заметил изменение цвета на темном земляном полу.

Поиски утомили меня, и я уснул на одном из тех мест, где менялся цвет. Наутро дон Хуан разбудил меня и объявил, что вчерашний опыт удался: я нашел не только заданное мне «благоприятное» место, но и противоположное ему «враждебное», или «худое», а также уловил их цвета.

24 июня 1961 г., суббота.

Ранним утром мы вышли в пустыню. По дороге дон Хуан рассказал, что человек, живущий среди дикой природы, обязательно должен уметь находить «благоприятные» и «враждебные» места. Я попытался перевести разговор на пейот, но он решительно воспротивился и велел больше об этом не заговаривать; нужно будет — он сам скажет.

Мы присели отдохнуть в тени высокого кустарника. Вокруг курчавились густые заросли, роса на них еще не просохла; день занимался жаркий, и мошकारа уже донимала, я то и дело отмахивался. Дон Хуан же сидел совершенно спокойно. Не замечает, что ли? Приглядевшись, я понял, что на лицо ему мошकारа не садится.

Иногда нужно быстро отыскать благоприятное место где-нибудь на воле, — продолжал он. — Или определить, не на худом ли месте ты собрался отдохнуть. Помнишь, когда мы сидели у одного холма, ты очень рассердился и расстроился? Для тебя это было враждебное место, и ворона предупредила тебя.

Я действительно помнил, как он потом советовал избегать ту стоянку. Но сердился-то я тогда из-за того, что он не дал мне поспать...

— Сначала я решил, что ворона — знак для меня одного, — говорил дон Хуан. — Но оказывается, вороны и к тебе дружелюбны.

— Как вы сказали?

— Ворона — это знак. Будь тебе об этом известно, ты бы бежал от того места, как от чумы. Но ворона не всегда

может предупредить об опасности, и нужно самому уметь найти подходящую стоянку.

Он надолго замолчал, а потом вдруг повернулся ко мне и сказал, что для этого достаточно скосить глаза. Он заговорщицки посмотрел на меня и заметил, что именно это я и сделал, катаясь по земле у порога, и именно поэтому нашел оба места и уловил их цвета. Он от меня такой ловкости не ожидал.

— Понятия не имею, отчего это вышло, — признался я.

— Оттого, что ты скосил глаза, — сказал он внушительно. — Ты применил этот прием, только вспомнить не можешь.

И дон Хуан принялся подробно описывать «прием». Учатся ему годами, состоит же он в том, что человек постепенно начинает видеть один и тот же предмет отдельно правым и левым глазом. Две картинки не сливаются больше в единый образ, и возникает своего рода двойственное восприятие мира. По словам дон Хуана, как раз оно и позволяет улавливать неразличимые простым глазом изменения в природе.

Он предложил мне попробовать, зрению это не повредит. Взглядывать нужно быстро и коротко, как бы краем глаза. Он выбрал большой куст и, показывая, как смотреть, кинул несколько странных молниеносных взглядов — точно хитрый зверек, не умеющий глядеть прямо.

Мы снова тронулись, и примерно с час я пытался не смотреть в упор. Затем дон Хуан сказал, что пора разделить восприятия глаз. Еще через полчаса у меня страшно разболелась голова и я прекратил попытки.

— Сможешь сам найти подходящую стоянку? — спросил он.

Я не знал, как ее искать. Он терпеливо объяснил, что если бросать вокруг короткие взгляды, увидится необычное.

— Что же именно?

— Даже не увидится, а почувствуется. Посмотришь на куст, на дерево или скалу, рядом с которыми хочешь присесть, и сразу почувствуешь, хорошее это место или нет.

Я снова попытался дознаться, что же я должен чувствовать, но он или не мог, или не хотел объяснить. Мне предстояло выбрать место, а дон Хуан скажет, усвоил ли я прием.

Я принялся осматриваться и скоро заметил на земле слабый отблеск — так свет отражается от гальки. Стоило взглянуться пристальней — отблеск пропал; виделся он только если смотреть краем глаза. Место это приходилось на середину открытой, залитой солнцем площадки, ровной и лысой. Я указал на нее дону Хуану. Тот громогласно расхохотался и спросил, отчего я выбрал это место. Я объяснил, что видел там отблеск.

— Да хоть слона... Важно не то, что видишь, а то, что чувствуешь.

Но я ничего не чувствовал. Он загадочно взглянул на меня и сказал, что с большим удовольствием сел бы там вместе со мной, но лучше посидит в стороне, а я пока должен проверить свой выбор.

Я уселся на проплешине, а дон Хуан отошел шагов на десять и оттуда поглядывал на меня с любопытством. Потом начал громко смеяться. Его смех раздражал, выводил из себя. Старик явно надо мной потешался. Я окончательно разозлился: зачем я здесь? Что-то подозрительное было во всем нашем общении. Я был пешкой в умелых руках!

Внезапно дон Хуан бросился ко мне, схватил за руку и, не сбаывая хода, волоком потащил прочь. Остановился, помог подняться, утер себе пот со лба. Я понял, что выложился он до предела. Он похлопал меня по спине.

и сказал, что место я выбрал «худое», оно вот-вот взяло бы надо мной власть, и пришлось спешно меня вызволять. Я рассмеялся. Очень уж забавно: сидел, хохотал надо мной, и вдруг подхватился, как юноша, тащит меня за собой.

Вскоре он снова велел искать подходящую стоянку. Мы долго бродили по пустыне, но я ничего не мог найти и ничего не «чувствовал». Я больше не сердился на дону Хуана, но все же не вполне успокоился, и, возможно, поэтому не замечал ничего особенного. Наконец, он указал на какие-то скалы, и мы остановились.

Не расстраивайся. Так быстро правильно смотреть не научишься.

Я промолчал. Я вообще не понимал, что это такое — «правильно смотреть», и вовсе не думал расстраиваться. Однако приходилось признать: уже второй раз, посидев на месте, которое дон Хуан считал «худым», я буквально задыхался от злости и раздражения.

— Весь фокус в том, чтобы научиться чувствовать взглядом, — продолжал он. — Ты пока не знаешь, что надо чувствовать, но со временем это придет, только пробуй.

— А вы объясните, дон Хуан.

— Нет, объяснить нельзя.

— Почему?

— Потому что это ощущение — не жар и не холод, не свет и не тьма. А что-то совсем другое.

— Разве нельзя его описать?

— Нет. Можно лишь показать прием... Когда научишься раздваивать образ, смотри внимательно в щель между двумя картинками. Существенные изменения происходят именно там.

— А что это за изменения?

— Это неважно. Важно то, что ты почувствуешь. Сегодня ты различил отблеск, но это еще ничего не значит, ведь ты при этом не «чувствовал». Все люди разные, и я не могу сказать, что ты должен чувствовать. К этому приходишь сам.

Мы промолчали. Дон Хуан лег, надвинул на глаза шляпу и замер, возможно, даже уснул. Я углубился в записи. Он вдруг шевельнулся, порывисто сел и посмотрел на меня.

— Ты — прирожденный охотник. Охоте и будешь учиться. О растениях отныне забудь. — Он выпятил челюсть и добавил, добродушно рассмеявшись: — Мы, впрочем, и так о них не часто вспоминали...

Остаток дня мы бродили по пустыне, и он подробнейшим образом рассказывал о гремучих змеях: в каких местах живут, и как подбираются к жертве, и как ведут себя в разные времена года, и какие у них ухватки. Каждое свое утверждение он развивал и доказывал, а под конец поймал и убил огромную змею; отрезал ей голову, освежевал, а мясо поджарил. Прodelывал он все сноровисто и красиво, и я, глядя на него, просто наслаждался.

Принявшись за змеиное мясо, я с отвращением вернулся в обыкновенный мир: откусил, начал жевать, и меня тут же затошнило. Чем была вызвана тошнота, неизвестно, потому что мясо было отличное, но мой желудок не поддавался доводам рассудка. Дон Хуан так хохотал — я думал, у него сердце не выдержит.

Полужинав, мы расположились на долгий отдых в тени скал. Я принялся за свои записи и с изумлением обнаружил, как много он рассказывал о змеях.

— В тебе проснулся охотничий дух, — вдруг совершенно серьезно сказал дон Хуан. — Теперь ты на крючке. Что?

Мне хотелось, чтобы он объяснил, но он лишь рассмеялся и повторил сказанное.

— Что это значит — «на крючке»? — настаивал я.

— Что охотник своего дела не бросит. Я и сам охотник, знаю.

— Охотой вы зарабатываете на жизнь?

— Охотой я жив... И жить могу где угодно, мне и дом не нужен. Быть охотником — значит много знать и смотреть на мир не так, как все. Охотник должен ощущать свою равнозначность всем прочим существам, иначе охота будет пустым занятием. Вот мы сегодня убили змейку. Я изви-

нился перед ней за то, что так внезапно и решительно оборвал ее жизнь; но все же я спокойно убил ее, потому что знаю — моя жизнь оборвется так же внезапно и решительно. Выходит, человек и змея равны.

— Охотясь, я никогда не думал о такой равнозначности.

— Неправда. Ты ведь не просто убивал, твоя семья питалась дичью.

Он говорил уверенно, будто бы близко знал нашу семью. Впрочем, он был прав. Когда-то я действительно добывал дичь для всей семьи.

Помнявшись, я спросил:

— А откуда вы знаете?

— Кое-что я просто знаю, и все. Откуда, не объяснишь.

Я рассказал, как мои тетушки и дядюшки вполне серьезно называли «фазанами» всех птиц, что я вытаскивал из охотничьей сумки.

Дон Хуан заметил, что легко представляет, как они и воробышка называли бы «фазанчиком», и тут же комически изобразил, как бы они жевали птичку: отчаянно заработал челюстями, точно у него во рту и впрямь целый воробей с косточками.

— Я уверен, что, у тебя способности к охоте, — сказал он, пристально глядя на меня. — Мы с тобой взяли за дело не с того конца. Быть может, ты захочешь измениться, чтобы стать охотником.

Он напомнил, что я сам, лишь чуть-чуть постаравшись, выяснил: на свете есть хорошие и плохие места, и у каждого свой цвет.

— Потому я и говорю, что ты прирожденный охотник, — заключил он. — Далеко не всякий сразу отыщет «пятна» и различит их цвет.

«Стать охотником»... Очень, конечно, мило и романтично, но вместе с тем глупо. К тому же я никогда особенно не жаловал охоту.

— А жаловать ее вовсе не обязательно, — возразил он. — Главное — мастерство. Самые лучшие охотники не любят охоты, они просто хорошо охотятся...

Дон Хуан, пожалуй, переспорил бы кого угодно, хотя сам утверждал, что разговаривать не любителю.

— Это как с охотой, — объяснил он. — Любви тут никакой не нужно. Просто я в этом деле мастер: умею разговаривать с людьми.

Я подивился живости его ума.

— Охотник должен быть человеком исключительно твердым, — продолжал он. — В его жизни нет места случайности. Тебе нужно перемениться; я все время пытаюсь убедить тебя в этом, но до сих пор тебе не за что было ухватиться. Теперь все пойдет иначе. Я разбудил в тебе давний охотничий дух, с его помощью ты, может, и переменишься.

Я сказал, что совсем не хочу становиться охотником. В начале нашего знакомства я собирался лишь разузнать кое-что о лекарственных растениях, но он так далеко увел меня от этой цели, что теперь я не уверен и в ней.

— И отлично, — сказал он. — Пусть не будет определенной цели — может быть, станешь скромнее. Или скажем по-другому: тебе все равно, чему учиться — применению ли лекарственных растений, охоте ли... Ты сам говорил, что тебе интересно все, что может рассказать собеседник. Так?

Как-то, пытаясь очертить, чем занимаются антропологи, и склонить дону Хуана к сотрудничеству, я действительно говорил это.

Дон Хуан хихикнул — он явно чувствовал себя хозяином ситуации — и, будто читал мои мысли, продолжил:

— Я — охотник, и в моей жизни нет места случайности. Пожалуй, пора тебе узнать, что когда-то я жил совсем по-другому. Но однажды мне пришлось совершенно перемениться, я выучился и стал охотником. А теперь я указываю путь тебе, веду тебя. Я знаю, что говорю: я не сам это выдумал, меня научили.

— Вы хотите сказать, дон Хуан, что у вас тоже был учитель?

— Отвечу так: меня научили охотиться, а теперь я точно так же буду учить тебя... Раньше охота была

важнейшим человеческим занятием, а охотники — сильнейшими из людей. Слабый не мог быть охотником — не выдержал бы тягот такой жизни.

— А когда это было?

— Раньше...

— А все-таки? Что значит «раньше»?

— Может быть, давным-давно, а может быть, сейчас, сегодня. Это не важно. Когда-то все понимали, что охотники — лучшие из людей. Теперь это понимают далеко не все, но все же довольно многие. Например, я сам.

— Наверное, все индейцы яки ценят охотников?

— Нет, не все.

— А индейцы пима?

— Тоже не все.

Я назвал еще несколько соседних племен. Мне хотелось, чтобы он подтвердил: в охоту верит определенный народ. Но он избегал прямого ответа.

— Зачем вы мне все это рассказываете, дон Хуан? — спросил я.

— Я действую на тебя, — проговорил он тихо. — Раньше на тебя подобным образом действовали другие; когда-нибудь придется действовать на людей и тебе. Теперь же, можно сказать, мой черед... Было время, я только ныл и жаловался на жизнь. Причины горевать у меня, правда, были: я индеец, а с индейцами обращаются хуже, чем с собаками. Поправить я ничего не мог, только и оставалось, что сокрушаться. Но судьба сжалась надо мной, меня научили охотиться. И я понял, что жить по-прежнему не стоит и труда; я захотел быть охотником, уважать себя — и переменял всю свою жизнь.

— Но я-то вполне доволен своей жизнью. Зачем мне ее менять?

Он замурлыкал, кивая в ритм, мексиканскую песенку...

— Как ты думаешь, мы с тобой ровня? — резко спросил он.

У меня зазвенело в ушах, как будто он крикнул. На самом деле он не кричал, но был в его голосе металлический скрежет, и мне заложило уши. Вообще, в них давно позуживало, и я то и дело нервно прочищал их мизинцем. Я и сейчас сунул палец в левое и сильно потряс рукой.

Дон Хуан наблюдал с нескрываемым удовольствием.

— Ну так что? Мы — ровня?

— Разумеется, — ответил я.

Я, конечно, проявил снисхождение. К старику я относился тепло, хоть и не всегда его понимал; однако, в глубине души, я ставил себя, студента, человека из просвещенного западного мира, выше какого-то индейца.

Нет, мы — не ровня, — произнес он спокойно.

— Да почему же...

— Не ровня, — совсем тихо сказал он. — Я — охотник и воин, а ты — сводник.

У меня просто рот открылся от изумления. Может, послышалось? Я выронил тетрадь и уставился на него.

Он же смотрел спокойно и сосредоточенно. Вскоре я отвел взгляд. Тогда он заговорил. Слова он выговаривал очень четко, и они накатывали на меня плавно и неотвратимо... Я не живу сам, а как бы сводничаю — устраиваю чужие дела; не в своей битве сражаюсь, а кручусь в чужих; по-настоящему мне не нужны ни лекарственные растения, ни охота — ничего... Его, дон-хуановский мир выверенных чувств, решений и поступков неизмеримо выше несчастной бессмыслицы, что я зову «своей жизнью».

Я онемел. Он сказал все это без всякой заносчивости — размеренно и властно. И гнев мой утих.

Мы молчали. Я был подавлен. Не знал, что сказать. Я ждал, что первым заговорит дон Хуан. Прошло много времени. Дон Хуан на глазах каменел, погружался в пугающую неподвижность.

К полноточи я окончательно понял, что, при нужде, он так и останется, замерев, в дикой пустыне, меж скал, — хотя бы и навсегда. Его мир выверенных чувств, решений и поступков был, действительно, выше всего.

Продолжение следует

Занимательная

Греция: рассказы о древнегреческой цивилизации

Михаил ГАСПАРОВ

Продолжаем публикацию очерков М. Гаспарова о древнегреческой цивилизации. Они выйдут отдельной книгой в ассоциации «Мир культуры».

Чем кончилась Троянская война

Этот рассказ — только для тех, кто хорошо помнит миф о Троянской войне: от похищения Елены до падения Трои*. Один из его эпизодов излагается в национальной поэме греческого народа — «Илиаде» легендарного Гомера. А сейчас вы узнаете, как один из греков с самым серьезным видом — чтобы было забавнее — доказывает, что «на самом деле» все должно было быть иначе: Елена не была похищена, и Троя не была взята. Этого грека звали Дион Златоуст. Он жил уже во времена Римской империи. Он был странствующим философом и оратором: разъезжал по греческим городам и произносил речи на самые разнообразные темы. Он был умный человек и, как мы увидим, не лишенный чувства юмора. Эту свою речь он произнес перед жителями Трои. Да, Трои: на месте легендарной столицы царя Приама через несколько веков был построен греческий городок. Он был маленький и захудалый, но гордился своим славным именем. Итак, слово философу Диону по прозвищу Златоуст.

«Друзья мои троянцы, человека легко обманывать, трудно учить, а еще трудней переучивать. Гомер своим рассказом о Троянской войне обманывал человечество почти тысячу лет. Я докажу это с совершенной убедительностью; и все-таки я предчувствую, что вы не захотите мне поверить. Жаль! Когда мне не хотят верить аргосцы, это понятно: я отнимаю у их

* Сказания о завоевании ахейцами (предками греков классической эпохи) Трои — города на северо-западе Малой Азии — изложены в поэмах Гомера и «Энеиде» Вергилия. Поводом к войне считалось похищение Парисом Елены — прекрасной супруги греческого царя Менелая. Греческие войска возглавил брат Менелая — Агамемнон. Война длилась около десяти лет. От стрелы Париса погиб Ахилл — прославленный герой греков. Позднее был убит и Парис. Взять Трою грекам удалось хитростью: они соорудили огромного деревянного коня, спрятав внутри воинов, и смогли убедить троянцев ввести коня в город, чтобы посвятить его богине Афине. Из уцелевших после разгрома Трои представителей местного царского рода более всего известны прорицательница Кассандра и Эней — легендарный герой римлян. Странствия Менелая и Одиссея по пути на родину стали темой самостоятельного эпического сказания. Историчность Троянской войны подтверждена в конце XIX века раскопками Г. Шлимана, хотя реальная Троя оказалась много меньше гомеровской. С завоеванием предками греков побережья Малой Азии некоторые исследователи связывают переселение на Апеннинский полуостров этрусков.

предков славу победы над Троей. Но когда мне не хотят верить троянцы, это обидно: им же должно быть приятно, что я восстанавливаю честь их предков-победенных. Что делать! Люди падки до славы — даже когда она дурная. Люди не хотят быть, но хотят слыть страдальцами.

Может быть, мне скажут, что такой великий поэт, как Гомер, не мог быть обманщиком? Напротив! Гомер был слепым нищим-певцом, он бродил по Греции, пел свои песни на пирах перед греческими князьями и питался их подаванием. И, конечно, все, о чем он пел, он перетолковывал так, чтобы это было приятнее его слушателям. Да и то ведь — заметьте! — он описывает лишь один эпизод войны, от гнева Ахилла до смерти Гектора. Описать такие бредни, как похищение Елены или разорение Трои, — на это даже у него не хватило духу. Это сделали обманутые им более поздние поэты.

Гомер.

Как же все было на самом деле? Давайте посмотрим на историю Троянской войны: что в ней правдоподобно, а что нет.

Нам говорят, что у спартанской царевны, Елены Прекрасной, было много женихов; она выбрала из них Менелая и стала его женой; но прошло несколько лет, в Спарту приехал троянский царевич Парис, обольстил ее, похитил и увез в Трою, Менелай и остальные бывшие женихи Елены двинулись походом на Трою, и так началась война. Правдоподобно ли это? Нет! Неужели чужеземец, приезжий мог так легко увлечь за собой греческую царицу? Неужели муж, отец, братья так плохо следили за Еленой, что позволили ее похитить? Неужели троянцы, увидев у своих стен греческое войско, не захотели выдать Елену, а предпочли долгую и погубительную войну? Допустим, их склонил на это Парис. Но ведь потом Парис погиб, а троянцы все-таки не выдали Елену — она стала женой его брата Деифоба. Нет, скорее всего, все было иначе. Действительно, у Елены было много женихов. И одним из этих женихов был Парис. Что было за душой у греческих вождей, сватавшихся к Елене? Клочок земли да громкое звание царя. А Парис был царевичем Трои, а Троя владела почти всей Азией, а в Азии были несметные богатства. Что же удивительного, что родители Елены предпочли всем грекам-женихам троянца Париса? Елену выдали за Париса, и он увез ее в Трою как законную жену. Греки, конечно, были недовольны: во-первых, было обидно, во-вторых, уплывало из рук богатое приданое, в-третьих, было опасно, что могучая Троя начинает вмешиваться в греческие дела. Оскорбленные женихи (конечно, каждый был оскорблен за себя; за обиду

одного лишь Менелая они бы и пальцем не шевельнули!) двинулись походом на Трою и потребовали выдачи Елены. Троянцы отказались, потому что они знали: правда на их стороне, и боги будут за них. Тогда началась война.

Теперь подумаем: велико ли было греческое войско под Троей? Конечно, нет: много ли народу увезешь на кораблях за тридевять земель? Это был, так сказать, небольшой десантный отряд, достаточный, чтобы грабить окрестные берега, но недостаточный, чтобы взять город. И действительно: девять лет стоят греки под Троей, но ни о каких победах и подвигах мы ничего не слышим. Вот разве что Ахилл убивает троянского мальчика-царевича Троила, когда тот выходит к ручью за водой. Хорош подвиг — могучий герой убивает мальчишку! И разве не видно из этого рассказа, как слабы в действительности были греки: даже мальчик, царский сын, безбоязненно выходит по воду за городские ворота.

Но вот приходит десятый год войны — начинается действие «Илиады» Гомера. С чего оно начинается? Лучший греческий герой Ахилл ссорится с главным греческим вождем Агамемноном, Агамемнон созывает войско на сходку, и оказывается, что войско так и рвется бросить осаду и пуститься в обратный путь. Что ж, это вполне правдоподобно, ссоры начальников и ропот солдат — самое естественное дело на десятом году неудачной войны. Затем троянцы наступают, теснят греков, отбрасывают их к самому лагерю, потом к самым кораблям, — что ж, и это правдоподобно, даже Гомер не смог здесь извратить действительный ход событий. Правда, он старается отвлечь внимание читателя описанием поединков Менелая с Парисом, Аякса с Гектором — поединков, доблестно

закончившихся вничью. Но ведь это известный прием: когда на войне дела плохи и армия отступает, то в донесениях всегда кратенько и мимоходом пишут об отступлении, а зато очень пространно — о каком-нибудь подвиге такого-то и такого-то удалого солдата.

Теперь — самое главное. Слушайте внимательно, друзья мои троянцы: я буду перечислять только факты, а вы сами судите, какое их толкование убедительней. В первый день троянского натиска Ахилл не участвует в бою: он еще сердит на Агамемнона. Но вот во второй день навстречу троянцам выходит могучий греческий герой в доспехах Ахилла. Он храбро сражается, убивает нескольких троянских воинов, а потом сходится с Гектором и гибнет. В знак победы Гектор снимает и уносит его доспехи. Кто был этот воин в доспехах Ахилла? Каждому понятно: это был сам Ахилл, это он выступил на помощь своим, и это он погиб от руки Гектора. Но грекам обидно было это признать — и вот Гомер изобретает самую фантастическую из своих выдумок. Он говорит: в доспехах был не Ахилл, а его друг Патрокл; Гектор убил Патрокла, а Ахилл на следующий день вышел на бой и отомстил за друга, убив Гектора. Но кто же поверит, чтобы Ахилл послал своего лучшего друга на верную смерть? Кто поверит, что Патрокл пал в бою, когда курганы всех героев Троянской войны до сих пор стоят недалеко от Трои, и кургана Патрокла среди них нет? Наконец, кто поверит, что сам Гефест ковал для Ахилла новые доспехи, что сама Афина помогала Ахиллу убить Гектора, а вокруг бился друг с другом остальные боги — кто за греков, кто за троянцев? Все это детские сказки!

Итак, Ахилл погиб, сраженный Гектором. После этого дела греков пошли совсем плохо. Между тем к троянцам подходили все новые и новые подкрепления: то Мемнон с эфиопами, то Пенфесилей с амазонками. (А союзники, известное дело, помогают только тем, кто побеждает: если бы троянцы терпели поражения, все бы их давно покинули!) Наконец греки попросили мира. Договорились, что во искупление несправедливой войны они поставят на берегу деревянную статую коня в дар Афин Палладе. Так и сделали, а потом греки отплыли по домам. Что же касается истории о том, будто в деревянном коне сидели лучшие греческие герои и будто отплывшие греки вернулись под покровом ночи, проникли в Трою, овладели ей и разорили ее, — все это настолько неправдоподобно, что даже не нуждается в опровержении. Греки выдумали это, чтобы не так стыдно было возвращаться на родину. А как по-вашему, когда царь Ксеркс, разбитый греками, возвращался к себе в Персию, о чем он объявил своим подданным? Он объявил, что ходил

походом на заморское племя греков, разбил их войско при Фермопилах, убил их царя Леонида, разорил их столичный город Афины (и все это была святая правда!), наложил на них дань и возвращается с победой. Вот и все; персы были очень довольны.

Наконец, посмотрим, как вели себя греки и троянцы после войны. Греки отплыли от Трои наспех, в бурную пору года, не все вместе, а каждый порознь: так бывает после поражений и раздоров. А что ждало их на родине? Агамемнон был убит, Диомед — изгнан, у Одиссея женихи разграбили все имущество, — так встречают не победителей, а побежденных. Недаром Менелай на обратном пути столько мешкал в Египте, а Одиссей — по всем концам света: они просто боялись показаться дома после бесславного поражения. А троянцы? Проходит совсем немного времени после мнимого падения Трои — и мы видим, что троянец Эней с друзьями завоевывает Италию, троянец Гелен — Эпир, троянец Антенор — Венецию: право же, они совсем не похожи на побежденных, а скорее на победителей. И это не выдумка: во всех этих местах до сих пор стоят города, основанные, по преданию, троянскими героями, и среди этих городов — основанный потомками Энея великий Рим.

Вы не верите мне, друзья мои троянцы? Рассказ Гомера кажется вам красивее и интереснее? Что ж, я этого ожидал: выдумка всегда красивей правды. Но подумайте о том, как ужасна война, как неистовы зверства победителей, представьте себе, как Неоптолем убивает старца Приама и малютку Астианакта, как отрывают от алтаря Кассандру, как царевну Поликсену приносят в жертву на могиле Ахилла, — и вы сами согласитесь, что куда лучше тот исход войны, который описал я, куда лучше, что греки так и не взяли Трои!»

Этот Дион Златоуст, безусловно, хорошо владел приемами софистов, умевших доказывать все, что угодно. О них — следующий рассказ.

Софисты и софизмы

Подчинение раба господину, подчинение жены мужу, подчинение младших старшим, подчинение гражданина государству, подчинение человека богам, — это были неписанные законы греческой жизни. И чем больше греки в своих народных собраниях сочиняли писаных законов, в каждом городе — своих, тем крепче они помнили про эти неписанные, для всей Эллады — общие.

Писанные законы можно было обсуждать, дополнять, совершенствовать, они менялись по многу раз на глазах у каждого. Неписанные оставались такими же, как при прадедах. И вот мыслящие люди Греции один за другим стали задумываться: хорошо ли это? Точно ли они вечны и едины для всех? Может быть, и они держатся не «по природе», а «по уговору»? Может быть, и их стоило бы пересмотреть?

Гражданин должен подчиняться государству? Но государство меняется: что вчера было незаконным, то завтра будет законным; где же здесь «вечное»? Раб должен подчиняться господину? Но человек сегодня свободен, а завтра попал в плен и стал рабом: разве это «по природе»? Младшие должны подчиняться старшим? Но вот у греков принято стариков почитать, а у индейских дикарей — убивать и поедать; что же здесь «единое для всех»? Человек должен подчиняться богам? А, собственно, знаем ли мы, что такое эти боги?

Здесь любой слушатель приходил в ужас и начинал, ничего не слушая, бранить своего мыслящего собеседника за такое кощунство. А тот невозмутимо отвечал: «Я ведь не утверждаю, что все именно так и есть, — я лишь говорю, что мне так кажется. Если тебе кажется иначе — попробуй доказать, что все обстоит иначе; если получится убедительно — я с радостью с тобой соглашусь. И, пожалуйста, не сердись: я ведь только предлагаю обсудить «что такое боги?» и «хорошо ли поедать стариков?» так же трезво, со всеми за и против, как ты обсуждаешь в народном собрании, «а не взимать ли с приезжих рыбаков лишний грош налога».

«Но я не умею доказывать такие вещи!» — говорил собеседник. «Не умеешь? Как же будешь ты спорить и в народном собрании и в суде? Что ж, тогда возьми урок у меня: мы давно уже заметили все приемы, какими Перикл-олимпиец и другие ораторы убеждают народ, и я охотно им тебя научу. Захочешь — докажешь, что стариков надо почитать, а захочешь — докажешь, надо поедать. Но имей в виду, стоить это будет не дешево». — «Кто же ты такой, что не учишь нас, что нам говорить, а учишь, как нам говорить?» — «Как бы сказать? Я не «мудрец», обладатель мудрости; не «философ», искатель мудрости; я — «софист», специалист по мудрости!»

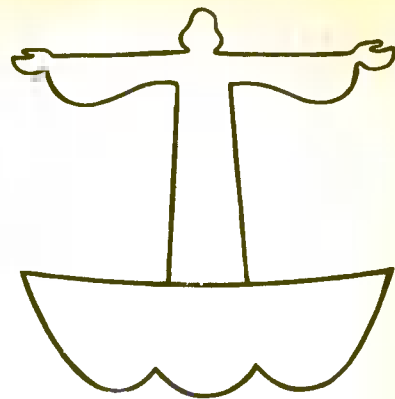
Такие софисты стали появляться в Афинах еще при Перикле. Народ сбегался их слушать: говорили они завораживающе, а спорить умели на любую тему — и за и против. Богачи платили им за уроки такие большие деньги, что софист Горгий пожертвовал в Дельфы золотую статую за доходы с учения.

Правда, всех смущало: а вдруг этому искусству убеждать научатся дурные люди и употребят его во вред? Но софисты отвечали: «Это нас уже не касается. Мы — как кузнец, который продает покупателю нож; а зарежут ли этим ножом курицу или родного отца, — кузнец не в ответе».

И еще смущало: софисты берут плату, и большую, как какие-нибудь ремесленники; а ведь свободному человеку это стыдно! Но софисты отвечали: «Это — такая же условность, как и все у людей: «по уговору» это стыдно, а по природе — вовсе и нет». И софист Гиппий гордился тем, что знает не только все науки, но и все ремесла: сам себе выткал плащ, окрасил его пурпуром, расшил золотом, стачал сандалии, вытесал посох и выковал перстень.

Самый старший из софистов, Протагор, в молодости был дровосеком. Философ Демокрит увидел его за работой и заметил, что он связывает дрова в вязанки самым математически выгодным образом. Демокрит угадал в нем талант и сделал его своим учеником. Этому Протагору принадлежит самая знаменитая фраза всей греческой философии: «Человек есть мера всем ве-

Окончание на с. 64

«Христос в лодке».
Эмблема экуменического движения.

ЭКУМЕНА — ЧАША МИРА

Е. ЛАТЫШЕВА

Оно, конечно, веселей
пригубить, но — почто же чаша!
А не стакан, как у людей...

Александр ЗОРИН — Сандру РИГЕ,
«Юбилейное»

Они собираются вместе на квартире. Зажигают свечи, рассаживаются вокруг стола и начинают с медитации: «Если принес ты дар свой к жертвеннику и вспомнил, что имеешь против брата или сестры что-нибудь, пойдй прежде и примирись с ними, и тогда принеси дар твой... Слуга Божий есть слуга человеков. Взаимно прощая друг друга, прося блага ближним и дальним, примиримся все во Христе. Будем искать прозрение и силу и мир душе своей, дабы стать миротворцами мира...».

Затем следует общая молитва, совместное чтение Священного Писания, дискуссии, пение, стихи. Со-переживание, со-причастность, со-творчество Это — Агапе — братская грапеца верующих, близких по духу людей. И единая всехристианская молитва Отче Наш соединяет здесь католика и православного, старообрядца и лютеранина.

Христиане-экумены, как они себя называют, не хотят мириться с тем, что «современный христианин скорее знает с кем нельзя причащаться, чем тех, кто подходит с ним к Чаше» (Чаша, 1988, 2, с. 35). Исповедуя общехристианский символ веры, они допускают свободу в выборе верующими форм богослужения. Они говорят: «Мы решительно отвергаем дух конфессиональной узости, приводящей к

утрате живой связи с Богом и людьми».

Первая экуменическая община у нас в стране возникла около двадцати лет назад в Москве. Ее основателем стал Сандр Рига — философ и художник. «Богем», маргинал, сменивший множество профессий и увлечений, в 30 лет он испытал глубокий кризис и вдруг почувствовал призвание проповедовать единство христианских церквей. Что же подтолкнуло его духовные искания в экуменическое русло? Может быть, детские впечатления уроженца Риги, выросшего в семье католички и православного, или сама атмосфера города не только многонационального, но и многоконфессионального.

Еще несколько лет назад общине приходилось трудно. Каждую минуту она находилась под угрозой разгона, обвинений в антисоветской пропаганде. Тем не менее и под административным прессом она развивалась и умножалась. Экуменические группы появились и в Ленинграде, Риге, Душанбе, Житомире, Ташкенте, постепенно приобретая характер движения. В 1983—1985 годах за проповедь экуменизма были репрессированы Сандр Рига, органистка костела в Житомире София Беляк, католический священник из Душанбе Иосиф Свидницкий, рижский поэт Владимир Френкель. В 1987 году они были амнистированы.

Экумену характеризует универсальный символ — это чаша. И та, что «не минует», как образ избранного однажды и навсегда пути, и апокалипсическая чаша Божьего гнева, и чаша спасения. В первом же и основном своем значении — это сосуд для совершения Евхаристии (Причастия), а поскольку евхаристическая практика у всех церквей разнится, именно здесь, как считают сторонники движения, проходит полоса разделения между верующими христианами, которую, собственно, и необходимо преодолеть. У общины свой гимн и герб:

**На шите веры
серый пепел покаяния,
светоносный белый
крест
и мы — грешники в
черной ладье.**

Есть в этом (мнение чисто субъективное) некоторая театральность и декоративность. Но разве удивительно, что люди заботливо выращивали этот экзотический цветок в то время, когда наша повседневная духовная жизнь была так уныла, бедна и одноцветна.

Но вот что бросается в глаза человеку со стороны — это уровень, высота духовных притязаний и сознание собственного избранничества. Вот такая, к примеру, декларация: «Сегодняшний мир во многом напоминает Иудейскую пустыню («В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное... приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» — Мф. 3:1—3). Задача Экумены аналогична задаче Иоанна Кре-

стителя — быть «гласом вопиющего в пустыне» (3. Станкевич. Чаша, 1988, 2, с. 37).

Чего здесь больше: действительного самосознания, желания соответствовать высокой задаче или элемента игры взрослых интеллектуалов? По-человечески, во всяком случае, объяснимо: может ли быть несерьезным дело, на которое люди решили положить жизнь, чем они будут идейно питать и морально поддерживать себя, если не имеют далеко вынесенных целей? И не есть ли подобное мессианство концептуальным оправданием или тайным знаком иного, подспудного, глубоко личного. И не является ли этим, глубоко личным потребностью творческого самовыражения. А поскольку с самого начала община была сориентирована на художественное творчество, в ней оказалось немало художников, артистов, поэтов. Среди них и те, кто пережил крушение честолюбивых творческих планов, и, оказавшись на обочине, медленно спивались. Их, тосковавших о жизни «по вертикали» или сходявших с ума от вынужденной немоты, Экумена буквально спасла.

И когда теоретики движения пишут о «лирическом богословии» или «времени святых гениев», сознательно, нет ли, они попадают в жизненно важную точку всей экуменической концепции: творчество — кратчайший путь от человека к Богу и всеединству людей. Интуитивно постигая Бога посредством открывающейся гармонии, художник соединяется в духе со всем человечеством, потому что перед лицом Творца исчезают все национальные, конфессиональные и прочие различия и остается человеческое братство. В этом сила «вдохновенного христианства», поднятого на щит Экумены.

Впрочем, многим верующим творчество художников-экуменов, вероятно, должно восприниматься как еретическое. Ведь их творческой мысли и фантазии пределы не поставлены. Здесь не действуют каноны, а традиции церковной живописи или стихосложения переосмыслены и скорректированы каждым на собственную творческую индивидуальность, они пишут сочинения на вольную тему, исповедуя как принцип: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, и во всем любовь».

Естественно, любое творчество не живет без читателя, слушателя, зрителя. Экуменическая община совместно с близким по духу и направлению Союзом искусств «Латерна магика» организует где возможно встречи, вечера, концерты. Например, в фойе клуба — выставка религиозной живописи, а наверху, в зале — спектакль театра «Волшебный фонарь». В антракте, перед выступлением музыкантов и поэтов, продаются журналы экуменического общества.

Кстати о журналах. Их два: «Призыв» (1971), прошедший горнило застойного времени, и «Чаша» (1988). На их страницах — богословские размышления и христианская публицистика, главы из Библии и отдельные комментарии, историче-

ские очерки и духовная поэзия. Выручка от распространения этих 50—100 страничных, печатаемых ксероспособом, альманахов (в строгом смысле это альманахи, так как выходят нерегулярно) почти не покрывает затраты на их производство. Но это не останавливает энтузиастов, потому что важнее всего, и денег, и славы, — быть услышанным и поделиться с другими тем, что открываешь как истину. Вот и получается, что на поверхности, даже слегка на котурнах — некое Новое Слово, торжественно возвещаемое «городу и миру», а в сокровенном — неутолимая жажда самовыражения и творческого соучастия.

Быть вместе, быть понятым — как хлеб, преломленный вдвоем. Не здесь ли секрет общинного дружества? А иначе почему эти разные, разбросанные по белу свету люди начали искать поддержку друг в друге. Мировоззренческая близость? Безусловно. Но, очевидно, помимо и превыше этого сказалась потребность в прямом, доверительном общении, любви и участии, в том, чего многим сегодня так не хватает. Одни переживают свои невзгоды в стильном одиночестве, другие — в тесном кругу единомышленников. Экумена возрождает простые и вечные истины человеческого общежития и провозглашает свой модус вивенди: жить по совести, по закону первых христиан. Они, эти первые последователи Христа, еще не знали сложных иерархических связей, не ведали конфессионального деления. Их отношения строились горизонтально, напрямую, а единственно обязательным они ставили для себя соблюдение евангельских заповедей и утверждение их в жизни реальными поступками.

Экумена также поставила во главу угла практическое делание. Члены общины посещают тюрьмы, больницы, дома престарелых. Собирают средства на реставрацию храма, помогают священнику, попавшему в трудное положение. А появились в Москве беженцы — приютили их в своих квартирах. Для детей организована школа экуменики, выходят также специальные детские номера журнала «Чаша».

Экумене шириться и углубляться — так считают сторонники этого движения, причем прямо пропорционально росту межконфессиональных и межрелигиозных конфликтов. Действительно, раньше все верующие чувствовали себя товарищами по несчастью, все испытывали на себе гнет несвободы. Сегодня же обстановка существующим образом изменилась, и уже выходит на первый план «гордыня вероисповедания», и они начинают замыкаться в своем конфессиональном кругу, не желая более общаться, испытывая к «чужакам» неприязнь. Официальный, на высшем уровне, экуменизм вряд ли здесь сделает то, на что способна «домашняя церковь» — это мнение лидеров экуменической общины. В прямом контакте разных людей, в непосредственном — от сердца к сердцу — общении видят они путь к согласию и разрешению противоречий, а в общих делах милосердия и нацеленности на творчество — лучшее средство от непонимания, нетерпимости и розни.

Тайны Восточного гороскопа

Пришла пора получше познакомиться с восточным гороскопом. В отличие от западного, европейского, в котором все зависит главным образом от месяца и числа рождения, а значит, от соответствующего ему знака Зодиака, этот гороскоп определяет типы людей и их судьбы по году, когда они появились на свет божий. И тут совершенно неважно, сколько вам лет. Главное — что это за год, какое у него место в двенадцатилетнем цикле. Давным-давно заметили люди, что течение их жизни, развитие событий подчинено 12-летнему ритму. Когда и кому открылся этот ритм, не могут точно сказать даже специалисты по восточному гороскопу и по различным календарям. Но с древнейших времен им пользовались в Китае, Японии, странах Юго-Восточной Азии. Там знали, что каждый год в 12-летнем цикле имеет свои специфические, повторяющиеся черты, так же, как и люди, родившиеся в один и тот же год цикла. Выявляя, обозначая эти черты, древние создатели гороскопа дали годам названия, связав их с образами животных. Опять же специалисты говорят, что названия эти не случайны. Об этом будет рассказано ниже. А пока напомним о последовательности лет и вычислении нужного года.

Традиция рекомендует начинать с года Крысы — так назван первый год из двенадцати. Нас, живущих в XX веке, это устраивает — год Крысы предшествует началу нашего века. Итак.

1900-й — год Крысы, 1901-й — год Быка, 1902-й — год Тигра, 1903-й — год Кота, 1904-й — год Дракона, 1905-й — год Змеи, 1906-й — год Лошади, 1907-й — год Козы, 1908-й — год Обезьяны, 1909-й — год Петуха, 1910-й — год Собаки, 1911-й — год Кабана, и снова — 1912-й — год Крысы.

Нетрудно вычислить остальные года XX века, прибавляя к этим соответствующее количество двенадцатилеток. Если к 1907 году прибавим семь раз по 12, получим 1991-й — наступающий год. Это — год КОЗЫ. О нем вы узнаете в нашей публикации немало любопытного. После этого необходимого вступления предоставляем слово Григорию КВАШЕ, известному исследователю мало известного европейцам восточного гороскопа. Вообще-то он ученый-химик, но последние пять лет настолько увлекся изучением этих, по его словам, удивительных, полных таинственных смыслов знаков, что оставил химию и целиком посвятил себя разгадке феноменов восточного гороскопа. Г. Кваша считает, что это — целая научная область, которая может оказаться весьма полезной для нашей с вами жизни, то есть она имеет

ЧТО ЗНАЧИТ «ГОРОСКОП»?

К слову «гороскоп» мы за последнее время привыкли почти так же, как к словам «экономика», «рынок», «кризис», «новое мышление» — часто слышим их по радио и телевидению. В отличие от перечисленных туманных понятий, смысл его усвоить легче, он заключен в составляющих его корнях: *гору* — от греческого «*hora*» — время, час, скоп — от «*skopeo*» — вижу, смотрю. То есть глядя не в время вашего рождения, а в ваш характер, ваши свойства, они-то и определяют вашу судьбу. Разумеется, не каждый, кто смотрит, видит. Но есть, как выяснилось, специалисты, которым ведомы тайны гороскопов. Уж они-то знают! Некоторые из них готовы раскрыть в этом году некоторые тайны нашим читателям.

ГОДЫ КОЗЫ В XX ВЕКЕ: 1907, 1919, 1931, 1943, 1955, 1967, 1979, 1991.

вполне прикладное значение. А иначе — зачем гороскопы?

СНАЧАЛА — О НАЧАЛЕ. То есть, когда, в каком месяце начинаются годы 12-летнего цикла? В хитовых по рукам туманных текстах, переводах неизвестно с какого языка, утверждается, что почти все годы начинаются по лунному календарю — с февраля. Берусь утверждать, что это не так. На самом деле, четные годы (Крыса, Тигр, Дракон, Лошадь, Обезьяна, Собака) начинаются с первых чисел января, а нечетные (остальные), и в их числе наступающий год — Козы, — с середины января. От фазы луны начало этих лет не зависит.

Хочу уверить всех еще в одном: названия годов — священная истина. Если есть в восточном гороскопе что-то безусловное, твердое, то это названия. Древние его создатели нашли аналогии типам людей в животном мире, и просто удивительно, насколько они точны. Напомню, что Восток использует образ для характеристики личности как сцепления взаимообусловленных качеств. Когда китаец, например, говорит, что какой-то человек родился в год Змеи, то и ему, и его собеседнику совершенно понятно, что имеется в виду рационализм, логика, расчет, жизненная мудрость, стремление к организации всего окружающего, но при этом и некоторая холодность, самоограничение, периодическая потеря сил, ибо, согласно гороскопу, это знак со слабой энергетикой.

Так вот, об аналогах. Когда мы с друзьями с головой погрузились в эту область, у нас возникла своего рода игра: мы

безошибочно научились угадывать год рождения, ошарашивая совершенно незнакомых людей, даже случайных прохожих. Люди, родившиеся в одинаковый год, не обязательно похожи, но ряд признаков присутствует непременно.

Крысы как крысы. У многих — неодолимая тяга к воде. Они безжалостны, любят без конца чистить свои одежды, легко переносят большие дозы спиртного, отважно вступают в мордобой.

Быки — по-бычиному упрямы, прямодлинейны, напористы, часто топорно скроемы, крикливы, основательны.

Тигры щурят глаза, скалят зубы, играют голосом, любят по-особенному одеваться, в том числе в полосатое. Походка мягкая, но строгая, едят много, особенно мясного.

Коты широко раскрытыми глазами смотрят на мир, движения их плавны, а голос то убаюкивающий, то истерически визглив.

Вот и добрались до **Дракона**, гениального изобретения древних гороскопистов. Они не сумели найти этому типу аналога в животном мире. Взгляд Дракона нефиксирован, а есть ли реальные твари с нефиксированным взглядом?

Змеи мерзуют, любят блеск и красоту, аккуратны и часто уползают в сторону.

У Лошадей раздувающиеся ноздри, горящие глаза, много порывистых, беспокойных движений, если взволнованы; благородная осанка, поднятая голова, развернутые плечи.

У Коз стеклянный взгляд, они упрямы, голос их не слишком приятен, они не боятся высоты, внешне вялы, но фактически это самый резкий знак, бодливы и драчливы. О Козе мы еще поговорим, сегодня она нас интересует более других, в связи с предстоящим годом.

Обезьяны физически очень сильные, внешне либо слащаво красивы, либо, что называется, чистые обезьяны. В еде любят невероятные сочетания (например, мармелад со щами).

Петухи моргают по-птичьи, поправляют хохолок, любят яркие одежды — красные, белые и прочие, любят заморить червячка — подзакусить, желательна мясным, горды потенцией.

Собаки скептичны, недоверчивы, часто — печальны, нередко огрызаются; в основном надежны.

Кабаны жизнерадостны, всеядны, вытаптывают почти все, почти на все им наплевать.

Наверняка вы узнали кого-то из своих знакомых.

Узнавание по внешнему виду — это уже экспериментальное доказательство реальности восточного гороскопа. Но этот эксперимент не до конца чист: в нем есть установка — отыскать в человеке зоологического аналога. Но действительно ли в нас есть черты зверя, а если есть — то в какой

степени и какие именно? Оставив эти почти эстрадные номера, мы начали поиск в культурных «завалах», среди мемуаров, воспоминаний, статей. И обнаружили столько совпадений, что они уже не казались нам случайными... Приведем лишь немногие из десятков. Судите сами.

Поэт К. Бальмонт, разумеется, ничего не зная о восточном гороскопе и не пытаясь увидеть в человеке зверя, писал об Александре Куприне: «Горячий конь, горячее вино, горячий цветок, облитый летним солнцем». А О. Мандельштам охарактеризовал Куприна кратко: «Чалый». Куприн родился в год Лошади (1870). О. Мандельштам вообще оказался проницательным. Он писал о Франсуа Вийоне, которого в глаза не видел: «Он любил в себе хищного, сухопарого зверька и дорожил своей потрепанной шкуркой». Ф. Вийон родился в год Крысы (1432). Илья Эренбург об Андрее Белом: «Андрей Белый казался призраком. Он не сидел на стуле, как все, а приподымался; казалось, еще минута — и он превратится в облако; говорил он не с собеседником, а с воображаемым обитателем воображаемой планеты... Он — блуждающий дух, не нашедший плоти, поток вне берегов». Да, конечно, Андрей Белый, вы угадали, родился в год Дракона. Эта характеристика чрезвычайно близка восточному пониманию Дракона и еще раз подтверждает гениальную неспо-

собность создателей гороскопа найти этому типу людей аналог в животном мире, в котором никак не может быть блуждающего духа, напротив, все подчинено достаточно жестким законам.

Интересно, что столь проницательными оказывались в основном люди, родившиеся в год Кота. К. Бальмонт, О. Мандельштам, И. Эренбург — «Коты». По нашим наблюдениям, не менее проницательны Лошади. «Задорный Петух», — сказал о Брюсове Бунин. Брюсов — Петух (1873), Бунин — Лошадь (1870). О музыке Рахманинова Бунин (Лошадь) сказал: «Любит петушковый стиль, шмелевское кликушество». Два попадания — и Рахманинов, и Иван Шмелев родились в год Петуха.

Совсем ясной оказалась Зинаида Гippiус, в которой Бердяева поразила «змеиная холодность», а сама она сказала о себе: «как ласковая кобра, лаская, обовьюсь». Родилась Гippiус в год Змеи — 1881-й. Еще раз напомним, что в среде российской интеллигенции не интересовались восточным гороскопом, скорее всего, о нем и не слышали.

Однако, выискивая сравнения с животными, мы не могли оторваться от восточной традиции поиска индивидуальных черт всех двенадцати знаков. Удовольствие от сравнения животного и человека, родившегося под этим знаком, — чисто мистическое: не знаю, что такое Коза, не знаю,

что такое человек, родившийся в год Козы, но сходство между ними очевидно. Нам этого было недостаточно. Не может быть, чтобы дело заключалось только в этом. Должны быть более сложные, глубокие закономерности, не столь прост восточный гороскоп, чтобы дело было только в сходстве с животным миром.

Не место подробно рассказывать здесь о том, как были открыты структуры восточного гороскопа. поверьте на слово, их оказалось шесть, и они дают многопрофильное описание всех двенадцати знаков, которое рассказывает об их психологических чертах, об отношении к обществу, о любви и браке — лучше и худшем сочетании знаков в семейной жизни, о том, какой знак обладает волей, а какой ее не имеет, кто новатор, кто завершитель, кто жалостлив, а кто жесток, кто открыт всему миру — экстраверт, а кто замкнут в себе — интроверт, какой знак обладает мистическим мышлением, а какой исключительно рационален, кто ортодокс, а кто способен к переменам в отношении к жизни.

Наши исследования (накопление и анализ огромного материала) показали, что каждый из двенадцати знаков соответствует двенадцати возрастам человека и гороскоп — это пожизненная реализация одного из этих двенадцати возрастов. Эта структура гороскопа — возрастная — необычайно интересна и имеет самые тесные

ПОРТРЕТ «КОЗЫ» В ГОРОСКОПЕ

Коза — заметный, даже выдающийся знак. Главное достоинство Козы — ее реализм. В творчестве он дает такое явление, которое мы назвали бы завершительством. (Два других заверши-

теля ее «идеологические братья» — Кот, Кабан.) Скажем, новаторское произведение — это путь к вершине, а то, что создано завершителем, — это уже вершина.

Литературное завершительство в сочетании с гуманизмом (два других гуманиста — Лошадь и Змея) приводит Козу к центральному положению в мировой литературе. Коза практически не имеет здесь конкурентов. Сервантес, Свифт, Пушкин, Бальзак, Драйзер, Пруст, Кафка — нет такой национальной литературы, на вершине которой не было бы писателя, поэта, родившегося в год Козы.

Но не всем же писать романы, реализм Козы хорош и в быту: чутье на деньги, наблюдательность, знание природы... Хороший стиль, неплохо подвешенный язык — даже без особого образования Коза всегда сойдет за интеллигента.

Козы нежны и красивы, и потому иной раз почти женоподобны. Вы можете рассчитывать на жалостливость и сострадание Козы. Но не стоит обольщаться и забывать, что эти животные вспыльчивы и упрямы.

Упрямство Козы — проявление ортодоксальности этого знака. Вместе с Собакой, Драконом и Быком он образует четверку ортодоксов — упрямых, идейных людей, постоянных в своих пристрастиях. Ортодоксальность помогает Козе к успехам в прозе прибавить успехи в поэзии, позволяет ей хорошо себя ощущать в таких сферах, как религия. Философы, родившиеся в год

Козы, склоняются к богословию (среди таковых — Сергей Булгаков).

Немаловажно знать место знака Козы в возрастной структуре гороскопа. Он соответствует возрасту от трех до семи лет, периоду, когда активно осваивается мир природы и мир слов, когда к человеку приходит чувство реальности, полноценное ощущение слова, а также осознание своего «Я». И людям, родившимся в год Козы, в большой степени свойственно это владение словом. Писатели-Козы — это серьезные, взрослые писатели, но никто, как они, не умеет легко проникать в детскую душу. Вспомните изумительные сказки Пушкина. Они — в равной степени для детей и для взрослых. Мари Твен тоже родился в год Козы.

Несколько слов о женщинах этого года. Как и мужчины, они ортодоксальны и жалостливы, как и мужчины, могут капризничать, но в отличие от Коз сильного пола, не наделенных сильной волей, женщины ею обладают. Правда, воля эта — «романтическая», не подвластная владельцу и иногда принимающая форму навязчивой идеи. Обратной стороной такой воли является мистический тип мышления. Известнейший теософ Аниа Безант — незаурядная представительница женщин этого круга.

Женщины-Козы обладают редкой способностью преодолевать мужскую холодность и комплекс неполноценности у партнера. Хотя сексуальность Козы проявляется лишь в пределах семьи — ведь Коза ортодокс, человек, следующий принятым нормам морали.

связи со всеми остальными. Немного на ней остановимся.

Вообразим, что в нас заложены 12 программ, которые реализуются лишь с наступлением соответствующего возраста, выключая предыдущую программу. Но одна из 12 работает пожизненно.

Разве вам не встречались дети, которые вдруг проявляются в чем-то как умудренные опытом старики, или, напротив, вполне взрослые люди — со всеми признаками вечного школьника, с детской удивленностью, открытостью всему новому? Тут все дело в том — проверьте! — в каком году появился человек на свет божий. Поясним подробнее. Три периода жизни человека: детство, взрослость, старость. До социума, внутри социума, после социума (над социумом) В детстве четыре возраста: новорожденный — это Петух; 1 — 2 года — малыш, это Обезьяна; 3 — 7 лет — дошкольник — Коза; 7 — 12 лет — младший школьник — Лошадь. Обратите внимание на людей, родившихся в год Лошади, с этой точки зрения, они всегда учатся, руки, что называется, в чернилах, для них нет непререкаемых авторитетов, все им надо делать самим. Они всегда полны оптимизма и энергии.

Взрослость: старший школьник — 12 — 17 лет — Бык; юноша — 17 — 25 лет — Крыса; интеллектуальный пустопляс, все еще не определившийся в оценке явлений, — 25 — 30 лет — Кабан; деятель — 32 — 40 лет — Собака.

Старение. Оно же прощание с миром, уход в себя, постижение космоса, Абсолюта, Бога и т. д. Змея соответствует возрасту 40 — 55 лет, и этому знаку всегда свойственны черты этого возраста; 55 — 70 лет — это Дракон, он, что называется, Директор, как бы заранее обладающий опытом и солидностью человек; 70 — 85 лет — Кот, это мемуарист (вспомните, Илья Эренбург — Кот, автор множества томов мемуаров); 85 лет — ??? — Тигр — патриарх, отшельник, властелин.

Возрастная структура гороскопа связана со всеми его другими структурами, это своего рода ключ ко всему гороскопу, потому с ее помощью можно многого достичь в понимании свойств человека, их проявлений и условий для их реализации.

В «идеологической» структуре — четыре тройки — в них объединяются любые персонажи гороскопа, отстоящие друг от друга на четыре года. Так вы можете вычислить своих «идеологических» братьев (и сестер), то есть людей, с которыми у вас общий язык, единый взгляд на вещи (в целом), с которыми вы легко установите взаимопонимание. Каждая тройка обладает своими специфическими чертами.

Начнем с тройки, включающей Козу. Это «три К» — Кот, Кабан, Коза. Мужчины этой тройки — самые проникательные; человеческая душа для них — открытая книга, они самые наблюдательные — от них не ускользнет никакая, самая мелкая деталь, будь их даже тысячи. Все они — готовые следователи и создатели детективов. Можно эту тройку назвать

«тройкой сыска». Но у нее есть куда более важное свойство — завершительство. Коротко говоря, это те люди, которые достигают вершины в каком-то процессе, в том числе литературном, ставят в нем последнюю точку. После них в данной сфере, в этом творческом направлении делать уже нечего. Ярчайшие завершители — Пушкин (Коза), Платонов (Кабан), Булгаков (Кот), Набоков (Кабан), Борхес (Кабан). Теперь вы и сами, наверняка, вспомните известных вам завершителей. Проверьте — они обязательно принадлежат к этой тройке.

Другая тройка — Лошадь, Тигр, Собака. Они — новаторы, они знают будущее, прокладывают новые пути, открывают новые науки, пишут книги, которым будут подражать сотни последователей. (А подражать завершителям — Набокову или Пушкину, Булгакову или Борхесу бесполезно. Попытки были и будут, но они обречены на неудачу.) Мужчины этой тройки обладают волевым типом мышления. Потому объекты их деятельности, как правило, те, которые требуют изменения, а это среди других всегда — философия, политика, проза.

Тройка — Крыса, Дракон, Обезьяна — обладает абсолютно свободным, бесконтрольным мышлением, логическая или интуиционная ошибка частый гость не только в голове, но и в конечном продукте этих деятелей, но было бы ошибкой полагать, что у них в голове нет ни одной контролирующей инстанции. На их вооружении — мистика, ею ониверяют свои действия, проще говоря, в жизни они осуществляют эмпирический перебор. И успешно.

Остались еще трое — Петух, Змея, Бык — их сочетание выглядит случайно. Но все они — логики, люди, гарантируемо решающие формализуемые задачи; интуиционные задачи, требующие подсознательного, эмоционального подхода или решения на основе жизненного опыта, им неподвластны, они больше доверяют схематичным, формальным, абстрактным доводам.

Это слабые философы, слабые политические деятели, но превосходные фантасты

и создатели мультфильмов. Особенно же хорошо людям, родившимся в эти годы, пойти в полководцы.

Есть еще историческая структура гороскопа. Но она рассказывает не о типах людей, а о ритмах истории, об особенностях каждого года в 12-летнем цикле, и об особенностях самих 12-летий, объединяющихся в свою очередь в 36-летние циклы. Что российская история XX века подчинена 12-летнему ритму, легко убедиться, просто перечислив даты: 1905, 1917, 1929, 1941, 1953. На фоне этого ритма выделяются переломные годы — 1917 — Октябрьская революция и 1953 — конец сталинской эпохи. Они образуют как бы свехритм — 36-летний. Разве мы не имеем оснований назвать переломным год, наступивший через 36 лет после 1953-го — 1989-й? — выборы 26 марта резко изменили ситуацию в стране. Исходя из исторической структуры восточного гороскопа, составлена характеристика года Козы. Итак.

ЧТО НАМ ГОТОВИТ ГОД КОЗЫ!

Чтобы определить смысл и значение предстоящего года, придется вернуться в год Змеи — революционный 1989-й. В нем заложено целых три тенденции, которые должны получить свое разрешение: в течение четырех лет (т. е. по 1993 год включительно); 12 лет, то есть по 2001 год, и, наконец, решение на 36 лет, — до 2025 года, это решение о власти.

Четырехлетнее решение гарантирует продолжение политической борьбы, немалые сложности в экономических и идеологических сферах. К сожалению, трудно ждать и реального повышения уровня жизни, поскольку оно зависит от экономических решений, которые сложатся лишь в 1993 году, по истечении указанного четырехлетия. Не может наступить и идеологическая ясность, поскольку равновесие наступит только в 1997 году.

Год Козы, как и уходящий год Лошади, пройдет в основном под знаком политической борьбы, при этом финансовые и идеологические достижения будут иметь в некотором роде политическое значение,

Рисунки А. Шумского.

способствуя продвижению людей и организаций по иерархической лестнице.

Старая, номенклатурная иерархия ломается, вместо нее создается новая. Концерны, советы всех уровней, новые предприятия, новые газеты, журналы, информационные, посреднические службы — это ее звенья. Однако новое пространство общественной иерархии не может оставаться неустойчивым бесконечно — к 1993 году структуры власти и управления должны стабилизироваться.

Если в 1989-м в основном принимались решения и мало делалось, то в 1990 году многое уже претворялось в жизнь. Достаточно вспомнить, сколько новых изданий открылось, сколько политических партий заявило о себе, не говоря уже о Советах, кабинетах министров и других аналогичных структурах.

В наступающем году значительно сократятся процессы «наработки»: ни новых партий, ни новых газет не предвидится. Уверен, что распадутся многие скоропали-

Суть 12-летнего разрешения проблем, заложенных годом Змеи, состоит в том, что на этот период в стране, по крайней мере на территории России, наступил период открытости, консолидации и единения. Люди, родившиеся в годы Кота, Лошади, Петуха и Крысы, будут организовывать, возглавлять, объединять и символизировать. Родившиеся в годы Змеи, Обезьяны, Кабана и отчасти — Тигра испытывают спад активности, их начинания не будут давать максимальных результатов. Среднее положение будет у Козы, Собаки, Быка, Дракона.

Поскольку консолидация реально началась лишь в прошлом году, в дальнейшем эта тенденция усилится — тех, кто ощутил резкую перемену в жизни уже в 1989 году, ждут дальнейшие изменения.

И наконец, решение, рассчитанное на 36 лет. Оно реализуется почти незаметно. Медленно, но верно произойдет смена престижности и оплачиваемости разных профессий. Растет спрос на бухгалтеров, людей издательских профессий, врачей, учителей. Тенденция эта сохранится. Ключ к оценке находится в близости к сферам информации, координации и транспорта. Но это нюансы весьма долговременного решения. Ведь 36-летний цикл только начался.

Однако давайте отключимся от социальных проблем и посмотрим, что несет год Козы в других планах.

Мужская воля в год Козы слабеет, женская усиливается. Значит, энергетический баланс в целом не нарушится. Мы все станем капризней и упрямей, но сохраним прошлогоднюю доброжелательность и

тельно открытые предприятия, в том числе и периодические издания. Год Козы покажет, кто как работал в год Лошади, который, как ему и положено, был годом труда. Те, кто не сидел сложа руки, получит в 1991 году реальные результаты своих усилий. Для упустивших свое время, год Козы будет тяжелым.

В 1989 году словно бы возникали зародыши кристаллов, в 1990-м шел их активный рост, в 1991-м начинается «перекристаллизация» — растворение, исчезновение мелких кристаллов и рост крупных

веру в людей. Веселее пойдут дела у милиции и финансистов, усилятся процессы демократизации в армии.

Классический прогноз на год Козы, безусловно, благоприятен для тех, кто родился в годы Кота, Козы и Кабана. Менее благоприятен он для Быка, Петуха и Змеи. Для Крысы, Дракона, Обезьяны классический прогноз обещает отдых, а Тигра, Собаку, Лошадь ждут некоторые новые дела и путешествия. Если попытаться совместить этот прогноз с социальными ритмами, то хотел бы посоветовать

Змее и Тигру быть осторожными и осмотрительными. Коту, Крысе и Лошади в этом смысле год будет благоприятствовать.

Часто на лекциях, в письмах, которых я получаю множество после моих публикаций в массовой печати, меня спрашивают: какой знак самый лучший в каком году предпочтительнее было бы родиться, чтобы быть счастливым и добиться успеха в жизни. Ответ мой основан на анализе огромного количества человеческих судеб, исторических и литературных биографий, работы соавторов, коллективов, известных и малоизвестных людей, жизни семей, в которых встретились люди разных знаков. Кратко его можно сформулировать так: **ПЛОХИХ ЗНАКОВ НЕТ!** Люди чаще всего несчастны, испытывают дискомфорт, плохо делают свое дело, терпят неудачи, а то и полный крах, вплоть до самоубийства, только потому, что занялись не тем, что им написано на роду, знаясь за дело, для которого у них нет необходимых качеств, их не заложила природа. Или они неудачники потому, что соединили свою жизнь с человеком совсем иной психологической организации, с которым у них не может быть общего языка. «Это мы и сами знаем, — скажут мне. — Но как узнать, чем именно заняться, с каким человеком лучше всего связать судьбу? Путем проб и ошибок?» Нет, ни в коем случае. Подсказка содержится в структурах восточного гороскопа. Он дает ответ на очень многое, вплоть до того, какому типу женщин или мужчин предназначено быть президентами, королями, директорами и т. д. А какому — не дай бог Установлено, например, что значительное число самоубийц-мужчин родилось в год Змеи. У этого знака слабый энергетический запас, вспомните, знак Змеи адекватен возрасту 40—55 лет — это время, когда происходит сброс энергии, человек отключается от ее источников, от жизненного оптимизма, а энергосберегающий механизм, который появляется у трех последних возрастов (Дракон, Кот, Тигр), у Змеи отсутствует. Любой перерасход энергии приводит к срыву. Спасение лишь в профессии, адекватной этому знаку. Это общее правило, но особенно оно важно для Змеи. Наиболее точно соответствует ей военное дело, живопись (в этой сфере мужчины-Змеи занимают центральное место), театр, кино. Им следует быть как можно дальше от политики, от идеологии. Помочь Змее может не только правильно выбранная профессия, но и правильно выбранная жена. Лучше всего Лошадь с ее неисчислимым запасом жизненного оптимизма. Кстати, в восточном гороскопе существует структура брака и любви, которая часто предупреждает, что вас ждет в браке с тем или иным «знаком», а там — решайте сами. Я надеюсь познакомить с этой очень важной структурой читателей «Науки и религии» в одном из следующих номеров, скорее всего, в мартовском — «женском». Итак, до встречи на страницах журнала — для дальнейших бесед о восточном гороскопе. С Новым Годом! Имейте в виду, что все мы, в каком бы году ни родились, в 1991-м будем немного «Козами»

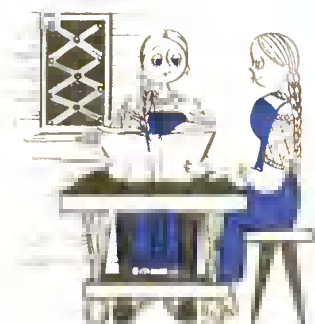

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...

Все знают, что самое лучшее время для гаданий — святки, святые дни — с 25 декабря (7 января) — от дня Рождества Христова и до 6 (19) января — праздника Крещения. Почему именно эти? Возможно, потому, что еще в дохристианские — языческие времена древние славяне в эти дни (период зимнего солнцеворота) исполняли религиозно-магические обряды, связанные с культом природы, в которых были и заклинания, и гадания. Без этих обрядов нельзя было надеяться на хороший урожай, приплод скота. Язычество ушло, обряды остались. Ворожба и гадание, с точки зрения христианства, нежелательны, но что поделешь с силой привычки! И как тысячу лет назад, на святках гадают люди, все желают знать, что будет завтра. Если вы забыли или не знали, как надо гадать, загляните в книгу «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», изданную в 1880 году. Понимая, что не у каждого она под рукой, мы приводим некоторые «инструкции» из этого весьма интересного сборника.

Вполне допускаем, что у вас в хозяйстве может не оказаться лошади, петуха или курицы, необходимых для некоторых способов гадания. Но уж зеркало или любимая книга наверняка есть.

● Выводят из конюшни лошадей, не иначе как через оглоблю, или чрез какую-либо жердь. Зацепит лошадь за оглоблю, или жердь ногами, значит девушке попадетсся муж сердитый, а с сердитым мужем — много ли счастья? Когда же лошадь удобно перешагнет, не зацепив жердь или

оглоблю, то девушке предостанит счастливое житье со смирным, ласковым мужем

● Берут несколько луковиц и замечают каждую из них; эти луковицы кладут на землю; чья луковица ранее даст росток, та из девушек выйдет прежде других замуж.

● Если девушка желает узнать: проживет ли она этот год? То, взяв в руки березовую лучину, бежит к роднику реки или к колодцу, мочит эту лучину и, возвратившись домой, зажигает ее на огне; у которой скоро загорится она, то это знак долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умрет; у которой будет гореть с треском и гореть не особенно ровно, то в течение года гадающая будет хворать.

● Берут какую-нибудь книгу, желательно духовного содержания и, не раскрывая ее, задают себе цифру страницы и строчку сверху или снизу, наобум. Потом открывают эту страницу и читают. То, что вычитается из определенной неизвестно страницы и строчки, служит ответом на задуманный вопрос. Если будет ответ не прямой, то его растолкуют по-своему.

● Связывают хвостами вместе петуха и курицу и сажают под решето и наблюдают, которая из птиц потянет за собой другую. Если петух, то для загадывающей особы муж будет ее держать в руках строго, если же курица потащит петуха, то значит жена будет начальствовать над мужем.

● Снимают с ноги башмак, бросают, не глядя, за ворота, куда носком он повернулся, с той стороны и ждать суженого.

● Гадание на зеркалах доступно только самым смелым девушкам, которым более осознанно и более серьезно хочется ознакомиться со своим будущим. Гадание в зеркале, или наведение зеркал, всегда сопря-

жено с тишиною и молчанием, а вместе с тем с безлюдностью, для чего избирается ночь.

Это рискованное занятие подробно описано в балладе «Светлана» русского поэта В. А. Жуковского:

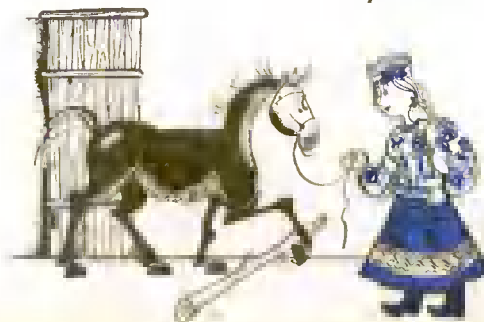
Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.
Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... тетюхонько замком

Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блещит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...

Мы привели лишь несколько из множества способов святочных гаданий. «Тайный мрак грядущих дней, что сулишь душе моей, радость или кручину?» — люди надеются, что гадание поможет им заглянуть в будущее. Рискнем? Проверим, верны ли предложенные способы? Но если плохие предсказания не сбываются, мы не будем сетовать на несовершенство этих способов.

Рисунки В. Шарковой.

V

То случилось ночью, когда дремота сплюснула его думы горячим своим дыханием. Сквозь крепнущий сон он явственно услышал колокольный звон: несколько мелодичных ударов, подолгу вибрирующих в ушах. Но колокол он слышал прежде, днем. Он шел по городской площади и увидел, как около беленного известкой храма несколько рабочих окапывают со всех сторон громадный горб, зеленый от времени. Кругом толпились народ, кучкой жались богобоязненные старушки, — бородастый поп, приподымая полы рясы, стоял на краю ямы и тихим голосом просил рабочих не уродовать горб кирпичами.

Горб вывернули из земли краном. Старушки охнули и закрились. С горба смели остатки земли, и тогда поп, покрестившись на купол, взял лом и двинул им по горбу.

Ночью Паля слышал звон. Слышал сквозь сон; позже — проснувшись. Ночь он коротал за заводскими конюшнями, зарывшись в кучу навоза и запустив по плечи руки в горячую его прель. Навоз оберегал его от стужи. Тело зудело выступающим потом. А Паля слышал натекающий от церковки медный гул, ощущал лицом колеблемый им воздух, и еще он чувствовал, как из города улетает зло. Это днем оно будет копиться в людях, днем его будут бросать друг другу в лицо, прятаться за него, торговать им. А ночью люди спят и зло сотворенное и несотворенное оставляет их души.

В эту ночь Паля почувствовал внутреннее расслоение. Накануне он тосковал по матери, тосковал по сытной своей, прежней, жизни. Он даже всплакнул бесшумно, отходя ко сну. Но в полночь, проснувшись от колокольного звона, он почувствовал, как сердце его, ленивое до переживаний, раскрывается широкими толчками, изгоняя из себя себя прежнего. Левая сторона Палиного тела от плеча и до пятки натекла жаркой слабостью. Что-то новое, томительное, входило в него горячей волной.

Когда сон снова обретет над ним власть, Пале приснится долина смерти. Во сне он ощутит обман, поймет, что дорога в долину долга. Но новой своей сущностью он осознает всю легкость конечного результата. Он возмечтает о долине смерти наяву и не услышит, как на рассвете, от города в степь, принимая мертвые травы и дробно сотрясая землю, проскачет, фыкая и пыля, табун лошадей.

На третий день блужданий по городу Паля сошелся с Никитой.

— Никита, — представился тот, отведя Палю за торговые лотки на базарной площади. При этом один его глаз пустил слезу, и он сказал. — Если твоя душа больна для каких-нибудь мук, я ее исцелю.

Паля не знал о состоянии своей души; на всякий случай он промолчал. Никита вытеревший грязный волос и объяснил свою миссию:

— Мы не бродяги. Мы ходим по свету и забираем у людей грехи. Вот, верующие, — сказал он, — не лебеди, а в Красную книгу записаны. Что будет, если воробьев не станет? Ничего не будет. А если последний верующий падет — люди перестанут быть людьми, встанут на карачки и начнут друг друга жрать.

После таких слов Паля полюбил Никиту и не захотел с ним расставаться. Никита кормил его печеной в золе картошкой и учил непротивлению злу:

— Тебя бьют, — говорил он, утирая грязным обшлагом слезящиеся глаза, — а ты не противься. Поворотись к ним душой, раскрой для побоев, пусть кровотоцит. Если есть в них жалость человеческая, пусть восстыдятся. Если нет, пусть язвы души твоей во сны к ним приходят.

Душа Палина была, как чистый лист бумаги. Все прежние надписи смыло с него время. Не осталось там упоминаний о матери, доме. Паля чувствовал неизбывную сердечную легкость, пустоту, и хотел побыстрее наполнить себя новым жизненным содержанием, чтобы было что нести в долину смерти. Первым в нее вошел Никита, старый дядька, грязный и хромоу, с лицом, измятым жизнью. От него, как и от Пали, пахло кислой прелью. Он встречал дни не как

другие смертные. Он был для дней, а не дни для него. Он не планировал время, а поддавался его стройному течению, не зная заранее, куда оно его вынесет. Никита отождествлял время с вечностью, считал его неизбежным устоем, пред которым человек — жалкое ничтожество, — и благоговел перед ним. Дробление времени на единицы — по Никите — было величайшим из преступлений. Человечество, таким образом, предопределило свое трагическое будущее, вычленив себя из вечности и определив сроки своей гибели.

В молодости Никита был вором-домушником, вором на интерес. Он любил не столько опасное свое ремесло, сколько своеобразные запахи людских жилищ. Никита выполз из голодного, болезненного детства. Выполз, хотя много раз должен был погибнуть. И став вором, коллекционировал потом в душе запахи обеспеченных жилищ. И чем богаче была квартира, тем с большим остервенением обрадовался он ее, мстя за загубленное свое детство, отца-пропойцу и замученную работой и безденежьем мать, высохшую к сорока годам и покорно принявшую смерть.

Это позже он придет к Богу. И Бог существующий не удовлетворит его. И Никита создаст своего Бога, свою веру. Он оттолкнется от времени и вернется в конечном итоге к нему. Он определит себя мессией, уверовав в то, что ночью, во сне, ему было пророческое видение, и утром он вышел из сна с тавром в душе, определившим его суть на служение Богу. Он не станет замалчивать грехи, он будет вбрасывать их. Предназначение свое он узрит в том, чтобы ходить по свету, и, неся в люди слово Божье, вбрасывать в себя наибольшее количество грехов, чтобы поменьше их оставалось для смертных. Он готовился предстать перед Страшным судом, дабы принять от него последнюю вечную муку, уготованную ему временем. Когда Паля повстречался с ним, Никита набирал себе апостолов, готовясь до морозов тронуться в путь и к декабрю поспеть в Туркестан на перезимовку.

— Для Божьего слова ты, парень, подходящий, — сказал Никита. — Ты мягкий как пластилин. Я сделаю из тебя апостола.

Всю вторую половину дня он водил Палю по рынку и учил красть с возов овощи.

Главное, не напрягайся, — говорил наставительно. — А ежели заметят, веди себя так, будто действием своим великую милость им оказываешь. Оно так и есть. Ведь ты апостол. Свято то место, которого коснутся твои члены. И еще — пищу красть не грех. Ибо рождает ее земля, и кто-то берет ее из земли, а кто-то с воза. Но коли люди, любящие творить грехи, определили, что это грех, то возьми его на себя, избавь от него другого, который мог идти следом и украсть то, что не украл ты.

Паля был послушным учеником. Он брал с возов картошку и огурцы, и торговцы, поглядев ему в глаза, не решались бить его по рукам, а отворачивались, либо лениво гнали прочь. Паля набивал овощами запазуху, а Никита радовался его удаче.

— У нас с тобой пойдет дело. Из тебя добрым апостол выйдет. Ты их магнетизируешь.

На ночь он привел Палю в заводскую теплотрассу. Там, на грудях тряпья, поверх горячих труб, сидели люди и молча ждали, когда в котелке, на примусе, сварится овощная похлебка. Они никак не отреагировали на приход Никиты и новичка. Они только на мгновение подняли на них глаза и тут же опустили.

— С нами Бог, — поприветствовал их Никита. И кивнул на Палю. — Наш новый апостол — Павел. — Потом он представил Пале своих друзей. — Это твои братья и сестра, — сказал. — Люби их.

Паля полюбил своих братьев и сестру прежде, чем ему удалось разглядеть их лица. Братьев было двое: страдающий одышкой толстяк, потный от жары, и одноногий старик, не расстающийся с костылями даже во сне. Толстяк жаловался всем на здоровье и этим стремился вызвать к себе жалость, а одноногий знал, что он никому не нужен, и боялся потерять костыли, потому что без них он не сможет передвигаться и погибнет от голода.

При виде сестры в Пале колыхнулось что-то далекое, забытое. От оплывшего ее багрового лица он почувствовал на сердце щемящую печаль. Сестра

ДОРОГА КРАЕМ ТРОПАСТИ

А ЧХАКОВ

Повесть

Продолжение Начало в 11

тоже оглядела молодое его тело и сказала, лениво подбирая слова:

— Я тебя вылечу своим грехом. Ты возьмешь в себя мой грех, а я возьму в себя твой.

Братья промолчали, а Никита возразил: — Не трогай его. Я его для вдов сберегу. Он нам пригодится в дороге. А с сифилисом он кому будет нужен?

— Для вдов он не сгодится, — сказала сестра. — Он жидкий.

— Ничего, мы будем грузить на него весь наш груз, и он станет твердым.

Толстый брат обрадовался на эти слова, потому что не любил в пути нести тяжести, а одноногий успокоился. Он возревновал было сестру к Пале, слова же Никиты укротили в нем ревность. Он снова будет безраздельно владеть ею по ночам, ибо давно уже страдает дурной болезнью и терять ему нечего.

Ночью Никита доводил до Пали суть своей религии:

— Ты слабоумный, — сказал он Пале, — тебе это заучивать не надо. Но ты должен почувствовать правду моего слова.

Он достал из-за пазухи тетрадку и стал читать, что вписал в нее в минуты общения с Богом.

Слов Палия не понимал, но он чувствовал, как душа его, распахнутая для новых впечатлений, томится входящими в нее звуками. Пале хотелось есть, ожидая за послушание награды, он сидел молча, слушая Никиту.

Толстяк задремал, прикрыв в уголке. В другом углу, в темноте, одноногий злобно любил названную сестру. Новая религия позволяла общаться с Богом, занимаясь при этом каким-нибудь делом.

— Ихний Бог напугал людей, — говорил Никита. — Он запрещал им многие удовольствия. А мой Бог не запрещает. Только он для немногих. И те, для кого он есть, могут делать все, что захотят. Главное — уберечь других от дурных поступков.

Толстяк в этом месте проснулся и внятно сказал «борель». Он часто повторял это слово, тоскуя при этом.

— А может, ты и есть тот Бог? — сказал из своего угла одноногий.

— Я посланник его, — голосом посланника ответил Никита.

— А почему ты с ним связался? Грехов много, или любишь их?

— Я грешить хоть сейчас перестану. Но мне людей жалко. И жалче всех баб с детьми.

— А по мне, будь ты хоть сам Бог, — одноногий закричал, выбираясь из угла, и добавил уставшим от любви и общения голосом. — Ты складно врешь, и тебя власти боятся.

Готовясь ко сну, Никита сказал сестре: — Не трогай его, а то изгоню.

Он дорожил чистотой Палиного здоровья и хотел извлечь из него выгоду для своей религии.

Утро дало вялый толчок Палиным мыслям. Серое, пасмурное, оно вылилось в души братьев неизбывной тоской. Толстяк жалел себя за слабое здоровье, сестра урбсила, зарывшись в тряпье, — и только Никита, радуясь новому дню, встретил его придуманной на днях молитвой.

— Ваш Бог в вас самих, — сказал он, помолившись. — Грешите против него, грешите против себя, — на том свете зачтется.

Религия его признавала наличие потусторонней жизни.

Палию тяготило общество братьев. Только с Никитой ему было хорошо. Он проснулся раньше других и выпил из котелка вчерашний суп. Пробудившись, братья не

озлились на него за такой поступок. Поев огурцов, добытых накануне, они снова распознали по углам, и как Никита ни усовестивал, поднять их для жизни и полезных действий ему не удалось.

— Ладно, — сказал он безнадежным голосом, — это тоже ваш грех. — И увел Палию в город.

Маленький городишко шумел недавним событием. В церковном дворе был открыт колокол, и церковь испросила у местных властей разрешение для водворения его на прежнее место, на колокольню. Но из области пришла бумага, запретившая эту акцию. В ней говорилось, что колокол в свое время был спрятан от гнева народного, и власть существующая не может простить такого противоправного действия даже за истечение такого большого срока. От верующих был снаряжен гонец в Москву. Местный исполком, дабы замолить оплошность перед областью, решил забрать колокол для переплавки; этому воспротивились верующие и комитет по охране памятников.

Никита и Палия ходили по городу и видели вокруг себя много встревоженных людей.

Город был настолько мал, что горожане знали друг друга в лицо и по характеру. В городе не было крупных предприятий, жители его кормились мелким производством, собственным хозяйством, а души теплили незначительными событиями и происшествиями. Вот уже больше года в городе ничего не случалось. За прошлое лето сгорела заводская конюшня, в пожаре был повивен пьяный сторож, который и схлопотал три года тюрьмы. Событие это давно уже не волновало горожан. И они были рады теперь тягбе с колоколом.

В воскресенье народ собрался у храма. Верующие — чтобы пожаловаться Богу на местный исполком, неверующие — чтобы изгнать из душ годовалую скуку.

Когда Никита и Палия вошли в церковный двор, там уже собралось много народу. Люди тихо обсуждали случившееся и ждали, когда к ним, на крыльцо, выйдет поп, чтобы сказать свою точку зрения.

Никита и здесь не преминул высказать истину:

— Церковь отделена от государства, — сказал он, глядя в сторону, но так, чтобы его слышало большее количество людей, — значит, своим добром вправе распоряжаться сама. Подвесить колокол на колокольню может. Это бить в него надо испрашивая разрешение. А подвесить — не надо. Ибо и колокол, и колокольня — церковное имущество. А ежели будете бояться, то на каждую иконку разрешение станете спрашивать.

— Так-то оно так, — возразили Никите, — но у властей бумага с печатью, а в ней написано, что нельзя.

— У властей много бумаги, и много печатей. Они тебе что хочь запретят, — сказал на это Никита. — Однако и самим пентюхами быть не надо. Смотрите в законы, там правда моих слов.

Но горожане не знали, о каких законах идет речь. Они верили в магическую силу печати, а доверять пришелице не могли еще и потому, что в случае ошибки расплачиваться пришлось бы самим. Никто не хотел брать на себя такую ответственность.

— Ты, дядя, видно, все законы знаешь, — сказали они с обидой. — Что ж тогда по свету бродишь, дома не имеешь?

— Я за вас, грешников, крест свой на Страшный суд несу. Чтобы вам на том свете не корчиться в огне.

Горожане удивились:

— А что за нас нести? Мы сами...

— Ты лучше штаны себе новые купи! — крикнули из толпы. — А о том свете каждый за себя подумает!

Никита горько усмехнулся.

— Видал? — сказал он Пале. — Им мое слово не нужно. Они сами не знают, что им нужно. А попадут на тот свет и каяться начнут. И все тогда вспомнят: и меня, и колокол.

Он взял Палию за руку и повел его к церковному крыльцу. У дверей сидели юродивые и переругивались в полголоса:

— Ты, сучье вымя, ступай на свой Каштык! — говорил один. — Жри там свою солонину. Рожа у тебя для подающих грязна!

Второй прятал в лохмотья свое лицо и боязливо огрызался:

— Я вот в харю-то вцеплюсь, сунься только! Я тебе глаза-то повывтыкаю!

Никита оглядел юродивых, послушал, о чем они говорят, и сказал:

— Нет, эти в апостолы не годятся.

По его внутреннему убеждению, апостолами могли быть люди равнодушные к земным благам. Христос жизнью поплатился за доверчивость при подборе апостолов. Хотя, в общем-то, и знал, что Иуда его предаст. И другие предадут. Но ему достаточно было знать, что позже они расскажут, чтобы не изгнать их от себя. К тому же он до последнего часа верил в магическую силу своего слова, отвергая ту истину, что порочной толпе пророки не надобны: грешащие и жаждущие грешить скорей предпочитают видеть среди себя кровавого убийцу Варавву, нежели не поддающиеся на искушения праведника.

Никита не хотел повторять ошибок Христа и строг был в подборе апостолов...

Воскресная обедня закончилась, народ повалил из храма. Посвятив Бога в содержание внутреннего своего мира, христиане не просветлели, по обыкновению, лицами, а были опечалены все тем же событием. Выйдя на крыльцо, старушки поправляли праздничные платочки и, опустив глаза, несли сморщенные свои тела навстречу дневным заботам.

— Православные, — сказал им Никита, держа за руку Палию, — выслушайте пострадавших за веру.

Старушки любили страдания и обступили страдальцев тесным кругом.

Никита напустил на лицо послушание:

— Идем в Троицкую лавру, несем в священные места земную свою юдоль. Путь долгий, через Сибирь и Урал, через холодную Россию. Зима на носу, брат раздет. Ему бы ботинки покрепче, да ватничек. Да шапочку какую, завальщую. Помолились бы Николе-чудотворцу за сердца ваши добрые.

Никита замолчал и, опустив глаза, ждал, что скажут на это старушки.

— А долго ль идете? — спросили они.

— Всю-та жизнь. И сколь еще в пути быть — Бог весть.

— Ну, с верой дойдете, — сказали старушки. И загомонили. — С верой дойдете, с верой дойдете...

— Может, батюшке вас представить?

Никита испугался:

— Одежонку бы нам, — сказал. — Да двинем мы. Путь долгий. За беды ваши в пути Господу молиться станем. А увидим патриарха, так все ему и обскажем: в таком, дескать, приходе, такие-то беды.

— Да патриарх, поди уж, и знает.

— А не знает, так мы скажем.

Старушки повсминали: у кого что есть, но, живя на двадцать рублей в месяц, они не смогли накопить лишних вещей.

— У твоего, сердешного-то, лапища уж больно велика. Где ж таких обуток сыщешь. Да и в плечах широк.

— У меня катанки старые от старика остались, — вспомнила одна. — Возьмете, что ли? Только что мышами поточены. Так залазаете.

— Возьмем, матушка... — Никита помялся. — А скажите, тогда, есть ли у вас тут вдова: чтоб лет сорок, и без мужика, и с лица некрасива.

Старушки насторожились:

— А на что тебе, добрый человек, такая баба?

— Слово знаю. — соврал Никита. — Божье слово.

— Заговор, что ль?

— Его.

Старушки посомневались, однако сказали:

— Настя Филиппова. Восемь лет без мужика. И с лица, как горох толкли.

Никита спросил, как найти дом Насти, и откланился, не желая больше навлекать на себя внимания.

— А то заходите, за катанками! — понеслось им в спину. — Мой дом у пекарни, крыша под тесом...

До вечера они бродили по городу и искали способ заработать Пале одежду. Несколько раз проходили мимо указанной избы, но войти во двор Никита не решился и всякий раз вел Палю дальше.

— Я ведь тебя знаю, — говорил он Пале, чтобы оправдать свою нерешительность. — Ты как навалишься на жратву — стыд один. Неужто сдерживать себя не можешь? Паля улыбался и молчал.

Город жил отдельной от них жизнью. После обеда жители его распозались по дворам, вернулись к повседневному своим заботам. Русский человек не может долго хранить в себе возмущения несправедливостью, и если не взбунтуется сразу, то веками потом может терпеть притеснения, уйдя в себя. Удел целой нации — вечные страдания. Россия настолько притерпелась к ним, что душевная мука стала неотъемлемой частью ее бытия. Она полюбила этот свой удел, подобно каторжанину, который четверть века ходил в кандалах и до того свыкся с ними, что, когда пришла пора сбросить их, не смог окончательно отторгнуть, и хранил потом весь остаток жизни, и целовал ежевечерне, отходя ко сну, отшлифованное кожей железо.

Если в тот вечер, на виду у всего города, по улицам провезли на переправку колокол, вряд ли кто встал бы поперек дороги, дабы воспрепятствовать творимому. Увидев — не вступились бы, чтобы назавтра, и впоследствии, терзать себя угрызениями совести.

Никита думал обо всем этом уже в который раз. Он сам пришел к такой жизненной философии в минуты подсознательного общения с Богом. Раньше он не догадывался о наличии в себе способности докапываться до корня жизни. Но позже, когда стал задумываться над причинами противоречий человеческого общежития, обнаружил в себе цепкий ум праведника. А обнаружив — возлюбил народ, который раньше считал истоком всех своих бед. Тогда-то и зародилось в нем желание создать собственную религию.

Вечер уже кутал землю ранней синью. В домах все чаще загорались окна, а Никита, задумавшись о глобальном уделе русского человека, все никак не мог принять решение.

— А, зараза! — выругался он в голос. — Не убьет же! — И взяв Палю за руку, повел его к дому вдовы.

Вдова приняла их сурово. Долго с крыльца осматривала пришельцев с ног до головы.

— Чего надо? — спросила грозно.

Никита заволновался было, но, вспомнив о святости своей миссии, успокоился:

— Переночевать бы нам, матушка. Пострадавшие мы за веру. Идем в Троицкую лавру, в святые места.

— Какую веру, какая лара, что плетете?! — рассерчала вдова. — У меня не лара, и в Бога я не верю!

— Так ведь наш Бог — добродетель. Приют страждущих, и да воздастся тебе не на том свете, так на этом.

— Вам что, других домов нету? — продолжала сердиться вдова. — Чего ко мне приперлись?

— Народ указал...

— Те и указали, кто сами принять не хотят!

Никита, боясь, что вдова сейчас хлопнет перед ними дверь, забормотал, запинаясь от волнения:

— Мы, матушка, люди смиренные. Брат мой — тихо тронутый, я сам — бессильный. На зло не способные. Постелишь у порога — нам и то в радость.

Вдова оглядела их еще раз и пожалела:

— Ладно уж, заходите.

В доме у вдовы было бедно и сумрачно. Тускляя лампочка-сороковка скупо рассеивала мрак. От печи пахло теплыми щами, — со стола не были сметены хлебные крошки.

— На нищету мою не пеняйте, — сказала вдова, усаживая их на лавку. — С мужиком жила — пропивал все. А помер, так и тоже не на что добром обрести. Да и зачем? Укрыться есть чем, жрать тоже, а остальное — блажь.

— Истину говоришь, — поддакнул Никита. — Для человека первое дело питание. А для души оно сам себе забаву найдет.

Вдова посмотрела на него пылливо и замолчала, уйдя в хозяйственные хлопоты.

За окном густели сумерки. В них потонули затихающие сумерки готовящегося ко сну города. Люди укрывались за толстыми стенами домов, запирали двери на многочисленные запоры, боясь за беззащитные свои тела. Это днем они будут ходить без опаски, вбирая в себя впечатления и накапливая таким образом к старости мудрость, а к вечеру тела их становятся все больше уязвимыми, и самая незначительная малость может дать душе возможность вырваться наружу, и тогда весь этот слаженный человеческий механизм превратится в сбикот мяса и костей, которому один путь — в землю.

Никита достал потрепанную тетрадку и, велев Пале слушать, стал читать, почти не глядя в текст. Он читал не столько для Пали, сколько для хозяйки. И не о душе ее заботился в это время. Хотелось Никите, чтобы вдова в самом деле поверила в то, что они божьи люди.

— Все беды людские идут от распятия Христова, — читал Никита с первой страницы. — Распяв Христа, люди как бы сказали Богу: все, не желаем тошнот твоих истин, будем жить так, как хотим. Люди поделились на две кучи. Одни распяли Христа, другие оплакали его. С той поры и пошли все наши беды. С той поры, не прекращаясь, шли войны. Люди пакостили друг другу, лишали ближнего жизни стало забавой, и наказание за это положили почти никакое, ибо те, кто вершит суд, грешат не меньше других, и, создавая законы, пеклись больше о себе, и о близких своих, нежели о справедливости...

Вдова притихла в закутке, вслушиваясь в голос Никиты. Паля почувствовал, как дрогнуло и поплыло перед глазами пространство. От монотонного бормотания брата его заклолило в сон. Желание это вытеснило из тела желание пищи и, притулившись к Никите, он ощутил на лице теплое дыхание распахнувшейся навстречу бездны. Провал был стремителен и сладкотомящ. Усталое его тело, изгнавшее из себя напряжение дня, впитывало входящую в него легкость с особой сладострастностью. Душа Палина, не обремененная грехами, зависла над пылающей жаром вожделенной долиной смерти, и только знакомый голос приглушенным воркованием не позволял ей ощутить себя свободной от всего земного.

— И сказал тогда Бог: коль вы не можете уже существовать без грехов, примите новых моих посланников, наделите их апостолами, которые и будут вбирать в себя грехи ваши, дабы освободить вас от необходимости вершить их и от ответственности за них перед Страшным судом. И еще сказал Бог: не судите их, ибо ваши грехи наполняют их суть, и вас ради приняли они мучительную свою юдоль, и будут нести свой крест все-та время, покуда не предстанут перед Страшным судом, дабы отчитаться за содеянные грехи во имя счастья человеческого...

Страшный суд не грозил Палиной душе. Он шел по раскаленной долине смерти — мягко ступал, принимая поинкишие от зноя травы. Жаркая даль колебала расплывчатый горизонт, там таяли легкие, словно пушинки, облачка, — цикадные хоры шеко-тали слух ровным стрекотом. Паля вбирал в себя тепло пустынной степи, улыбался навстречу жаркому солнцу и радовался обретенному покою. Дорога, пыльная и немая, желтой лентой тянулась за горизонт. Бесконечен был путь по ней. Но он, путь, являл собой окончательный приют человека; безмолвный, таил в себе вечный покой и блаженным отдыхом вливался в души людские, явившиеся к нему, и идущие по нему в никуда.

— Болезный, эй, болезный... проснись, что ли.

Паля вышел из сна без всякого сожаления. Он даже обрадовался хлынувшему в глаза свету. Прямо перед ним стояла вдова, заслоняя большую часть кути.

— Куда в сон-то натошак. Кошмары задавят. Ступай что ли, похлебай на ночь.

Никита сидел за столом и, набивая хлебом рот, говорил хозяйским голосом:

— Глины завтра намесишь, я тебе и поправлю печку. А плитку сегодня погляжу. Может, там проводок отгорел.

— Мой-то, когда живой был, все сам делал, — сказала хозяйка, подавая Пале тарелку со щами. — Пил, как лошадь, из дома вещи уносил, а до ремесла до любого сильный был.

— Бил, тебя-то?

— А то как же. На то он и мужик.

— Ну, это ты зря, — не согласился Никита. — Баба не для битья Богом создана.

Вдова искренне удивилась:

— А для чего же? Один ей удел: детей рожать, варить, мужика обстирывать, да битье сносить. Может, это у французов культура, а только русская баба без битья и не баба вовсе.

Никита не стал больше возражать на такую жизненную позицию, а сказал, поворачивая разговор в нужное направление:

— А как мужик он тебе как. был-то?

— Чегой-то? — не поняла вдова.
— Ну, как бабе... тебе.
Хозяйка, помолчав:
— Ночью-то? Да демон! Намослаешься за день, в сон тынет, а тут он, титки наминает.

— И не трудно теперь без мужика?
— Попервости трудно было, — хозяйка вздохнула и утерла плосковатое свое лицо передником. — А потом свыклась. А теперь уж и отвыкла совсем.

Никита помолчал немного, думая о своем.

— Ты это, — сказал, — если хочешь испробовать — скажи. Чего уж там.

Хозяйка порозовела от смущения:

— Это с тобой-то?

— Да нет. Я свою мужскую потенцию еще когда в колонии сроки за веру отбывал, рукоблудством надорвал. — Никита кивнул на Палю. — Брата, вот, могу положить.

— Господи, чего мелешь-то! — рассердилась хозяйка. — Он ведь мне в сыновья годится.

— Нашла сына. Ему уж тридцать лет.

— Все одно. Грех-то какой, с больным человеком.

— Ну, что надо, то не больное. А что до греха, то тешить плоть, данную тебе Богом, — не грех. Ибо для того она и дадена.

Хозяйка рассердилась еще больше:

— И думать не смей! — закричала. — И замолчи! А то выброшу за дверь! Для этого пришел, божий человек?!

Никита понял, что перегинул, и напустил на себя виноватость:

— Ладно уж, не сердчай, — сказал покорно. — Я думал, может, тебе трудно. А так-то нам и самим в этом нужды нет. И брат мой все одно вкусу в этом не знает...

Вечером, укладывая Палю в постель, он сказал ему на ухо:

— Если надумает, — не трепыхайся. Баба она ученая, все как надо сделает. А тебе одежду заработать надо. У нее, поди, от мужика что-то и осталось...

Ночью на бурую от мертвых трав землю лег первый снег. Никто не видел, как он явил собой предвестие надвигавшейся зимы. Снег падал с полуночи и до утра. Когда же люди пробудились, отдохнувшие для новых дневных забот, небо уже наполовину очистилось от облаков и в темных его провалах догорали последние звезды.

Палю проснулся засветло, с давно не осязаемым чувством легкости во всем теле. В избе жарко топились печка, в чугунке, на загнетке, исходила мясной прелостью лапша, и раннее солнце рисовало на полу желтые квадраты.

— Вот, — сказал Никита, заметив Палю пробуждение, — добрые люди за всегда пекутся о нуждающихся. Одень. — Он положил на пол ворох чистой одежды и добавил, довольный тем, что не ошибся в своих расчетах: — Вставай, да за стол. Хозяйке на работу. Нечего мешать ее жизни.

За завтраком вдова смотрела на Палю материнскими глазами и жалела себя за собственную бездетность.

— Рубаха-то не теснит? — спрашивала с участием. — Мой-то помельче тебя был. — И любовалась Палей, как любовалась бы мужем, доведись ему воскреснуть и занять обычное свое место за столом...

Снег продержался полдня, пока достигшее зенита солнце не перетопило его геплом своих лучей. Никита снова вывел Палю в город, для обязательного апостолу общения с народом.

— Скоро стронемся, — сказал. — Нас теперь ничто тут не держит. — И добавил охладевшим к городу голосом. — Разве здесь гуща? Здесь отшиб, следовательно, и жизни никакой. Вся настоящая жизнь там, где плотность населения. А тут — пойми, чем живут! В Бога не верят, один храм заполнить не могут; театров нету, — копыт!

Город коптил. Жители его были сонные и ленивые, индустриальная жизнь обошла их стороной, и им были неведомы те ритмы, которыми живут большие города. В одну сторону, за городом, были степи; в другую — лес. Во все стороны простирались земли могучей державы Русь. Все вместили в себя эти земли: леса и степи, поля и реки. И много стояло по тем рекам городов, жители которых испокон веков ценили превыше всего обычное свое состояние — покой. По буреломам еще сохранились отдельные скиты отшельников-староверов. Народ бражничал и верил в колдунов. Русь иззябная, казалось, противилась изю всех сил навалившемуся на нее и подминающему под себя громоздкому зверю, с лязгающим нутром и зловещим именем — прогресс.

VI

Зима в том году наступила сразу, снежная и студеная, — простирающиеся неподалеку земли, задубевшие от вечной мерзлоты, рассылали во все стороны холодные ветра. После первого покрова тепло продержалось три дня. К вечеру третьего потянуло с севера туманной свежестью, остекленели лужицы талой воды, и ночью на готовую к долгой зимней спячке землю лег основательный — до весны — снег. Земля, уставшая от летнего плодородия, земля, полгода не смыкавшая глаз, унесла под снег томительную свою усталость роженцы, и оплодотворенная новыми идеями, погрузилась до весны в спячку, чтобы копить в себе силы и соки, вынашивать под сердцем зарождающуюся жизнь, оберегать ее от сглазу.

По сибирской «железке» непрерывно ходили поезда. Среди полных нагромождений мелкосопочника бег их был относительно спокоен, но за чертой гор, в молочной дали равнин, который день бушевала пурга, и все чаще с узловых станций Сарабель уходили туда снегоочистители. Они возвращались не скоро, волоча за собой измочаленные ненастьем составы. Прибывающие вагоны были сверху донизу облеплены спрессованным снегом, снеговые наметы громоздились на тормозных площадках и долго еще после прищельцы отстаивались на запасных путях, утомленные трудной дорогой и тяжестью собственного груза.

Над Сарабелем который день валили спокойные снега. На высоких тынах и на продырявленной крыше водокачки стыли нахохлившиеся вороны. А там, за бурной равниной, лежали напоенные жаром минувшего лета теплые земли Азии.

Ненастным утром в городок вошел высохший от старости и долгих странствий человек. Потоптавшись у жарко натопленной будки дорожников и не решившись войти, приезжий забросил за спину ветхую сумку и, пошатываясь на уставших от ходьбы ногах, побрел вдоль окраинных приземистых домиков. Звали странника Андрей Петрович Плужников.

Андрей Петрович Плужников был из потомственных чалдонов. Предок его, доносский казак Михайло Плужников, оказался

на Иртыше не иначе, как прибывши с отрядом Ермака. Родину своих предков — Дон — Андрей Петрович любил больше, чем Сибирь. Кровь предков-степняков нет-нет да и будоражила сердце томительными позывами. Андрей Петрович мрачнел тогда на долгие дни, тяготился заслоняющими даль лесами и думал о том, как перед смертью выберется в край бесконечных равнин, выроет себе землянку и доживет остаток дней в тишине и покое, предаваясь размышлениям о смысле жизни и питаясь травами, злаками, овощами, — семена которых бросит в землю у своего жилища.

Вряд ли суждено было сбыться мечтам Андрея Петровича, но умерла от саркомы жена, сыновья постепенно охладели к нему в родственной своей любви, а когда после долгой болезни старик стал мочиться по ночам в постель, — посовещавшись, решили определить его на доживание в дом для престарелых.

Андрей Петрович не обиделся на них за суровое такое решение, ибо давно уже чувствовал себя обузой для молодых. Закопав в одну ночь под тополем на задворках фотографии собственной молодости и орден Отечественной войны, старик зашил в трусы скудные свои сбережения и на рассвете, когда по дому бродили самые крепкие и сладкие сны, ушел из города по грунтовой дороге, держа путь на запад.

Долго и труден был путь Андрея Петровича по исхоженным миллионами ног дорогам. Дважды его, бесчувственного, подбирали с земли и увозили в больницу. После лечения старик отлеживался по подвалам, копил в себе силы для дальнейших странствий. Он боялся умереть, не пожив на земле предков, и последними усилиями воли заставлял себя выздоравливать и снова брел потом за уходящим солнцем, чураясь поездов и проходящих мимо машин. Летом он ночевал где придется, часто обочь дороги, подстилая под бесчувственное тело сорванные травы: зимой — в колодцах теплотрасс. Он по-прежнему мочился по ночам в штаны, ляжки его по этой причине шелудивели, и далеко вокруг распространялся запах кисло-соленой прени.

Перед сном всякий раз Андрей Петрович любил размышлять о человеческих взаимоотношениях. Ему было жалко людей, страдающих и гибнущих по причине все больше разрастающегося зла. Он не верил в окончательное торжество справедливости и мечтал о ниспосланном свыше вирусе, который в короткое время выморит на земле всех злых и порочных людей. Тогда наступит Царство Божие: всеобщее единение добрых сердец, и люди достигнут подлинного бессмертия, ибо души их не будут терзаться постоянными несправедливостями.

Прежде чем войти в город, Андрей Петрович долго обзоревал его с пригорка, пытаясь предугадать: что следует ожидать от встречи с тамошними жителями. Над городом пестрил свет густой снег, все вокруг тонуло в молочной его белизне, и только двухэтажные казенные дома на площади да прилегающие к ней улочки смутно просматривались издалека. По улицам бродили люди, движимые своими заботами. Если бы не их редкие, чернеющие на снегу фигуры да белесоватый дым над трубами изб, городок мог бы показаться мертвым и пустым.

— Тихо живут, — радуясь безмолвию, едва слышно сказал старик.

Весь день до этого Андрею Петровичу пришлось молчать. Разогреваясь ходьбой,

он долгие часы брел по зимнику. Теперь же, почувствовав близость жилища, старик ощутил потребность сказать вслух несколько слов, будто хотел таким образом засвидетельствовать наличие себя в этой жизни.

Вблизи городок оказался не таким уж пустынным. На железнодорожной станции, переполненной выбившимися из графика составами, велась бесконечная сортировка вагонов. Всюду сновали молчаливые от усталости люди; в овраге за станцией дымился догорающий шлак. Сам город утопал в снегу. Снег беспрерывно валил несколько дней, боясь обвалов, хозяева сгребали его с крыш, и многие окна изустраивались от мира, заслонившись высоченными сугробами.

Андрей Петрович давно уже полюбил долгую свою дорогу. Развивая в себе философские начала, он радовался любой возможности понаблюдать жизнь людей в местах, далеких от его родины. Города и веси жили по одинаковым законам. Одни беды терзали их сущность. Одинаковые радости ласкали сердца. На старости лет Андрей Петрович вдруг уяснил для себя, что родина — это не нечто громадное и распыляющее, простирающееся под общим гербом, но тот клочок земли, на котором человек хотел бы обрести последний свой приют. Мысль эта понравилась Андрею Петровичу своей простотой, он часто возвращался к ней перед сном, а засыпая, пытался зримо представить вожаденные земли своих далеких предков: степи, степи, степи и бег лошадей на закат. Таким виделся Дон.

Городок встретил его равнодушно: мало ли бродяг проходит через него с пустотой в душе. Заботясь о ночлеге, Андрей Петрович остановил прохожего:

— А что, милый, есть ли у вас котельная?

— А трубу-то не видишь? — сердясь, ответил прохожий. Хотел было пройти, но, остановившись взглядом на разбитых стариковских пимах, помедлил.

— Пришлый я, — сказал старик. — Ночлега ищи.

— На что ж тогда кочегарка? В гостиницу и ступай. — Прохожий снова оглядел старика и понял, что сказал глупость. — Иди по этой дороге, она и выведет.

Проходя через городскую площадь, Андрей Петрович увидел одинокого человека, сбивающего с предстательной рамы громадный портрет Брежнева. Человек орудовал одним лишь топором, причем так небрежно, что успел уже в нескольких местах попортить портрет президента.

— Дед! — окликнул он Андрея Петровича. — Дай спичку и потяни за нижний угол!

Портрет трещал, но не поддавался.

— Вот заразы, намертво приспособили! — Человек выплюнул изжеванную папиросу и прикурив другую. — Небось думали на века, а оно вишь как вышло.

— За порчу не привлекут? — спросил старик.

— А кому он теперь нужен? — Человек злобно сматерился и навалился на портрет плечом. — А ну, старик, тяни что есть мочи!

Снова затрещали ржавые гвозди. Рама накренилась, не выдерживая нагрузки, хрюснуло что-то над головой Андрея Петровича, и в следующее мгновение и портрет, и человек рухнули на утоптаный снег.

— Здорово прикипел! — смеясь, крикнул человек. — Сразу не выкорчует! — Падая, он выронил папиросу. — Дай-ка еще огонька, дедок, — попросил. И прикурив новую. — Ну, спасибо, старик, считай, что соприкоснулся.

Где-то неподалеку гребли снег бульдозерами.

— Спасибо, дедок, спасибо, — еще раз поблагодарил человек. Подхватил портрет за раму и поволок его с площадки.

— Постой! — осенила внезапная догадка старика. — Погоди ты, как тебя?.. Человек остановился:

— Ну?

— Помер, что ли?

— Кто?

— Да он, Брежнев... Неужто помер? Там же профессору!

Человек обиделся:

— А что профессору? — сказал. — Он-то, сам тоже, небось, из мяса. Слава Богу, пожил! Не век же.

Старик растерялся:

— Что ж теперь будет-то? — сказал, понурясь. — Ведь столько лет.

— А то и будет: нового дадут. Нам без царя нельзя. — Человек выпустил раму портрета, и тот сухо треснулся о землю.

Андрей Петрович охнул:

— Ты уж легонько, — попросил он, — грех ведь.

— Ничего, сдюжит. Когда хоронили, в могилу уронили. Гроб-то. С грохотом. Провалился сквозь землю. — И добавил смеясь. — Не стони, дедок, хуже не дадут. А такого, как Сталин, вовек не дождемся...

Вечером Андрей Петрович переживал смерть правителя. Он отыскал неподалеку от котельной просторный колодец и устроился в нем на ночлег. В колодце было душно и влажно. Старик откинул крышку люка и при свете зажженной бумаги оглядел случайное свое пристанище. В три стороны по низким тоннелям уходили обмотанные стекловатой трубы. Стекловата была и в самом колодце. Она заполняла весь дальний от люка угол, соприкосновение с ней вызывало страшный зуд, и старик сторонился ее. В другом углу на двух широких плашках было навалено скопканное тряпье. Стоял в изголовшее лежачка куль с сухарями, в стену, между кирпичами, был воткнут нож.

Андрей Петрович не любил на ночлегах посторонних. Уйдя из дома и обрета в длительном своем странствии душевный покой, он дорожил одиночеством. В колодце же кто-то жил. Это огорчило старика, но менять ночлег было поздно.

Благословясь на сон, старик лег на топчан поверх тряпья и, поворочившись для удобства, скоро запутался в горестных своих мыслях...

Ближе к полночи Андрей Петрович услышал наверху разговор. Сердитый кто-то выговаривал скрипучим голосом:

— Покуда плоть не обуздаешь, не будет в тебе душевной чистоты. В жизни надо выбирать одно: либо жратву, либо душевную легкость. Нельзя, чтобы сразу два.

Андрей Петрович приподнял голову и, держа шею в напряжении, прислушался. Над люком зажгли спичку.

— Ты, что ли, не закрыл? — сказал тот же голос. — Ну, давай, лезь. Не упали, как в прошлый раз.

Небо заслонила большая тень. Что-то сопящее, неуклюжее стало протискиваться в колодец. По железной лестнице загудели тяжелые шаги.

Старик встал с лежачка и отошел в угол.

В колодец спустилось двое мужчин. Тот, что побойчее, зажег спичку и сразу увидел старика.

— Ишь ты! — сказал он удивленно и приблизил к лицу Андрея Петровича огонь. — Да у нас квартирант. Павел, смотри. какого апостола Господь нам послал.

Это почище одноногого будет. — И прикрикнул голосом старшего. — Давай, Пашка, щепу, зараз чай заварим...

Пришлыми оказались Никита и Палая. Два месяца назад они тронулись в путь и за такой долгий срок смогли переместиться к юго-западу лишь на тысячу километров. В дороге от них отпала вся братия. Сначала одноногий, уведший за собой сестру, потом брат толстый. Сестра перед уходом заразила Палую дурной болезнью и украла у Никиты цигейковую шапку. А толстый брат был задержан на вокзале за кражу личного имущества граждан и отправлен в КПЗ. Вызволить его из заключения не было никакой возможности.

— У нас потери, — говорил Никита, — а больше — в нас самих. Как тебя угораздило поддаться ей. Живи теперь с грязью в крови.

Никита винил себя за недосмотр за Палей и допоздна, перед сном, нашептывал молитвы. Он выучил их наизусть, а выучив, почувствовал в них подлинную силу, дающую утешение и надежды на изменения к лучшему.

Когда забрали брата толстого, у Никиты от огорчения открылся на ноге абсцесс. На ступне у пятки загноилось мясо, и долго копилась под кожей боль, пока не прорвалась густым жирным гноем. Болезнь ноги протерзала Никиту в постели почти месяц. Все это время он мало кушал, сошел с лица здоровым цветом подвижной жизни и много говорил о смерти. Палая выходил по утрам в город в поисках пищи, а когда возвращался — садился в ноги у учителя и осторожно поглаживал заглубившимися своими пальцами вокруг больного места. От этого Никита испытывал некоторое облегчение.

В Сарабели они сидели неделю. Свирепствующая впереди непогода перекрыла путь. Никита боялся суровых зим, боялся открытых равнин: там ветра лютуют с особой жесточностью и негде было укрыться от стылого ненастья.

Свою ненависть к холодам он вынес из мест заключения. В колонии он поочередно обморозил ноги, руки и уши. Там же в нем зародилась неизбывная любовь к Азии. И хотя в Средней Азии Никите до сих пор бывать не приходилось, край этот виделся ему зеленым раем, раскинувшим свои земли и сады под томительно-жарким солнцем.

— Там виноград на улице растет, — говорил он с удовольствием, — а воду пьют из арыков. Жить можно...

Андрею Петровичу Никита рассказал про свою веру, пока пили чай. Прочел под конец главный свой труд, в котором говорилось о спасении человечества путем лишения его грехов, и, видя, что старик остался равнодушным, сказал:

— Ты, отец, эксплуатации не бойся. Вера наша добровольная. Если твоя дорога по пути с нашей, — иди за нами. Все легче. А если некуда тебе идти, советую податься с нами в Среднюю Азию. Там тебе природной пищи до самой смерти хватит. И люди там живут до ста лет.

Старик промолчал и на этот раз, а когда, покурив перед сном, мужики распозлились по углам, сказал, укладываясь на досках рядом с Никитой:

— Все хорошо, только как же, греша, вы народ от грехов уведете?

— Тут, дед, логика мысли, — Никита придвинулся к старику и обнял его для удобства за плечи. — Глядя на наши муки, любому грешить расхочется.

— Какие же это муки?

— Душевные. — Никита зевнул и засопел, притворяясь спящим. Ему не хотелось продолжать беседу, уставший от дневных

брожений по городу он и вправду вскоре уснул.

А к Андрею Петровичу сон не шел. Переваливаясь с боку на бок, он думал о новых своих знакомых и порочной вере, проповедуемой ими. Разные народы поклоняются разным богам. Богов много, а доброты не прибавляется. И нет такой веры, которая могла бы сделать человечество счастливым, кроме деятельной веры в добродетель.

— Слышь, ты! — озаренный внезапной догадкой, растолкал Никиту Андрей Петрович. — Я вот так думаю: ежели дело в Боге, то все вы без ума. Зачем народу новая вера, когда и старые со злом справиться не могут? А может, объявить одного Бога Добродетели, построить храмы, и верить, и молиться? Тогда сразу добрее станем.

Никита подумал, плохо соображая со сна, и возразил:

— Никак нельзя, раздел произойдет.

— Какой раздел?

— А между людьми.

— А то сейчас его нету. Православные в церковь ходят, мусульманы — в мечети. У евреев свои храмы.

— Тогда — обман. — Никита чувствовал уязвимость стариковской теории всеобщего единения религий и пытался найти слабые места, чтобы по-умному опровергнуть ее. — Неужто кто-то станет молиться Богу зла? Все в храмы доброты попрут. Все, и гады. А в жизни как были сволочами, сволочами и останутся. Вот тебе и обман.

— Так, а вы-то, греховники, с вас-то какая народу польза?

Никита взбодрился от такого вопроса.

— Смешной ты, дед, — сказал. — Мы ж пищу у зла забираем. Способность человека грешить.

— Да как же это?

— А так! — Никита задумался на мгновение для ровности ответа. — Мы примером своим от грехов отращаем.

— И многих отвратили?

— Сто двадцать семь человек. — Не задумываясь, назвал число Никита.

— А на земле миллиарды Жизни не хватает.

Заворочался и застонал во сне Паля. Никита посмотрел в его сторону и мысленно решил, что старик хитер.

— Ты, дед, как при лучине рос, — сказал он с намерением обидеть старика. — Эти, сто двадцать семь-то, уже проповедовать веру нашу станут. А те других обратят, а другие — еще других. Да через год нас миллион будет.

— И все, как ты?

— И все, как я.

— Так тогда ж ты новых злодеев плодишь, миллионы греховников. А нынче, что ль, не так? Они всегда были — и без веры твоей — грешники-то. И никто их видом не подобрел — Андрей Петрович разозлился тем, что позволил себя так долго дурачить, и, отворачиваясь к стене, пробормотал. — Я думал, ты и вправду праведник, а ты — трепло!

Утром Никита хотел продолжить спор, но пришел слесарь и погнал их из колодца.

— А тебе, хромой, — пригрозил он Никите, — я когда-нибудь верно башку оторву!

Никита хотел возразить, но, взглянув на крепкие кулаки слесаря, передумал.

— Он несчастный своим бескультурьем, — сказал позже, уводя старика и Палю в город. — Я бы мог его урезать, но с одного раза не поймет...

Продолжение следует.

НАПЕЧАТАНО В 1990 ГОДУ

ПЕРЕСТРОЙКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Быховский А. На пути к глобальной нравственности	5	2
Елисеев А. Родину не забывают	5	6
Казаиский В. «Возвращение забытых имен»	2	6
Кублицкая Е. «Общество массового атеизма» глазами социолога	1	34
Кугультинов Д. Человек — это тот, кто верит	12	2
Мелик-Симонян К. Надежны ли столпы Земли?	5	4
Олейник Б. Свободные народы в свободном союзе	7	2
Полулях И. Журнал и его читатель	4	2
Фролов К. Гуманна ли наука?	1	22
Христоряднов Ю. Возврата к прежним подходам не будет	1	2
Щапов Я. Исчезнут ли «белые пятна»?	2	2
СВОБОДА СОВЕСТИ: ЗАКОН И ЖИЗНЬ		
Колесников Л. В свете перемен	6	6
Минеев А. Быть ли муфтию на Северном Кавказе?	6	8
Новые законы	1	46
Одинцов М. Еще одна попытка...	2	4
Одинцов М. Хождение по мукам	5	8; 6 12; 7 56; 8 19
Правоторов В. Станем ли жить по совести?	11	2
Решетов Ю. С точки зрения международного права	2	6

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ:

НАХОДКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Алимарин С., Сухов А. Заглянувший в центр циклона, или Джон Лилли в поисках Сущности	4	32
Бондаренко Ю. Кто такие инкубы, или Малоосвещенная сторона интимной жизни	10	54
Всексатский С., Дубиелл Р. «Я — неформальный шаман»	2	58
Задорожный В. Василиск — царек в изгнании	4	48
Кастанеда К. Путешествие в Икстлан	7	25; 8 47; 9 34; 12 46
Кокин К. «Ведомое рисование» и «терапия тела» — как это делается в рюте	12	10
Лилли Дж. Моя первая поездка в Чили. Оскар Ичазо	4	37
Пелевин В. Гадание на рунах, или Рунический оракул Ральфа Блума	1	50
Ровнер А. В поисках чудесного	8	36
Розин В. Путеводитель по «Дону Хуану»	7	24
Успенский П. Психология возможного развития человека (первая лекция)	8	38

НАЦИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

Апанович Е. Какому богу молилась Запорожская Сечь?	10	40
Асарис Г. Аккорды «окаменелой музыки»	4	3
Барынов К. Гора крестов	11	56
Елизарова Т. «Сеять рознь и насилие — великий грех»	12	4
Латышева Е. Канал Грибоедова, 92	4	50
Мацейнене Т. Каритас	3	7
Моисеев Н. Преодоление самих себя	6	2
Религия и межнациональные отношения	1	61
Садур В. Москвичи с XVI века	7	20
Строд Э. Мост через время	4	6
Татары в Москве: как устроить национальную жизнь	7	16
Цакулс Я., викарный епископ Риги. В рижской курии	4	5
ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИКА		
Бехтерева Н. Мозг и большой мир	3	5
Бхутто Б. Дочь Востока (отрывки из книги)	3	23
Салганик М. Беназир Бхутто — дочь Востока	3	22
Сафиева Г. Религия Гулрухсор	3	2

ДИАЛОГИ

Брассенс Ж., Сэв А. Каждый из нас творец	11	32
--	----	----

Коидратьев В. О прогрессивной роли атеизма в деле религиозной пропаганды

Косолапов Р. А если пойти от обратного?	9	4
Любарский К., Желудков С. С Богом или без Бога?	11	4
Хоккинг С. Есть ли место Богу в бес-пределной Вселенной?	6	26
Чапек К. Беседы с Масариком	6	30; 7 54

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Артамонов Е. Аномальные явления и Библия	4	25
Иванов С. Магическая семерка	2	34; 3 46
Морозов А. Загадка культа Атона	3	36
Фейнман Р. «Грузокультовые» науки	4	27
Федоров В. Святой старец Александр Благословенный	12	21
Чумак А. Сначала познай себя	4	24
Писма читателей	1	18; 4 7, 51; 6 25, 29, 32, 58; 7 21; 8 26, 58; 10 26, 27

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

Барабаш Ю. «Ныне отпускаеши...»	10	48
Гулыга А. Великий инквизитор вчера и сегодня	12	25
Гуревич П. Авторитарное сознание	7	22
Корнеева-Мацейнене Т. Мудрость, рожденная страданием	11	50
Мацейна А. Великий Инквизитор	11	53; 12 23

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Борисов Александр, священник. Если мы захотим принять эту силу	8	3
Брушлинская О. Разговор в мечети	3	3
Волков Г. Рай на земле?	8	4
Гуревич П. Крест и вера	8	4
Евлогий [Смирнов], архимандрит. «Отречение не от мира, не от людей»	5	20
Зуев С. «Я обрел свою веру»	10	29
Иваненко С. Новая религиозная пресса	5	28
Казанский В. Земные заботы отца Михаила	11	8
Казанский В. Минздрав и Патриархия предупреждают	5	25
Казанский В. Церковь на совхозной усадьбе	1	14
Лазарев Е. Весна в стране Уйкоаль	12	36
Лазарев Е. Восхождение	5	23
Латышева Е. Паче чаяния	2	12
Матвеев В. Преданные Кришны — кто они?	10	25
Много, мало, в самый раз..	3	3
Пастор из Тиммшоары	5	30
Полосин В. Российские христианские демократы — кто они?	9	30
С точки зрения вайшнавов	10	34
Харазов В. «Бог есть любовь»?..	9	50
Чернецов Е. Сегодняшние заботы	10	30
Чулаки М. Возврат ли!	8	2
Щепанская Т. Превращение символа	10	32

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Антонов-Овсенко А. С точки зрения моей науки...	1	45
Валеев М. Как совершить паломничество в Мекку?	6	44
Вронский С. Нумерология, или Наука о числах	8	63; 9 38; 10 57; 11 27
Глоба П., Глоба Т. Гороскоп Сталина (окончание)	1	43
Казначеев В. Реабилитация древних знаний	12	34
Кваша Г. Тайны восточного гороскопа	12	52
Латышева Е. Прошедшее свершается сейчас	3	18
Лобачев В. Его имя — Иоанн Милостивый	4	23
Порохова В. Сначала это была только потребность души...	3	31
Пружинин Б. Звезды не лгут. Люди ошибаются	12	34
Рафаэль. Медицинская астрология или Действие планет и знаков на тело человека	8	34; 9 46; 10 39; 11 37; 12 13

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

Времена Патриарха Пимена	8	14
Казанский В. Воин на поле жизни	7	14
Латышева Е. Экумена — чаша мира	12	50

Лобачев В. Первый среди равных	9 10	Коран. Перевод смыслов (Йа Син)	3 28	Дикарев А. НЛО в Китае	7 31
Малахова И. О проблеме малоисследованной	7 52	Перевод В. Пороховой	3 28	Зараев А. Март-90	3 64
Монтлевич В. Буддизм на севере России	2 8	Лазарев Е. Цветы в саду Рериха 2 2 и 3-я с. обложки	11 22	Мак-Крикард Дж. А вы поклоняетесь Луне?	7 38
Попов В. Христианские коммуны Проханова	7 48	Мавлеев Е. Лукомыны	10 19;	КЛУБ «ГИПОТЕЗА»	
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «НАУКИ И РЕЛИГИИ»		Никитин А. Одиссея Александра Пересвета	4 42;	Баянов Д. И снова — снежный человек!	2 15
Габу	5 17	Ополовникова Е. Вне суесть земной	12 7	Болдырева Л., Сотина Н. Магия и квантовая механика	5 18;
Хаджж	6 43	Прошин Г. Апофеоз документальности	8 60	Васильев А. В точке «Ш», или Пирамида без мистики	8 44
Уния	9 54	Сорокин Владимир, протоиерей. Право выбора	8 18	Виноградов Е. Долгая жизнь на морозе	2 37
Беловодье	12 22	Шапошникова Л. Мудрость веков	1 62;	Карпенко М. НЛО — продолжение следует?	6 15
БЕСЕДЫ О БИБЛИИ		СТРАНИЦЫ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ		Карташкин А. Житие и загадочные деяния монаха Раймунда Луллия	6 40;
Вейнберг И. «Осеево» время человечества	9 12; 10 10;	Ильин День	8 50	Киль Дж. Операция «Троянский конь» (фрагменты из книги)	1 19; 2 18; 4 12;
Лазарев Е. Грозные буквы	12 31	Календарные праздники	10 53	Масленников В. Загадки «Книги перемени»	4 52; 5 55
Лазарев Е. День последний — день первый	9 14	Лазарев Е. Встреча с небом	7 44	Рубцов В., Урсул А. Палеовизит и догоны	5 63
Лазарев Е. От Стены Плача к Небесному Граду	10 11	Лазарев Е. Зеленые святки	6 28	Рыков Э. Естествознание в мире духов?	7 11
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ		Семенова С. «Брюсов календарь» и другие	6 20	ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО	
Асадуллин А. К миру и к родным корням	1 9	Смирнова И. Яйцо	2 44	Ахрамович В. Психологический бютирий	2 21, 64; 7 28; 8 43; 9 47; 10 43,56
Жерневская И. Александр, князь-иннок	6 33	Спирова А. Иван Купала	7 41	Буало-Нарсежаж. Брат Иуда (роман)	2 60;
Логачев К., Соболев В. Восставшие против варварства	1 36	Спирова А. Три «спаса» в русском календаре	8 50	Бах Р. и Бах Л. Единственная (роман)	3 59; 4 60; 5 58; 6 59
Покровский Н. От «Майского цветка» к «сейлемским ведьмам»	1 28	Спирова А. Троицын день в других странах	6 29	Володин А. «Не верить в высшее, чем ты?..»	3 55
Прошин Г. Образ вне времени	7 6	Что ели на Рождество?	1 31	Геворкян Э. «Кто стучится в дверь ко мне?...» (рассказ)	7 12
Султанбеков Б., Одинцов М. Несколько эпизодов из жизни муфтия	1 3	Яхьяев Р. Самый желанный праздник	8 57	Каменкова А. Мы выверяем себя	3 56
Таджуддин Т., муфтий. Тысяча и столет по лунной хиджре	1 5	Из народного календаря	6 20; 7 53; 8 51;	Кривцов Н. Джон Леннон из Ливерпуля	9 24; 10 44
Усманов М. Боги над историей не властны	1 8	ГОРИЗОНТЫ НАУКИ		Кузьмина Ю. На роду написан?	3 8
Хайруллин А. Историческая судьба	1 11	Баев А. Генная инженерия — «ящик Пандоры»?	7 4	Лазарев Е. Поправший смерть	11 49
Хасанов М. Наш путь — согласие и сотрудничество	1 7	Болдырева Л., Сотина Н. Новая наука или старые заблуждения?	11 14	Марьянов Б. Сорокалетняя новость	12 16
УРОКИ ИСТОРИИ		Виноградова С. Геном человека: тревоги и надежды	4 20	Пелевин В. Реконструктор (рассказ)	4 58
Бакулов А. Пи-Эжен Неве — свидетель трагедии	2 22;	Галеев А. К звездам на бумажных крыльях?	9 16	Регельсон Лев. «Мать Иисуса»	3 54
Бегматов А. С чем у нас боролись	11 11	Глазков Ю. «Для великих свершений нужна чистая совесть»	6 4	Симонова Е. Движение души, разума, мастерства	3 56
Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии	2 50;	Казначеев В. Великое Объединение наук	8 6	Торчинский О. Задуматься о вечном	10 7
Левитин А. (Краснов). Судьба митрополита	9 40	Кононов Ю. Снова о Туринской плащанице и не только о ней	11 16	Уэст М. Адвокат дьявола (главы из романа, окончание)	1 56
Смирнов М. «Живите по-братски, и да благословит вас Аллах...»	9 23	Мирзабеков А. Геном человека: что дальше?	10 2	Филатов П. Духовный совет (рассказ)	1 55
ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ		Сапогин Л. Возможное и невозможное в жизни	11 19	Филипповский Г. Праздник Покрова и «Покров на Нерли»	9 53
Грекова Т. «Странная» карьера	4 8;	Шалимов А. Атлантида, Библейский потоп и новое таяние полярных льдов	10 4	Чумаков А. Дорога краем пропасти (повесть)	11 58; 12 56
Кайдаш С. Вечная любовь Маргариты Тучковой	3 10	В научных лабораториях	1 42, 47	Шалинец И. Я не говорю — бог...	3 9
Лукашевский Е. Кронштадтский проповедник	5 10	ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ		Шамаро А. Погубленный шедевр	11 64
Никитин А. По следам апостола Андрея	9 6; 10 8; 11 46;	Абраменкова В. Ядерные сны наяву	4 16	Шамаро А. «Сестра Ивана Великого»	10 64
Пашков В. Монашество на Руси в зеркале статистики	12 19	Андреева Е. Как написать Ванге	8 21	НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	
Смирнов А. Вечная любовь Маргариты Тучковой	8 24	Белов А. Сила богатырская	1 49; 2 45; 3 21; 4 46; 5 39; 7 37; 8 27;	Боснак Р. В мире сновидений	7 32; 9 18
МИФОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ		Буянов М. Не сотвори себе кумира	8 22	Гаспаров М. Занимательная Греция (очерки из книги)	8 28; 9 28; 11 28; 12 48
Египетская «Книга мертвых»	1 48; 2 28; 3 49; 4 47; 5 54; 6 11; 7 13; 8 58; 9 55; 10 23; 11 13; 12 33	Вилкс А. Что может слово божье?	8 12	Кулченко В. «В вечных поисках истоков...»	2 29
Клюкина Т. Тайное и явное	2 49	Волкова Л. Вин чун	12 41	Волошин М. О теософии	2 31
Митрохин Л. В. Кашмирские легенды о Христе	5 52	Гигов Драгомир Н. Ванга: 40 лет рядом	8 22	Розанов В. Темный лик (По тихим обителям)	2 46; 3 50; 4 40; 6 38; 7 45; 8 59
Ольденбург С. Жизнь Будды, Индийского Учителя Жизни	1 24;	Любимская Е. Возвращение макро-биотики	9 48; 10 51;	НАШИ ИНТЕРВЬЮ	
Пиотровский М. Легенды и сказания в Коране	11 38	Малаян В. «Возвращение к животворной пустоте»	4 38	Вагнер З. Возродить национальную самобытность	6 56
Старостина Ю. Космос в учении Будды	6 22	Немира Л. Необычное интервью	6 53	Грегориос Паулос Мар, митрополит. «Спаси жизнь на Земле»	1 13
Тибетская «Книга Великого Освобождения»	10 12; 11 42; 12 26	Немира Л. Среди греховной темноты	8 8	Копышев П. Две обители — две победы	5 36
Торчинский О. Гордое имя — Сарасвати	4 11	Правоторова Т. Любовь и биоэтика	3 15	Лихачев Д. «...За Новгород и за всю Русскую землю»	6 37
Тубелевич И. Японские легенды о Христе	1 32	Топорков А. Что мы знаем о поцелуе?	10 36	Марта Ференц. Закон парного танца	4 15
СТРАНИЦЫ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ		Хребтов В. Они должны вернуться людьми	8 12	Николаева И. Имени Дмитрия Донского	5 38
Бурин С. Новая страница	6 9	Чопра Д. Исцели себя сам	1 40; 2 26; 3 52; 4 29	Оберг Д. Ни вам, ни нам не помогут никакие мессии	6 17
Евангелие Никодима	5 40; 6 18; 7 42; 8 16	Шепик Р. С миссией добра и милосердия	8 12	Пасецкий В. Моление о чаше	5 37
Капеллан А. О любви (отрывки из трактата). Перевод М. Гаспарова	3 40	Школа хорошего настроения	2 10; 4 31	Сорокин Владимир, протоиерей. Человек Отечества	6 35
		ЗВЕЗДЫ И СУДЬБЫ (продолжение, начало в 1989 году)		О'Хэйр М. Быть атеистом — опасно!	2 10
		Гудман Л. Знак Водолей	1 38	Якобсон Карл-Олоф. «Мне помогает жизнь...»	4 19
		Знак Рыбы	2 38		
		Знак Овен	3 57		
		Знак Телец	4 55		
		Знак Близнецы	5 50		
		Знак Рак	6 43		
		Знак Лев	7 29		

ДЕЛО РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Февраль 1867 года был, наверное, самым счастливым месяцем в горемычной, мисо-страдальной (не было бы преувеличением сказать и мученической) жизни Федора Михайловича Достоевского. Ему исполнилось 44 года, он обвенчался с совсем еще молодой девушкой Анной Григорьевной Сниткиной и отправился в традиционное для тех времен «свадебное путешествие» — из Петербурга в родную Первопрестольную... В один из дней своего «медового месяца» молодожены решили навестить родственников Федора Михайловича, проживавших в здании Константиновского Межевого института на Старой Басманной улице (ныне — улица Карла Маркса). Ехать надо было по Покровке (ныне — улице Чернышевского)... «Проезжая мимо церкви Успения Божией матери (что на Покровке), — вспоминала много лет спустя Анна Григорьевна, — Федор Михайлович сказал, что в следующий раз мы выйдем из саней и отойдем на некоторое расстояние, что-

бы рассмотреть церковь во всей ее красе. Федор Михайлович чрезвычайно ценил архитектуру этой церкви и, бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть. Дня через два, проезжая мимо, мы осмотрели ее снаружи и побывали внутри».

Теперь уже эту церковь, это чудо самобытного церковного зодчества не осмотришь снаружи, не побываешь внутри. Место, где некогда устремлялась она ввысь, легко найти: в начале улицы, по левой стороне ее отходит в сторону улицы Кирова, бывшей Мясницкой, Потаповский переулок. На углу, там где скромный скверик с молодыми березами, пять с половиной десятилетий назад еще стояла эта церковь.

Церковь Успения Божией Матери, на Покровке, что в Котельниках.

Храм этот сооружен был в 1696—1699 годах — всего лишь за три года! Построен он, как говорили в старину, иждивением здешнего богатого купца — Ивана Матвеевича Сверчкова, чьи палаты, к счастью, уцелевшие и пред-

ставляющие собою тоже в высшей степени интересный и ценный архитектурный памятник, находились поблизости, саженьях в ста от церкви.

С обеих сторон старинной, еще «малозатяжной» Покровки хорошо видна была мощная вертикальная композиция, развернувшая вдоль улицы свой основной, южный, фасад с гульбищем и аркадой... Гульбище, кстати сказать, было не единственным компонентом, подтверждающим одну из фундаментальных закономерностей в развитии церковного зодчества: архитектура культовая следует за архитектурой «мирской», вырастает из нее и во многом как бы растворяется в ней. Крупные прямоугольные окна центрального четверика придавали церкви, как отмечают современные исследователи архитектуры, сходство со светскими общественными зданиями того времени.

Кого только не повергал этот храм в состояние изумленного восхищения!

Василий Иванович Баженов назвал его одним из красивейших зданий в Москве, видел в нем творение ярко национальное и считал, что только храм Василия Блаженного можно поставить вровень

с церковью Успения на Покровке.

Аполлинарий Михайлович Васнецов писал, что этот «дивный памятник» «использовал в своих работах знаменитый архитектор XVIII века Растрелли». Напомним, что речь идет о том самом Варфоломее Варфоломеевиче (так на русский манер величали его на второй родине) Растрелли — гении европейского барокко, создателе ансамбля Смольного монастыря и Зимнего дворца в Петербурге, Большого дворца в Петергофе и Екатерининского в Царском селе.

Храм Успения на Покровке не только восхищал, покорял невиданной, неповторимой красотой, но, бывало, даже... предопределял судьбы, жизненные пути.

«В юности, — вспоминает академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, я приехал впервые в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке... Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось облако бело-красных кружев. Не было «архитектурных масс». Ее легкость была такова, что вся

Окончание на 4-й странице обложки.

Занимательная Греция

Начало на с. 48

шам — существованию существующих и несуществованию несуществующих». Это, между прочим, значило: если люди верят в богов — боги есть, если не верят — богов нет!

О Протагоре рассказывали забавную историю. Был у него ученик, учившийся судебному красноречию. По уговору, ученик должен был заплатить учителю после первого выигранного дела. Учение кончилось, но ученик не спешил выступать в суде. Тогда Протагор сам подал на него в суд. Протагор рассуждал: «если я выиграю дело, он заплатит по приговору, если он — он заплатит по уговору». А ученик рассуждал: «если я выиграю дело, то не буду платить по приговору, если проиграю — то по уговору». Как быть?

Может быть, Протагор сам сочинил эту историю как образец софизма — задачу на то, чтобы найти неправильный ход мысли. Таких софизмов было немало. Например, «Рогатый»: «то, чего ты не потерял, ты имеешь; ты не терял рогов; стало быть, ты имеешь рога». Или — «Покрытый»: «Знаешь ли ты, кто стоит перед тобой под покрывалом? Нет? А ведь это твой отец; значит, ты не знаешь собственного отца».

Продолжение следует.

Психологический гербарий

В. АХРАМОВИЧ

ЛИСТЬЯ

Одинокий лист трепетал на ветру. Была осень. Все живое затаилось в печали и недоумении. Деревья стояли обнаженные, сонные и, казалось, тихо умирали. И лишь этот трепетный лист дивился своей прикреплённости. Он не знал еще, быть ли ему стражем сна среди зимы или уродливым одиночкой среди всеобщего закономерного бытия.

Ветер ему шептал:

— Лети, лети...

И он то недоуменно, то горько отвечал:

— Не могу. Нет. Не могу.

Ветка, на которой он ликовал все лето, погрузилась в глубокую, но пока еще тревожную, дрему.

Прилетала маленькая птичка и прошептала:

— Пришло время летать. Ты должен

стать свободным. Свобода — это прекрасно.

— Наверное, неуверенно подчинился лист, но полететь ему не удалось.

Порыв ветра принес еще лист. Вольный лист. Он прильнул и спросил:

— Ну, как?

— Мне кажется, братишка, — ответил неотрывный лист, — что миг свободы перед гниением оскорбителен. Я останусь, как есть.

Весной новорожденные почки первым делом увидели на ветке своего дерева неразличимый серый лоскут. Тот опавший лист, принесенный некогда к безотрывному листу, вновь выбрал дерево. Они сплелись, они стали как бы одно. Они остались верны неволе. А потом пришло большое тепло, оживившее все, что можно было оживить. И лист, быть может, не надолго, стал набирать силу и зеленеть. Но брат его так и не очнулся.

«Ошибки не прощаются», — подумал лист с трепетом, крепче обнимая мертвого брата

Александр Рекуненко — московский художник, член группы «Мир живописи». Круг сюжетов его искусства, надо думать, заинтересует читателей. Автор свободно сближает образы, которые знакомы нам по древним мифам и христианским апокрифам, записям фольклора и произведениям Е. Блаватской. В этом сплаве преданий и творческого представления художника рождается новое качество, рождается искусство, с которым мы надеемся познакомить читателей «Науки и религии» в наступающем году.

ЛЕБЕДИНАЯ БОГИНЯ

Тема Лебеда, космического Лебеда, для автора — прежде всего объект духовного исследования и лишь потом — сюжет художественного творчества.

Великий Махатма Кут Хуми говорил, что Богиней Махатм является Сарасвати. Именно она — Лебединая Богиня, жена Брахмы — осуществляет брак неба и земли, созидает небесный Брачный Чертог, о котором говорил Христос в гностических Евангелиях.

Тема Богини-Лебеда в восприятии мистиков и посвященных связана с энергетическим излучением созвездия Лебеда и энергетикой человеческой монады. Отсюда брахманический титул Парамат-

хаиса — «Великий Лебедь», отмечающий этап преобразования личности на пути посвященного восхождения к Брачному Чертогу, к единению с Отцом Небесным. Отсюда же понятие «лебединой верности» — верности того, кто не изменяет своим духовным идеалам. Непременный лебедь в обрядах русской свадьбы — это уже символ человеческих отношений, связанных с браком. Лада и жених, Царевна-Лебедь и Иван-царевич, Леда и Зевс-Лебедь — все они из одного источника.

Своей творческой сверхзадачей автор считает возрождение мистериального искусства, но уже не символического, а воссоздающего определенную энергетическую среду.

Творчество, основанное на медитации, на вхождении в особое состояние посвященного этапа, обретает свое истинное значение. Это фиксация на материальном плане событий Мира Горнего, образов духовной Иерархии, сияющей Шамбалы. Именно такое предназначение имели разные виды искусства, в частности, театр, в теократическом мире прошлого, особенно в Древнем Египте. В нынешнюю эпоху, эпоху Водолея*, по словам Махатмы Джуал Кхула, возобновляются египетские мистерии. Поэтому возрождение мистериальных искусств становится органической потребностью, рождаемой самим эволюционным процессом.

Цель мистериального искусства — создать резонирующую энергетическую среду, которая вводит зрителя в зону той или иной энергетической интенсивности — со всем присущим ей комплексом переживаний и осознаний. По существу, это фиксация процесса откровения, трансляции Горнего через изобразительный код. Сюжет здесь очень важен как инсценировка откровения — корень любого мистериального действия. Поэтому художнику нужна хорошая техническая «оснащенность», он должен уметь в совершенстве передать психологическое состояние, выражение глаз, точность жеста. Стремление к совершенству духовному требует технического совершенства и благоговейно-трепетного прикосновения к святыням.

А. РЕКУНЕНКО

* Земная ось медленно перемещается относительно звезд, возвращаясь в первоначальное положение примерно через 25.920 лет (период прецессии земной оси). Этот промежуток времени в египетско-средиземноморской традиции делился на двенадцать частей по 2160 лет. Каждая из этих эпох получала название по одному из знаков Зодиака, в соответствии с ориентацией земной оси на тот или иной сектор небесного экватора. В конце XX века началась эпоха Водолея. — П р и м. р е д.

она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном... Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской литературой именно под влиянием толчка, полученного мною тогда».

Каждый, кто писал об этом храме, упоминает о надписи, вырезанной по великолепному белокаменному убранству: «Лета 7204* октября 25 дня. Дело рук человеческих. Делал именем Петрушка Потапов».

Исключительный, редкостный случай — до нашего времени дошло имя создателя архитектурного творения русской старины... Кем он был, этот мастер, не решившийся назвать себя полным именем? Зодчим, как полагают многие? Или — всего лишь резчиком по камню, создателем белокаменного декора, как считают более осторожные в своих выводах и предположениях историки русской церковной архитектуры? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем это.

«Дело рук человеческих»... Какой смысл вложил в эту горделивую фразу Петрушка Потапов? Когда я (уже в который раз!) гляжу на фотографии этой церкви, мне приходит на ум такое (согласен, нивное) предположение: создатели храма, увидев, какое чудо сотворено их воображением и мастерством, решили известить и современников, и потомков о том, что чудо это — рукотворное.

По церкви Успения на Покровке два прилегающих к ней переулков были некогда названы Большим и Малым Успенскими. Около семи десятилетий назад, в 1922 году, их переименовали. Не будем торопиться с возмущенными речами вроде «мало того, что храм снесли, но и па-

мять о нем стерли!». В Москве к 1917 году, согласно фундаментальной справочной книге «Вся Москва» на 1916 год¹, было два с половиной десятка Успенских храмов и приделов и потому — множество Успенских переулков, Малых и Больших. В них можно было запутаться и московскому старожилу! А после

ми, и фантастическими. К первым относится предание о том, что Федор Михайлович Достоевский всякий раз, когда ему доводилось проходить или проезжать мимо этой церкви, снимал перед ней шапку... Ко вторым, как мне кажется, следует отнести легенду о Наполеоновском карауле. В сентябре 1812 года, в дни

значительного расширения городской территории в мае 1917 года «Успенской» топонимии прибавилось. И совершенно разумным было решение городских властей переименовать на Покровке Малый Успенский переулок в Сверчков, в память о купце Иване Матвеевиче Сверчкове, чьим «иждивением» церковь была построена, а Большой Успенский — в Потаповский, в память о камнерезе, а может быть, — зодчем.

Церковь Успения на Покровке овеяна легендами — и вполне правдоподобны-

апокалиптического пожара, испепелившего, по меньшей мере, три четверти тогдашней Москвы, в дни необузданного и беспрепятственного грабежа, учиненного солдатами и офицерами наполеоновской армии, император Франции, пораженный красотой церкви Успения на Покровке, которую он случайно увидел, проезжая по городу, распорядился поставить перед ней особый караул, дабы уберечь ее и от пожара, и от разграбления и осквернения. Всякий, кто достаточно хорошо представляет себе, что творилось в Москве в те далекие трагические — и для Первопрестольной, и для всей России, — дни, кто достаточно хорошо

Адрес
подписчика

33-13

40 к.

Индекс 70602

представляет себе самого Бонапарта, сочтет всю эту трогательную версию совершенно неправдоподобной. Думаю, что Наполеону, едва успевшему унести ноги из Кремля с его огромными пороховыми погребками и просидевшему несколько дней в полной прострации в Петровском путевом дворце на Петербургском шоссе, было не до шедевров русского церковного зодчества. Император, судя по всему, совершенно спокойно, равнодушно взирает из окон старого Кремлевского дворца на то, что творили его гвардейцы, его генералы и офицеры в кремлевских соборах, превращая их в конюшни, винные склады и полковые кухни. И все-таки в легенде о Наполеоновском карауле у стен церкви Успения на Покровке, как и во всяком ином народном предании, сокрыта глубокая правда. Не о событиях в Москве в дни оккупации ее Наполеоновской армией. Не о самом Наполеоне. А правда о том, с какой любовью, с каким восхищением относился народ к архитектурному чуду на улице Покровке. К храму, который был так прекрасен, что даже французский император был поражен его сказочной красотой и распорядился в то лихое время поставить гвардейский караул у его стен.

Да, наверное, это легенда. Но в лихие 30-е годы, когда апокалиптически разрушались святыни, не нашлось никого, кто выставил бы особый караул у храма на Покровке. Не уберegli.

Александр ШАМАРО
Рисунок О. Туркус.

* 7204 года «от сотворения мира», которое, согласно церковному календарю, отделяют от последующего «Рождества Христова» 5508 лет. 7204 года минус 5508 лет — 1696 год общепринятого летосчисления. (Примеч. авт.)